

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Р.Е. АЛЕКСЕЕВА»

На правах рукописи

Плотников Андрей Андреевич

КОНФЛИКТ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА:
ЭВОЛЮЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ, ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

09.00.11 – социальная философия

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Шетулова Е.Д.

Нижний Новгород – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
Глава 1. Понятие «социальный конфликт» и его эволюция в истории общественной мысли	15
1.1. Истоки формирования понятия «социальный конфликт»	15
1.2. Понятие «социальный конфликт» и традиции его анализа	24
1.3. Современное состояние анализа содержания понятия «социальный конфликт» в отечественной литературе	46
Глава 2. Трансформация социальных конфликтов в ходе информатизации общества	61
2.1. Информатизация как тенденция исторического движения цивилизации	61
2.2. Информатизация и трансформация социальных конфликтов	72
2.3. Информационная война как вид социального конфликта	81
Глава 3. Проблема управления социальными конфликтами в условиях информатизации общества	99
3.1. Сложившиеся технологии управления социальными конфликтами и их ограниченность	99
3.2. Требования к современной технологии управления социальным конфликтом	117
3.3. Перспективы развития технологии управления социальными конфликтами	123
Заключение	134
Список литературы	141

Введение

Актуальность темы исследования. Одной из проблем часто и ярко проявляющих себя в социуме выступает проблема социального конфликта. Социальный конфликт – важная сторона всей общественной жизни. В этом смысле он является не только индикатором общественных проблем, но также и точкой перелома, после которой система переходит в новое состояние.

Явление социального конфликта носит, образно говоря, вездесущий характер, явный и на общепланетарном уровне, и на уровне отдельной, конкретной страны - России. Российскую общественную жизнь сегодня характеризует весьма сложная социально-экономическая ситуация, не всегда простая и однозначная социально-политическая ситуация. И та, и другая провоцирует протестное движение, совершенно неизбежное в условиях наличия классов, групп, слоёв общества с противоположными интересами. Соответственно уровень конфликтности весьма высок, что инициирует необходимость обращения к исследованию социального конфликта, а также к технологиям управления им в целях поиска путей разрешения конфликтных ситуаций.

Исследование социального конфликта важно и нужно не только в контексте российской ситуации, но и в контексте мировой. Прежде всего, ввиду кризисной ситуации в мировой экономике, обостряющей конфликтность всей системы общественных отношений. Вся сфера производительных сил и производственных отношений пронизана соответствующими конфликтными состояниями. Столь же кризисная ситуация сложилась в области межгосударственных политических отношений Запада и Востока. Никуда не исчезла и проблема неравенства «первого» и «третьего» миров. Это экономическая и геополитическая стороны конфликтности современного мира. Но есть также социальная и духовная стороны. Ведь конфликты присущи

и области надстроечных явлений, и имеют свои яркие проявления в сфере общественного сознания.

Социальный конфликт, подобно другим явлениям общественной жизни, имеет тенденцию изменения, собственной качественной трансформации, в зависимости от факторов общественной среды и социального времени. Сегодня такого рода факторами, влияющими на социальный конфликт, на наш взгляд, выступают процессы глобализации и информатизации.

Глобализация, по своей сути, представляет собой усиление интеграционных процессов всех сфер жизни в мировом масштабе. Она многообразно проявляет себя и в сфере экономики, и в сфере политики, и в сфере духовной культуры. Одним из проявлений и одновременно последствий глобализации выступает быстрое развитие информационных технологий, информатизация всей жизни мира. Это, в свою очередь, «рождает» ряд следствий для других сторон и сфер общественной жизни и, в том числе, оказывает влияние на социальный конфликт.

Соответственно назрела существенная необходимость анализа трансформации социального конфликта в контексте идущего процесса информатизации.

Степень разработанности проблемы. Истоки анализа социального конфликта кроются в древневосточной и античной философии. Наиболее известные труды в этом плане принадлежат древнекитайским мыслителям Лао-Цзы и Конфуцию, постулировавших концепцию Инь-Янь [83, 105]. Во времена античности, в трудах Анаксимандра, Гераклита, Геродота, Платона, Эпикура, Цицерона, был поставлен вопрос познания сущности явления конфликта, возникновения конфликта в мире живой и неживой природы. При этом основная сквозная идея – конфликт есть абсолют всего сущего и в то же время деструктивный элемент общественных отношений [18, 110, 145].

Далее в период развития христианской философии, у Августина и Ф. Аквинского, конфликт рассматривался сугубо в рамках религиозного учения,

задавался вопрос о его месте в общественном бытии. В основном мыслители склонялись к точке зрения, истолковывающей конфликт как негативное и нежелательное явление для общественных отношений [7, 20, 97].

В Новом времени проблема конфликта также не осталась без внимания, в основном благодаря начавшемуся развитию общественных наук, а так же возникновению диалектической парадигмы в научном знании. Мыслители этого периода – Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель исследовали глубинные причины возникновения социальных конфликтов, связывая их во многом с природой человека [8, 9, 25, 35, 37, 95]. И на протяжении многих веков, вплоть до середины девятнадцатого столетия нашей эры, конфликт, хотя и более детально, рассматривался в упомянутом ракурсе.

Своеобразный перелом в исследовании конфликтов происходит с развитием таких наук как социология, психология и политология. В них теории конфликта получили методологическую базу и обрели развернутое концептуальное видение. К основным концептуальным видениям социального конфликта можно отнести: марксизм, с его теорией классовой борьбы и материалистическим пониманием общественных процессов; социал-дарвинизм, обретший истоки в области биологического знания; социологические теории Дарендорфа и Козера; психологическую теория Фрейда; теорию функционалистов и, наконец, теорию нового институционализма [24, 38, 39, 40, 52, 53, 54, 79, 80, 81, 90, 102, 113, 114, 115, 116, 144, 147, 148, 138, 139, 165, 166, 167, 172, 184].

Соответственно познание социального конфликта имеет развернутую и богатую философскую и социологическую базу. В современных исследованиях по теме диссертации можно выделить несколько групп работ.

Анализ самого социального конфликта в смысле его сущности, видов, путей снятия, теоретико-методологических проблем развития конфликтологии представлен в работах таких авторов, как А.Я. Анцупов, С.Б. Давлетчина, А.В. Дмитриев, А.К. Зайцев, А.Г. Здравомыслов, Д.П. Зеркин, М.В. Иванов, А.М. Митяева, Е.И. Степанов, Л.Н. Цой, В.Н. Шаленко, А.И. Шипилов, А.В.

Щербаков, А.В. Ядов [4, 5, 50, 51, 56, 62, 64, 65, 66, 69, 108, 161, 168]. Психология конфликта исследовалась Н.В. Гришиной [40], конфликт как фактор самоорганизации общества раскрыт Н.Н. Сыбеновой [134].

Разработка прикладных (практических) аспектов, связанных с анализом пред- и конфликтных ситуаций в отдельных сферах и путях их снятия (смягчения), проведена А.М. Бекаревым, А.Ш. Викторовым, А.А. Владимировым, А.М. Дорожкиным, Л.А. Зеленовым, Э.В. Лихачевой, Е.К. Нечепуренко, В.И. Петрушиным, В.А. Светловым, В.В. Солодниковым, Е.И. Степановым, Л.Н. Цоем, В.Н. Шаленко, А.В. Щербаковым, О.Н. Яницким [15, 28, 29, 30, 92, 111, 117, 125, 131, 133, 151, 154, 161, 171].

Общая социологическая теория, исследования в области социальной психологии и психологии личности предоставляют фундамент освещения проблематики социального конфликта в смысле его сущности, многообразия сторон. Назовем работы П.А. Абрамовой, Г.М. Андреевой, Г.А. Ашина, П. Бурдые, М. Вебера, Э. Гидденса, Л. Гумпловича, Ю.А. Замошкина, И.С. Кона, С. Мадди, В. Парето, А. Турена, К. Хорни, Л. Хьелла [1, 3, 13, 24, 26, 36, 42, 63, 81, 94, 116, 141, 147, 148].

В свою очередь философская и историко-философская литература также высвечивает ряд идей, небесполезных в плане анализа социального конфликта (конфликт и противоречие, конфликт и отчуждение, анализ конфликтных состояний в общем массиве идей классиков философской мысли). В этом плане значимы работы П.Н. Ардашева, В.Ф. Асмуса, Т.С. Ахромеевой, А.С. Богомолова, В.В. Бондалетова, Ю. Боргоша, В.В. Бородкина, Ю.К. Волкова, Н.Е. Григорьевой, А. Данто, И.С. Добронравовой, А.М. Дорожкина, Е.Н. Князевой, Г.Т. Майорова, Г.Г. Малинецкого, Н.В. Мотрошиловой, Т.И. Ойзермана, А.Н. Плющ, С.А. Посашкова, Е.Д. Шетуловой [7, 8, 12, 18, 19, 20, 21, 32, 51, 57, 75, 95, 110, 113, 118, 156].

Осмысление информационного общества, процессов информатизации, ее позитивных и негативных последствий, влияния технологий на общество и человека осуществлено Д. Беллом, А.А. Воат, А.П. Ершовым, Г. Каном, В.А.

Кутыревым, У. Мартином, И. Масуда, И.В. Соловьевым, Э. Тоффлером, А.Д. Урсулом, А.Н. Фортунатовым, А.А. Черепановым, Е.Д. Шетуловой, В.А. Щуровым, Ж. Эллюлем [16, 31, 130, 176, 87, 104, 180, 130, 140, 142, 153, 157, 163, 164]

Сущность и проявления информационной войны как вида социального конфликта рассмотрено Н.П. Араповой, О.В. Иванниковым, Д.А. Качумовым, А.В. Манойло, А.М. Соколовой [6, 68, 73, 99, 100, 129].

Понятие, содержание, классификация, прикладные аспекты социальных технологий раскрыты в работах В.Г. Афанасьева, А.В. Дмитриева, С.М. Емельянова, Л.П. Кузнецовой, Ю.Ф. Лукина, П.В. Макаренко, Я.А. Маргуляна, М. Маркова, Н. Стефанова, К. Поппера, А.А. Путиловского, В.В. Щербины [11, 55, 60, 86, 93, 96, 132, 101, 120, 123, 162].

Идеи синергетической методологии, влияющие на переосмысление конфликтологии, заключены в работах О.Н. Астафьевой, И.С. Добронравовой, Е.Н. Князевой, Г.Г. Малинецкого, Н.Н. Моисеева, Н.В. Мотрошиловой, И. Пригожина, И. Стенгерс, Г. Хакена [10, 12, 57, 76, 109, 110, 122, 146].

Проблема социального конфликта, вне сомнения, имеет существенную степень разработанности. Причем каждый период исследований тесно связан с этапами общественного развития и сменами научных парадигм, что подчеркивает историческую обусловленность этих этапов. Однако историческое движение человечества обуславливает новые вызовы, в том числе, в области социальной конфликтологии. Одним из таких вызовов выступают происходящие процессы информатизации, трансформирующие и модифицирующие конфликт, требующие новых технологий своего разрешения. Это, в свою очередь, требует их соответствующего анализа. Тем более что необходимо констатировать недостаточное количество работ непосредственно по проблеме влияния современных технологий, обусловленных ими процессов информатизации, на трансформацию социальных конфликтов.

Объект исследования. Объектом исследования выступает движение современной цивилизации в рамках конфликтогенных процессов информатизации и глобализации.

Предмет исследования. Предметом исследования является социальный конфликт в условиях информатизации.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы в соответствии с выделенным предметом состоит в исследовании социального конфликта в условиях информатизации общества.

Эта цель в ее содержательном виде определяет основные задачи исследования, которые представлены в структуре работы:

- Анализ сложившихся философских и социологических традиций исследования социального конфликта, включая раскрытие современного состояния этого анализа в плане имеющихся тенденций и перспектив;
- Исследование процесса информатизации как фундаментальной тенденции современного этапа развития;
- Изучение трансформации социальных конфликтов в условиях проходящей информатизации общества;
- Анализ информационной войны как вида социального конфликта;
- Раскрытие содержания и границ, сложившихся к данному времени технологий управления социальными конфликтами;
- Обоснование требований к современной технологии управления социальным конфликтом и определение перспектив дальнейшего развития технологии управления конфликтами.

Теоретико-методологические основы исследования. В качестве общетеоретических основ исследования проблемы социального конфликта выступают труды мыслителей античности, философов средневековья и Нового времени. Рассмотрение процессов трансформации и модификации социального конфликта под влиянием происходящей информатизации общества основано на

социально-философских работах, посвященных сущности и закономерностям становления и развития информационных процессов в функционировании общества. Особое значение для теоретического исследования социального конфликта в условиях информатизации общества имели работы, посвященные вопросам регулирования и разрешения конфликтов.

Методологическую основу исследования составляет структурный, системный, компаративистский анализ, а также диалектический подход к предмету исследования. Адекватное рассмотрение социального конфликта, процесса его исторического движения возможно именно на базе диалектики с ее учением о всеобщей связи и развитии, ибо конфликт неотъемлемо включен в общественную систему и изменяется, ввиду происходящих в ней процессов.

Базовые принципы диалектического метода лежат в основе системного и структурного рассмотрения социальных явлений, в том числе, и социального конфликта в условиях информатизации общества. Они позволяют понять противоречивую природу информационных процессов как единства прямых и обратных связей, раскрывают целостность социальных процессов, варианты структурных изменений.

Изучение конфликтологических теорий, раскрывающих содержание понятия «социальный конфликт» и его сущность, подразумевает процедуру сравнения, в ходе которой и можно выявить специфику и значимость соответствующей теории. Отсюда следует необходимость применения компаративистского анализа.

Гипотеза диссертационного исследования базируется на предположении о наличии корреляции универсального характера социального конфликта и тотального характера глобализационных процессов, вездесущности информационных технологий, что превращает конфликт в «матрицу» социальных отношений современности и это предопределяет необходимость поиска новых подходов к изучению и управлению социальным конфликтом.

Научная новизна работы определяется поставленными задачами и достигнутыми результатами исследования:

1) С учетом условий современности, проведен компаративистский анализ значимых теорий социального конфликта, выявивший их возможности и границы;

2) На основе анализа процесса информатизации как ведущей, основополагающей тенденции современного этапа развития показана его фундаментальная роль в плане трансформации социальных конфликтов;

3) Под углом авторского видения эволюции социального конфликта, представлен исторический и сущностный анализ информационной войны как одного из основных его видов;

4) Исходя из анализа содержания и границ, сложившихся технологий управления социальным конфликтом, обоснованы требования к современной технологии управления социальным конфликтом и на этой основе показаны общие перспективы развития технологии управления социальным конфликтом;

5) Предложена авторская оптимизация методологической модели управления социальным конфликтом на основе социальной синергетики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Конфликт, как объект философского поиска присутствует на всех этапах цивилизационного развития от Древнего мира до современности. Большинство существующих теорий социального конфликта ограничены с одной стороны историческими рамками, являясь действенными лишь в определенный исторический период или на определенной стадии общественного развития, и конфликтной областью, в которой они рассматриваются – с другой. Наиболее проработанной с точки зрения методологии, а также наименее подверженной обозначенным ограничениям является теория социальной стратификации и социальных изменений, поскольку обозначенные в ней положения отражают общую универсальную логику развития конфликтных отношений.

2. Особую роль в процессе трансформации феномена социального конфликта играет одна доминирующая, основополагающая тенденция общественного развития – процесс информатизации. Он представляет собой

комплекс научно-технических и социокультурных направлений общественного прогресса. Затрагивая подавляющее большинство сфер общественной жизни, и обуславливая переход от индустриального общества к обществу нового типа – постиндустриальному или информационному, информатизация имеет тесную связь с социальным конфликтом, выступающим индикатором качественных изменений, происходящих в ходе этого процесса. В это связи, основной конфликтогенез представляют изменения в общественных отношениях, связанных напрямую с возникновением принципиально новых сущностей, таких как: глобальное информационное пространство, средства массовых коммуникаций, информационные технологии, информационная культура, информационная экономика, а также виртуальные аналоги отдельных процессов и явлений в жизни социума.

3. Информационная война представляет собой один из современных типов социального конфликта, который наиболее ярко и масштабно проявляет себя в условиях информационного общества. История информационных войн прослеживается в исторических событиях и фактах на протяжении нескольких веков. Отличительной особенностью информационных войн каждого исторического периода является использование различных коммуникационных средств и технологий. На текущий момент сущность явления информационной войны выражается в информационном противоборстве или конфликте с применением современных технических средств, информационных и коммуникативных технологий, целью которого является манипуляция сознанием противника в своих интересах.

4. Под технологией управления социальным конфликтом понимается система знаний о способах организации и оптимизации социальных процессов и социальной деятельности/практики, связанных с социальными противоречиями. Объектом технологии технологий являются люди (участники конфликтов), а целью – снятие социальной напряженности и предотвращение деструктивных последствий социальных конфликтов. Границы современных социальных технологий управления конфликтом в большей степени

представлены узкой применимостью в отдельных областях социальных отношений, а также отсутствием методологической целостности или системности представленных знаний. Требования к современной технологии управления социальным конфликтом, определяющие перспективы развития данного направления, классифицированы по следующим основаниям: применимость, допустимость, институциональность, стандартизация и эффективность. Соблюдение представленных требований в совокупности обеспечивает критерий достаточности и избыточности создаваемой социальной технологии.

5. Особый потенциал в разработке технологии управления социальным конфликтом, на наш взгляд, представляет использование методологии социальной синергетики. Представляя социум как неравновесную динамическую систему, а социальный конфликт как фактор ее самоорганизации, мы предлагаем синергетическую технологию управления социальными конфликтами и соответствующую её логическую схему. Вся управленческая деятельность разделена на два этапа: профилактика, прогнозирование и социальная диагностика в состоянии зарождения конфликта; непосредственное управление/регулирование конфликтной ситуации в её активной фазе.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическое значение диссертации состоит в том, что ряд положений и выводов вносит определенный вклад в развитие социальной теории, а представленная в ней концепция социального конфликта может быть использована для анализа новейших тенденций исторического движения современного социума.

Методическая значимость работы заключается в том, что положения и выводы диссертации могут быть использованы в качестве методологического основания и модели при проведении исследований в области конкретно-научного знания: психологии, социологии и других научных дисциплинах гуманитарного и социально-экономического профиля по данной проблематике.

Научно-практическая значимость диссертационной работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы для решения ряда дискуссионных социально-философских и социологических проблем, для оценки роли и места конфликта в современном обществе, а также при разработке учебных курсов и спецкурсов по философии, социологии и ряда других дисциплин.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Работа соответствует специальности «Социальная философия» (09.00.11.), тематически и содержательно коррелируя следующим пунктам: п. 23. Солидарность и конфликт как проблемы социальной философии; п. 33. Глобальные проблемы современной цивилизации.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования излагались автором на XI международной научной конференции «Мировоззренческая парадигма в философии: культура определения бытия и сущего» (Нижний Новгород, 2014), I международной научно-практической конференции «Мир коммуникаций: тенденции, практики, перспективы» (Нижний Новгород, 2014), IV Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальных коммуникаций» (Нижний Новгород, 2013), I Всероссийской научно-практической конференции «Документ, источник, текст: горизонты современных исследований» (Нижний Новгород, 2014), XLIX-L Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» (Новосибирск, 2015), V Международной молодежной научно-практической конференции (Новосибирск, 2015), Международной научной конференции «Национальная безопасность России в глобализированном мире: состояния, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития» (Йошкар-Ола, 2015). Основное содержание диссертации изложено в 10 научных публикациях, включая статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатской диссертации. В том числе:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Проблема информационного конфликта в современном обществе // Преподаватель – XXI век. 2014. № 2. С. 366-368.

2. Проблема познания социального конфликта: современный взгляд // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3. С. 113-119.

3. Анализ опыта исследований социальных конфликтов в России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9. С. 22-26.

Публикации в других изданиях:

4. Профессиональный конфликт в зеркале коммуникативистики // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во НГТУ, 2013. С. 25-27.

5. Конфликт как способ социального бытия // Мировоззренческая парадигма в философии: культура определения бытия и сущего: сборник статей по материалам XI Международной научной конференции. Нижний Новгород: НФ МЭСИ, 2014. С. 224-225.

6. Информационные технологии в современном PR // Мир коммуникаций: тенденции, практики, перспективы: сборник статей по материалам научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во НГТУ, 2015. С. 65-67.

7. Философское осмысление социального конфликта // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Сборник статей по материалам XLIX-L международной научно-практической конференции. № 5-6 (46). Новосибирск: Изд-во «СибАК», 2015. С. 42-46.

8. Психологическая профилактика девиантного поведения детей в конфликтных семьях // Научные исследования и разработки молодых ученых: сборник материалов V Международной молодежной научно-практической

конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 111-114.

9. Информационная война как конфликт и проблемы безопасности России // Национальная безопасность России в глобализированном мире: состояния, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития. Сборник трудов международной научной конференции: в 2 ч. / под общ. ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. Ч. 1. С. 159-166. (в соавторстве с Е.Д. Шетуловой).

10. Социальный конфликт: историографический взгляд // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2015. № 2. С. 54-58. (в соавторстве с Е.Д. Шетуловой).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры методологии, истории и философии науки НГТУ им. Р.Е. Алексеева.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка литературы, состоящего из 186 наименований, в том числе 11 на английском языке.

Глава 1. Понятие «социальный конфликт» и его эволюция в истории общественной мысли

На протяжении множества веков, начиная с первой цивилизации, феномен социального конфликта был неотъемлемой частью человеческого общества и изменялся вместе с ним. Из достаточно примитивных форм первобытной эпохи социальный конфликт вырос в мощнейший высокотехнологичный механизм, сотканный из огромного количества причинно-следственных связей. При этом анализ социального конфликта имеет глубокие истоки и определенную эволюцию, на которой мы, прежде всего, и остановимся.

1.1. Истоки формирования понятия «социальный конфликт»

Первые попытки осмысления конфликта были еще в глубокой древности. Хотя самого понятия конфликта как такового еще не существовало, древние мыслители задавались вопросом о соотношении противоречий. Его не считали положительными или отрицательными феноменом, а только признавали его вездесущность, конфликт или противоречия существовали и в мире людей, и в мире богов, а также в самой природе. Идея конфликта, как противоположности гармонии и раздора присутствовала еще у китайских мыслителей древнего времени относящихся к VII—VI вв. до н. э. Согласно древнекитайской философской концепции, Инь и Янь символизировали взаимоотношения крайних противоположностей «светлого и темного», описание конфронтаций двух сущностей, относящихся в основном к природным явлениям [105, с.46-69]. Лао-цзы считал, что Инь и Янь не столько находятся в борьбе, сколько дополняют друг друга, создавая единое целое, гармоничное [170]. Упомянутое учение о дуализме послужило основой древнекитайской диалектической модели философии.

Конфуций полагал, что источником стабильности и развития общества служит состояние гармонии и лояльности людей по отношению друг к другу, другими словами избегания конфликтов, по его учению, с помощью приведения жителей к социальному равенству [83].

Понятие конфликта присутствует и у древнегреческих философов. Анаксимандр трактовал явления конфликта в своем понятии «апейрона» - бесконечного начала всего сущего, находящегося в постоянном движении, которое в своей сути содержит процесс противоборства противоположных стихий. Распространено мнение, что именно апейрон является родоначальником греческого материализма [110].

Позже Гераклит развил тему противоположностей в основе всего сущего, положив, что сущность вещей познается именно через противоположности и даже определяется ими, находящимися в со-бытии друг с другом. Теория Гераклита имеет общие черты с древнекитайской концепцией, хотя философ и пытался проследивать сущность некоторых вещей через противоречивую природу, он так же и не отрицал состояния гармонии: «Война — отец всех вещей, а мир — их мать». В рамках его диалектической модели все сущее находится в постоянном движении благодаря своей противоречивой природе, именно она обеспечивает импульс этому движению. Анализируя труды Гераклита, Мартин Хайдеггер толковал рассвет бытия через процесс, который греческие философы называли «восхождение». Так, все вещи в природе включают в себя два взаимоисключающих типа движения: восхождение и захождение. Например, человеческая жизнь — это процесс восхождения, а смерть, как завершение жизни – захождение. Процесс восхода и заката солнца, греки так же видели через призму этих двух базовых явлений. Из приведенных примеров, можно сделать вывод о диалектической, конфликтной сущности бытия, как постоянное противоборство двух процессов [145].

Мыслители Геродот, Платон и Эпикур считали, что конфликт или война, противопоставляясь естественному состоянию мира, является отрицательным фактором, ведущим к распаду общества. Но их утопичные идеи об избавлении общества от конфликтов и войн разбивались о суровые реалии мира, не оставляя никакой надежды на создание желаемого сферического социума. В целом для периода античности проблема мира и войны, конфликта и согласия являлась одной из основных «должных быть помысленными». Позднее

мыслители ввели в конфликт критерий «справедливости и несправедливости», признавая его, тем не менее, неизбежным состоянием общества [18].

Цицерон в своем труде «О государстве» выдвинул тезис о «справедливой и благочестивой войне», суть которой виделась в отмщении обидчикам за причиненные народу страдания [150]. Эту мысль в своей работе «О граде божьем» продолжил Аврелий Августин Гиппонский Блаженный, добавив к условиям Цицерона «справедливость намерений» ведущего войну «...Люди, которые нарушают мир, не ненавидят его как таковой, а хотят лишь другого мира, который отвечал бы их желаниям...» [95, с. 130].

В Средние века проблема социального конфликта в обществе так же рассматривалась рядом мыслителей. Фома Аквинский, развивая мысли о значении войн в жизни общества, пытался определить моменты, которые делают войну справедливой, в частности упоминал о благородности намерений, неизбежности и любви к своему врагу. По мнению Фомы: «война и насилие являются всегда грехом» [20]. Поскольку в этот период сильное влияние на людей оказывало христианство, основанное на идеях равенства всех перед богом и крайней гуманности, конфликты возникали на почве религии. Причем, не только между верующими и противниками церкви, но и между самими последователями единой веры. По этому вопросу высказался Эразм Роттердамский: «Наибольшим абсурдом является то, что Христос присутствует в обоих лагерях, как будто сам с собой ведет борьбу». Он так же считал, что конфликт имеет собственную внутреннюю логику и подобно цепной молнии увеличивает зону своего влияния, вовлекая в нее новые слои населения. Причинами же конфликтов или войн Эразм видел исключительно низменные позы корысти и власти их зачинщиков, коими в основном, являлись правители [7].

Принципиально новому подходу следовал Никколо Макиавелли. Уникальность его взглядов заключалась в отклонении от господствующей идеи религиозности, как единственном источнике развития общества. Мыслитель считал, что социальный конфликт является непрерывным универсальным

состоянием общества, ввиду стремления всех слоев общества к обогащению и власти. Источник конфликта Макиавелли видел в представителях знати, обладающей неограниченной государственной властью. По его словам, в конфликте присутствует и созидательная сторона, сокращающая социальную дифференциацию и стремящаяся «вернуть справедливость в общество», конфликт выступает как средство борьбы граждан за свои права. Чтобы уменьшить пагубное влияние конфликта, философ считал, конфликт следует регулировать должным образом, и эту функцию призвано выполнять государство [97].

В Новое время социальные конфликты заметно обострились, и их изучению уделялось много внимания. Мыслители стали замечать, какое огромное влияние на общество оказывают войны и внутригосударственные конфликты. Френсис Бэкон, исследуя природу социальных конфликтов, анализировал причины их возникновения среди граждан одного государства. По его словам, возникновению конфликтов способствовали политические ошибки государей и их критическая оценка со стороны сословий и сената. Так же Бэкон отмечал общий уровень бедности граждан страны как одну из основных причин возникновения социальных конфликтов. Таким образом, базируясь на его исследованиях, можно сделать вывод, что приход к демократичному обществу мог бы заметно снизить количество конфликтов среди граждан страны [25].

Гуго Гроций дискуссия на тему приемлемости войны между суверенными государствами, основным аргументом считал убежденность в правоте намерений каждой из сторон. Его рассуждения заложили теоретическую основу для позднейшего понятия нейтралитета. Так же философ призывал к снижению уровня жестокости войны, вводя некоторые ограничения на ее ведение [41].

Интересное мнение высказал Томас Гоббс в своем труде «Левиафан», написанном в 1651 году, обосновав пессимистичный подход в понимании природы социальных конфликтов. Он считал, что каждый человек эгоистичен и

ленив по своей природе, а возникающие в обществе конфликты - это его попытки завладеть чужими благами. Вечное стремление к обогащению, власти, славе и удовольствию порождает общественную конкуренцию на основе одинаковых нужд и ограниченных ресурсов, делая людей менее доверчивыми и восприимчивыми друг к другу, по сути, создавая между ними вражду, или, как ее называл сам философ, «войну всех против всех». Сравнивая государство с библейским существом Левиафаном, Гоббс считал, что лишь оно способно своей мощью и жестокой централизованной властью избавить общество от бесконечной вражды и конфликтов [37].

Наряду с пессимистичным подходом существовал оптимистичный подход к пониманию конфликтов, автором которого является Ж.-Ж. Руссо. Философ считал, что все люди равны от природы и изначально были свободны от пороков современного общества, имея такие качества как миролюбие, сочувствие ближнему и бескорыстие, они гармонично сожительствовали друг с другом. Но с развитием цивилизации, а именно с возникновением частной собственности, разделения труда и публичной власти, общество погрузилось в заблуждения и предрассудки, что поспособствовало развитию низменных желаний у его членов. Таким образом, с появлением цивилизации возникли и социально значимые ресурсы, конкуренция за которые, и является социальным конфликтом в широком смысле слова. Мыслитель противопоставляет конфликт естественному состоянию общества – гармонии и равенства. Единственным действенным способом возвращения общества к истокам, к его реальным ценностям, на взгляд Руссо, является построение демократичной власти на основе общественного договора, преимущественно использующей воспитательные, гуманные методы политического воздействия [8].

Два представленных подхода к пониманию социальных конфликтов, пользовались большой популярностью у мыслителей в период Нового времени и, так или иначе, последователи конфликтологической мысли либо придерживались одного из них, либо создавали их симбиоз. В работе Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» основами

социальных конфликтов считалось деление общества на классы и соперничество за материальные блага. Унаследовав пессимистичные взгляды Гоббса, Смит так же считал человека эгоистичным от природы, а основное поступательное движение общества списывал на жажду экономического обогащения. С такой точки зрения, конфликты или конкуренция за ресурсы между людьми является двигателем социального прогресса [127].

Интересный симбиоз подходов к пониманию конфликтов выдвинул Иммануил Кант. С одной стороны, он пессимистично считал, что люди эгоистичны и корыстны от природы, находятся в состоянии постоянной борьбы и нескончаемой угрозы со стороны своих соседей. Но также, соглашаясь с мнением Руссо, Кант считал, что состояние мира и гармонии должно быть установлено. В рамках концепции Канта, конфликты – это нечто «данное», полученное «из вне» или «вне опыта», поэтому попытки интерпретировать это явление приводят к разному пониманию его сущности, в зависимости от типа мышления каждого отдельного индивида. Этот подход отчасти объясняет причину возникновения такого огромного числа разных типов конфликтов в обществе [9].

Своеобразную трактовку имела философская теория конфликта Георга Гегеля, следуя которой история представлена как внутренний процесс трансформации мирового духа как основоположника всего сущего, диалектичный по своей природе этот процесс состоит из непрерывной борьбы противоположных начал: «Распространяясь во все стороны, раскрывая себя в своих особенностях, полный, целостный дух выходит из состояния покоя и, вступая в область противоположностей запутанного земного существования, противопоставляет себя самому себе. В этом расколе он уже больше не в силах избежать тех несчастий, которые неразрывно связаны со всем конечным». Он вводит понятие коллизии – «такое изменение гармонического состояния, которое в свою очередь должно быть изменено». Хотя, «коллизия еще не есть действие, а содержит в себе лишь начатки и предпосылки действия», она является первым шагом к дисгармонии. Таким образом, в попытке вернуться к

гармоничному состоянию, человек должен проделать определенные усилия и преодолеть возникшие противоречия.

Гегель разделял коллизии на два типа: природные и духовные. Коллизии первого типа включали в себя нарушения жизненной гармонии, не зависящие от действий человека, к ним можно отнести стихийные бедствия, болезни, эпидемии и т.д. К типу же духовной коллизии, относится «противоположность, вызванная деянием одного человека». Будь то противоречия общественным законам, социальное неравенство, нарушение норм морали и этики. Самыми эстетическими значимыми, философ считает противоборства, основанные на духовных началах: «...бороться друг с другом должны интересы идеального характера. Такими интересами являются существенные потребности человеческого сердца, необходимые в самих себе цели действия; они правомерны и разумны в себе и вследствие этого являются всеобщими и вечными силами духовного существования». Кристаллизацией таких противоречий и являются социальные конфликты, войны и гражданские революции. Их причины Гегель видел в сильной классовой дифференциации, так называемой «поляризации» общества того времени. Хотя он и считал, что беспорядки и смуты нуждаются в регулировании с помощью силы государственной власти, так же, в рамках своего онтологического подхода, признавал социальные конфликты неотъемлемой частью развития социума [35].

Известный противник Гегеля, Артур Шопенгауэр критиковал его, в частности, противопоставляя мысли волю, как источник человеческого духа. Именно он вводит понятие «мотивации», как стремление человека удовлетворить свои потребности. Шопенгауэр видит конфликт во всем, как в неорганической природе – противоборство стихий, так и в обществе людей – постоянная борьба за удовлетворение своих желаний, он так же называет ее «болью»: «Боль, позитивна, удовольствие негативно, это всего лишь временное облегчение». Называя наш мир «наихудшим из всех возможных миров», философ говорит от трех путей спасения от боли и страданий. Первый – созерцание «вечных» идей творческого гения, он приносит лишь временное

облегчение. Второй путь представляет собой жизнь полную сострадания с соблюдением норм морали, главной добродетелью является отождествление своей страдающей воли с волей ближнего. И третий путь, который якобы способен полностью избавить человека от боли – это есть отказ от самости и желаний – через бесстрастную аскетическую жизнь [149].

Военный писатель Карл Клаузевиц своей работой «О войне» буквально перевернул теорию военных наук. Его знаменитое высказывание: «Война есть продолжение политики другими средствами» позволило по-новому переосмыслить международные конфликты. По его словам, такие вооруженные конфликты являются не только неизбежными, но и закономерным развитием внутренней и международной политики, представляющие своего рода их эволюционную форму [74].

Последователь взглядов Шопенгауэра, Фридрих Ницше, доработав теорию Гоббса, в качестве главного жизненного стимула считал «волю к власти». Он относит этот принцип, как к обществу людей, так и к миру органической и неорганической природы. Благодаря этому стремлению, человек организует свое жизненное пространство, приобретает желаемые ценности. Таким образом, стремление к власти порождает социальные и межличностные конфликты, которые, в свою очередь, являются неизбежными [51].

Существенное развитие теория конфликта получила в свете новоявленной науки социологии. Один из ее основоположников Огюст Конт в рамках своей философии позитивизма упоминал о месте социального конфликта в обществе. По Конту социальный прогресс должен иметь мирный, непротиворечивый характер, а социальные конфликты и разногласия, в том числе и революционные изменения на их почве, являются патологией общественного развития. Большое значение Конт придавал традициям и сложившимся исторически общественным устоям, считал, что лучший путь эволюционного развития социума – равномерный и последовательный [82].

Таким образом, в работах крупнейших философов античности, средневековья и Нового времени были заложены основы понимания сущности

социальных конфликтов, их источников и возможных путей разрешения. Их работами был создан фундамент последующих конфликтологических парадигм, каждая из которых, «выросла» в соответствующую традицию исследования социального конфликта.

Проанализировав труды древних мыслителей можно говорить о демаркации точек зрения на роль конфликта в человеческом обществе.

Сторонники «первого лагеря» видят конфликт как сугубо негативное явление, которого стоит избегать всевозможными способами. В частности, достаточно абсурдная система взглядов на конфликт присуща многим мыслителям Средневековья. Так, отвергая конфликт как функциональное звено социальной системы, христианская церковь, имеющая практически неограниченную власть, фактически противореча своим учениям, насильственно подавляла инакомыслие и вела кровопролитные войны во имя религии. А принцип гуманизма, справедливости и всеобщего равенства уходил на второй план и использовался лишь тогда, когда это было выгодно представителям церковной власти.

Иная точка зрения сформировалась у ряда философов античности и более поздних периодов. Ее суть состоит в принятии конфликта как функционального, и более того, имеющего созидательную сторону явления социальной жизни. И хотя большинство рассмотренных концепций имеют достаточной абстрактный вид, рассуждая о проблеме конфликта не только в обществе людей, но и за его рамками – в живой и неживой природе, логика их изложения предельно ясна и даже во многих аспектах соответствует доминирующим идеям нашего времени.

Автор данной работы солидарен со второй точкой зрения, но отнюдь не из-за ее тенденциозности, а благодаря многочисленным подтверждениям и примерам функциональности конфликта в социальной практике. Самый очевидный пример можно привести из сферы межличностных отношений, где конфликт является закономерным и неизбежным событием. Именно через

конфликт очень часто достигается взаимопонимание между противоположно настроенными индивидами. Причем, даже в случае компромисса, когда каждая из сторон поступает частью своих интересов и не меняет радиально своей позиции, принятое в результате конфликта решение выводит ситуацию в конструктивное русло и позволяет сосуществовать антагонистам в одном социальном пространстве. И подобных иллюстраций, подтверждающих истинность этой концепции можно привести еще огромное множество. Однако, все эти примеры будут относиться только к тем типам конфликта, которые изначально имеют некое рациональное зерно. Ведь также существуют конфликты деструктивные, направленные на разрушение не только отдельных социальных связей, но и всей системы в целом. Именно поэтому, автор не может принять предложенную мыслителями древности концепцию в ее завершенном виде и предпринимает попытку дальнейшего поиска на ее основе.

1.2. Понятие «социальный конфликт» и традиции его анализа

С развитием общественных наук постепенно формируются основные конфликтологические парадигмы. На их формирование оказали влияние внутригосударственные, международные условия, важнейшие исторические события, общественные процессы, а также общее развитие социально-философских идей и теорий. По нашему мнению, можно выделить следующие концептуальные традиции исследования социальных конфликтов: марксизм, социал-дарвинизм, психоанализ, теории социальной стратификации и социальных изменений, теория нового институционализма (при учете того, что подобная классификация непростая проблема, но, в данном случае, в ее основании научные интересы автора). В этом параграфе будет представлен анализ марксистской конфликтологической теории, а также варианта теории социальной стратификации и социальных изменений, представленной работами Р. Дарендорфа и Л. Козера. Именно эти конфликтологические теории выбраны автором неслучайно, а исходя из того, что исследование социального конфликта в них имеет наибольшую степень развернутости и содержит в себе

ряд перспективных идей и положений. И, кроме того, является объективным и соответствующим современному научному пониманию общественных процессов.

Марксистская традиция исследования социальных конфликтов берет свои корни из классовой теории, в которой социальные конфликты играют важнейшую роль в общественном развитии. Основными социальными классами капиталистического общества, которое выступало в качестве основного объекта анализа Маркса, являются буржуазия и пролетариат. Между ними происходит постоянная борьба, поскольку господствующий класс буржуазии эксплуатирует наемных рабочих, в тоже время они имеют абсолютно разные ценностные ориентиры. В результате такой борьбы (вражды) возникают антагонистические конфликты, приводящие к революции, которая в свою очередь, как выражался философ, является «локомотивом истории».

Хотя понятие класса существовало и до марксизма, именно с Маркса появилась детализация класса, которая занимает центральное место в его теории. Основными признаками класса, ученый выделял: коллективное неравенство условий жизни и труда или неравенство шансов на обладание определенными юридическими, материальными и культурными благами; наследственная передача привилегий (как собственности, так и статуса). Таким образом, движение между прослойками общества представлялось практически невозможным, и на протяжении поколений у людей, принадлежащим различным классам формировался абсолютно разный образ мышления, который, по сути, являлся детерминантом их уровне жизни. Ранние труды Маркса опирались на творчество Гегеля и младогегельянцев, но, тем не менее, практически сразу были намного радикальнее, за счет постепенно формировавшегося экономического материализма, приверженцем которого был мыслитель. Так, Маркс критиковал ряд положений современных ему исследователей относительно первостепенности традиций и естественного, исключаящего революции, хода истории. Важным моментом является то, что Маркс, видел свою теорию актуальной лишь для конкретного исторического

периода и для конкретной географии. Само существование классов связано с определенными историческими фазами развития производства. А классовая борьба неизбежно ведет к установлению диктатуры пролетариата, что, в свою очередь, нужно для перехода к бесклассовому обществу, за счет уничтожения любых классов и приведения к всеобщему социальному равенству [102].

В целом, экономическая направленность взглядов играла большую роль в теории Маркса, поэтому причины возникновения классов, он видел именно экономические. Так, очень важное место в марксизме занимает понятие собственности, именно в результате появления которой на средства производства и возникали так называемые «антагонистические общественно-экономические формации». Уход от частной собственности к коллективной, по мысли Маркса, есть один из необходимых шагов к социальному равенству. Любой конфликт является антагонистичным и имеет диалектическую структуру, поскольку в результате революции неизбежно образуется поляризация классов и велика вероятность нового восстания угнетенных в последующем. Соответственно причинами социальных конфликтов в марксизме считается диаметрально противоположность интересов социальных слоев [39, 28, 90, 102].

Соавтор Маркса Фридрих Энгельс в своих работах затронул тему закономерностей первобытного и феодального общества, возникновение в них частной собственности, классов и формирования государства. Именно борьба классов за материальные блага, приводящая к социальным конфликтам, способствовала переходу социума к более развитым формам общественного устройства. В период позднего творчества, Энгельс стал рассматривать борьбу за права пролетариата в рамках буржуазного общества без проведения революций. На это во многом повлияло развитие избирательного права в европейских странах. Энгельс заметил, что рабочие стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должность, если при замещении ее в голосовании участвовало достаточное количество рабочих голосов. И вышло так, что буржуазия и правительство стали гораздо больше бояться легальной

деятельности рабочей партии, чем нелегальной, успехов на выборах, — чем успехов восстания [14].

Как уже было отмечено марксистская теория социального конфликта основана на положениях диалектического материализма, согласно которым естественное развитие общества происходит за счет классовой борьбы, под классами здесь понимаются сущностно-противоположные социальные группы. По Марксу, конфликтным ядром классовых противоречий является существующая система распределения экономических ресурсов. Для классов характерно неравенство шансов, что вытекает из различного уровня богатства, типа собственности, юридических привилегий, культурных преимуществ, проявляется в определенном образе жизни и чувстве принадлежности индивида к соответствующему слою. Что характерно, в марксизме присутствует идея коммунизма или бесклассового, бесконфликтного общества. Согласно идеологии марксизма, достижение обществом такого состояния возможно лишь с применением такого радикального механизма общественной трансформации как социальная революция.

Абстрагируясь от коммунистической специфики Дж. Тернер изложил основные положения марксистской теории конфликта [138]:

I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы.

II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.

- Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы

- Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

- Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

- Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.

- Чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они будут обмениваться жалобами.

- Чем больше подчиненные сегменты смогут развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

- Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятна идеологическая унификация.

- Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятна идеологическая унификация.

III. Чем больше подчиненные сегменты системы осознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.

- А. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.

IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.

V. Чем сильнее поляризация господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.

VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и распределения недостающих ресурсов.

Интерпретация марксизма Лениным отрицала социальные противоречия и конфликты в постреволюционном обществе. Однако уже к 60-м годам рядом теоретиков идея бесконфликтности советского общества подверглась критике. Начала своё постепенное формирование идея, согласно которой неантагонистические противоречия, рано или поздно, приобретут антагонистический характер по причине существования различий между базовыми интересами социальных групп, в том числе, в социалистическом обществе. Особую популярность эта идея обрела в период перестройки, что можно видеть на примере работ А.Н. Яковлева [169].

Соответственно марксистская социальная теория, обладая богатым идейным содержанием, тем не менее имеет и ряд ограниченностей, выявлением которых занимались как ее оппоненты, так и последователи. Например, Чарльз Миллс, испытавший на себе известное влияние марксистских идей, но не ставший марксистом, занимаясь исследованиям властвующих элит, причину противоречий социальных групп видел не в распределении материальных ресурсов, а исключительно в борьбе за власть. Исследуя специфику общественного устройства Р. Михельс, В. Парето и Г. Моска выделяли в нем особо привилегированный класс – элиту. Люди, представляющие собой основной политический актив, возглавляющие институты власти и имеющие особые личностные и интеллектуальные качества. Противопоставляя элите все остальное общество, ведущее пассивный образ жизни и находящееся под руководством первой, ученые считали такое устройство естественным, а социальное неравенство - закономерным. Конкуренция за власть и привилегии

неизбежно приводила к социальным конфликтам среди представителей данного сословия. В отличие от марксистской социал-демократии, авторами концепции элит критиковался демократический строй, так как он вовлекал «массы» в общественное управление, что, по их мнению, вело к деградации социума [13, 116].

Серьезную критику на классовую теорию обрушил Герберт Маркузе, полагая, что общество стало бесклассовым или как его называет сам автор – одномерным. Однако одномерное общество вовсе не отождествляется с коммунизмом, у Маркузе такое общество представлено в виде неототалитарной структуры, управляемой средствами массовой информации через внедрение ложных потребностей и ценностей в сознание масс. Революционное или антагонистическое отношение в одномерном обществе переходит из сферы социально-политической в сферу культуры и искусства [103].

Другое важнейшее решение проблематики социального конфликта представлено теорией социальной стратификации и социальных изменений, в которой основополагающая роль принадлежит таким теоретикам как Л. Козер и Р. Дарендорф. Их идеи сложились, в известной мере, под влиянием К. Маркса. Но, при этом, в целом, с марксистской конфликтологической теорией, их концептуальные построения имеют принципиальные различия, прежде всего, в плане истолкования классовообразующих признаков, которые видятся не в отношениях собственности, а в отношениях господства и подчинения. Еще два источника Козера и Дарендорфа идеи Г. Зиммеля и Т. Парсонса.

Г. Зиммель, как известно, из истории социологии, ввел сам термин «социология конфликта» и разработал конфликтную модель общества, в которой в качестве главенствующей выступает идея неизбежности и неустранимости социальных конфликтов (они есть универсальное свойство социума). Продемонстрировал Зиммель и развитую структуру социальных конфликтов, показал их дуалистическую природу (история человеческой культуры есть история конфликтов и примирений).

Особенно интересен анализ результатов протекания конфликтов по Зиммелю:

- Победа одной стороны в конфликте с удовлетворением ее интересов, в том время как вторая сторона принимает поражение;
- Примирение сторон, в результате приобретения общих интересов или же отсутствия их пересечений;
- Компромисс – когда обе стороны идут на уступки друг другу, так чтобы их минимальные интересы были защищены;
- Не иметь завершения вовсе, когда объективная причина конфликта внезапно исчезает, но стороны инерционно продолжают борьбу, в этом случае в борьбе преобладает иррациональная сторона, чувства над здравым смыслом.

На динамику протекания конфликта влияет готовность или неготовность сторон продолжать противостояние. Интересно, что при одностороннем принятии участником борьбы решения об отказе от своих первоначальных требований, конфликт завершается на какой бы стадии он не находился. Такая особенность показывает асимметричную сущность конфликта через добровольное признание поражения одной из сторон. Высокую ценность Зиммель придавал компромиссу, как наименее деструктивной формы завершения конфликта, когда интересы сторон частично, но удовлетворены. Еще одной качественной характеристикой конфликта является интенсивность, крайними точками которой Зиммель считал борьбу и конкуренцию. Борьба представляет собой беспорядочную битву сторон с высоким уровнем агрессии и жестокости. Конкуренция же, является более упорядоченной формой протекания конфликта, как правило институционализированная извне, непременно приводящая к обособлению каждой из сторон. Зиммель приводит несколько положений описывающих изменение остроты протекания конфликта:

- Эмоциональная вовлеченность групп, например, если конфликт возникает на базе продолжительной напряженности, соперничества или вражды между группами;

- Сплоченность участников группы так же влияет на остроту возникающих межгрупповых конфликтов;
- Чем меньше степень ограничения социальными институтами конфликтующих сторон способствует повышению остроты конфликта.
- Инертные, лишённые первоначальной цели конфликты отличаются более высокой степенью остроты протекания;
- Переходя из сферы индивидуальных интересов участников в сферу общегрупповых, конфликт приобретает более острый характер.

Так как Зиммель является автором конфликтного функционализма, он уделял большое внимание непосредственно функциям социального конфликта. Они проявляются в следующем:

- Внутригрупповые раздоры и межгрупповые конфликты способствуют укреплению границ групп;
- Остро протекающие конфликты способствуют централизации групп
- Чем сильнее острота конфликта и чем малочисленнее группа, тем сильнее сплоченность ее членов;
- Острота протекания конфликта и малочисленность группы сильно понижают уровень внутренней терпимости группы к ее участникам;
- Во время острого конфликта, в случае самообороны, сплочённость в группе возрастает;
- Остро протекающий конфликт имеет более высокую степень интеграции в социум;
- Высокая частота и острота социальных конфликтов снижает уровень враждебности его участников;
- Часто возникающие неострые конфликты повышают вероятность создания регулирующей социальной нормы;
- Сильная вражда между группами, находящимися в социальной иерархии способствует снижению частоты открытых конфликтов и повышению уровня общественного порядка;

- Продолжительность угрозы острого конфликта между политическими партиями способствует укреплению их коалиций;
- Длительные неострые конфликты между группами, обладающими властью приводят к пересмотру их отношения к власти.

Рассуждая о последствиях социальных конфликтов, ученый отмечал их положительные стороны, такие как: сохранение и укрепление целостности социальной системы; сплочение людей между собой; придание социуму форму некоего единства делающего его похожим на целостный организм [67].

Свой особый методологический подход к изучению социальных конфликтов представил Т. Парсонс. В основе его концепции стоит идея «социального порядка», а именно имманентное стремление любой социальной системы к точке собственного равновесия, согласию между составляющими ее элементами. При этом Парсонс сравнивает конфликты с социальной болезнью, которая нуждается в лечении. Развитие же общества по Парсонсу должно происходить благодаря эффективному функционированию всех элементов общества, действующих в согласии друг с другом. Таким образом, предполагалось, что по истечении лет обществом выработается механизм внутренней адаптации, предотвращающий возникновение социальных болезней в виде конфликтов [77].

На базе этих идей и формируются концепции Л. Козера и Р. Дарендорфа, которые мы далее последовательно и рассмотрим.

Одним из первых критиков структурно-функционального анализа и представитель критической социологии Льюис Козер противопоставлял обществу, как упорядоченной и гармоничной системе, концепцию социального развития, в основе которой лежат конфликты. В частности, он критиковал общественную модель Парсонса, а именно методологический подход к исследованию общества, исключающий из внимания конфликтный аспект социальных отношений. Будучи социалистом и радикалом, Козер формировал свои взгляды на идеях Зиммеля и Маркса, последнего он называл классическим теоретиком конфликта. Его теория была построена на критическом анализе

противоречий, социального неравенства, отношения к власти и материальным ресурсам.

В своем труде «Функции социального конфликта» (1956), опираясь на зиммелевский тезис «конфликт — это форма социализации», Козер дает общее значение конфликта: «ни одна группа не бывает полностью гармоничной, поскольку в таком случае она была бы лишена движения и структуры. Группам необходима как гармония, так и дисгармония, как ассоциация, так и диссоциация; и конфликты внутри групп ни в коем случае не являются исключительно разрушительными факторами. Образование группы — это результат процессов обоого вида. Убеждение в том, что один процесс разрушает то, что создает другой, а то, что в конце концов остается, представляет собой результат вычитания одного из другого, основано на заблуждении. Напротив, и "позитивный", и "негативный" факторы создают групповые связи. Конфликт, также, как и сотрудничество, обладает социальными функциями. Определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, но является существенной составляющей, как процесса становления группы, так и ее устойчивого существования» [80, с. 51].

Причины социальных конфликтов кроются во всеобъемлющем, неумолимом социальном неравенстве, создающем напряженность между членами общества, способствующем накоплению психологической неудовлетворенности, эмоционального расстройства в результате образования огромной пропасти между тем ожидаемым («что должно быть») и существующим («что есть на самом деле»). В частности, конфликты сводятся к борьбе за материальные и нематериальные ресурсы, такие как богатство, власть, престиж, общественное признание и уважение. В зависимости от типа социума, Козер, выделяет две роли социального конфликта. В закрытом, унитарном обществе конфликт является инструментом борьбы двух антагонистически настроенных лагерей, для которого характерны революционно-насильственные методы. Он грозит нарушением общественного базиса и в целом деструктивен. В обществе открытого типа или

плюралистическом существует множество разнонаправленных конфликтов между группами и индивидами, причем эти конфликты регулируются социальными институтами так, чтобы не нарушать общественного согласия, а наоборот быть полезными для социальной системы. Здесь Козер выделяет закономерность: «Чем больше различных конфликтов пересекается в обществе, тем более сложным является его деление на группы, тем труднее разделить членов общества на два враждующих лагеря. Значит, чем больше независимых друг от друга конфликтов, тем лучше для единства общества» [79, с. 81].

Конфликты могут различаться по типу нормативной регуляции. Институционализированные конфликты, такие как дуэль или судебные процессы протекают в рамках общепринятых норм, и целями обеих сторон является взаимное урегулирование сложившейся ситуации. Ко второму типу относятся конфликты абсолютные, их целью является полное истребление противника, вероятность примирения сторон или компромисса в этом случае практически отсутствует. Козер указывает на двойственность функций конфликта, они могут быть как деструктивные, с нарушением социальных связей, так и позитивные - выполняющие стабилизацию внутригрупповых отношений. Главная задача, по мнению ученого - добиться преобладания позитивных функций над негативными, а это достижимо только с помощью правильных конфликтологических методик. Как уже было сказано, конструктивные конфликты поддерживают стабильность социума и позволяют формировать новые социальные связи, но с другой стороны есть конфликты деструктивные. Рассмотрим позитивные функции конфликтов поподробнее.

- Конфликт является постоянным двигателем развития социальных отношений, заставляющим их развиваться, совершенствоваться;
- Между участниками конфликта устанавливается более высокий уровень коммуникации, позволяющий выявлять личностные качества друг друга и формировать новые социальные связи в дальнейшем;
- Конфликт имеет структурирующую функцию, то есть способствует формированию социальных групп, организаций единомышленников,

политических партий. Так же конфликт укрепляет границы уже существующих групп, один из таких примеров привел еще Зиммель: «индийская социальная система основана не только на иерархии каст, но и напрямую на их взаимном отторжении. Враждебность предохраняет границы внутри групп от постепенного исчезновения...» [67, с. 44];

- Конфликт стимулирует людей к проявлению активности, позволяет выйти из состояния пассивной общественной жизни;

- Социальные конфликты плодотворно влияют на личностное развитие индивида, заставляя его вырабатывать новые качества, повышают чувства ответственности и собственной значимости;

- Одной из важнейших позитивных функций конфликта является избавление его участников от фрустраций, снятия накопленной враждебности и стресса в результате их директивного выхода;

- В результате конфликта, раскрываются истинные намерения сторон и общее положение дел, т.е. конфликт позволяет более объективно оценить сложившуюся ситуацию;

- Конфликт имеет нормообразовательную функцию, когда для регулирования социальных конфликтов создаются общественные институты, нормы и правила.

К негативным функциям конфликта относятся:

- В ходе конфликта у участников существенно падает производительность труда за счет ухудшения социального климата;

- Появление иррациональных враждебных желаний вследствие недопонимания или отказа от коммуникации участниками конфликта;

- В производственной сфере, конфликт может усугубить служебные отношения и привести к отказу работников сотрудничать как во время конфликта, так и после него;

- В ходе конфликта участники могут потерять фокус на решение реальных проблем и начать акцентировать внимание лишь на победе в споре, конфликт теряет свою основу и становится инертным или как называет его сам

Козер, «нереалистичным». Как правило, в таких случаях рациональные доводы недействительны;

- Конфликт очень часто достаточно трудоемкий и затратный процесс, как в материальном плане, так и в психофизическом. Привлечение третьей стороны, создание институционализированных норм, выполнение требований участников, проведение тренингов или реабилитационных практик, как правило, выражаются в материальных ресурсах. В остропротекающих конфликтах участники обычно крайне эмоциональны, что сказывается на их здоровье и производительности труда, этот фактор так же следует учитывать;

- Конфликт, затрагивающий рамки базового консенсуса, деструктивен для существующих социальных связей.

Важнейшей характеристикой социального конфликта Козер считал остроту конфликта. Она определяется такими переменными как эмоциональное состояние участников конфликта, рациональность целей участников, наличие или отсутствие ценностно морального базиса между конфликтующими и степень институционализованного регулирования конфликта. Козер определяет ряд факторов, влияющих на остроту конфликта [80]:

- Наличие условий конфликтной среды повышают остроту конфликта;
- Конфликт, вызывающий большее количество эмоций у участников, протекает острее;

- Как правило, конфликт, возникающий между близкими людьми, протекает острее. Здесь Козер ссылается на труды Фрейда, в частности на состояние амбивалентности между семейными парами;

- Конфликт острее в группах с малым числом участников;
- Более крепкие, тесные первичные связи между участниками способствуют определённому уровню стабильности отношений, но также постепенному накоплению латентной враждебности, что при возникновении открытого конфликта повышает его остроту. И наоборот - менее тесные связи позволяют фрагментировать конфликт, что снижает эмоциональную

вовлеченность участников и остроту протекания конфликта, но частота возникновения конфликтов в этом случае значительно выше;

- Чем менее реалистичен конфликт, тем он острее. Если же участники конфликта преследуют свои реалистичные, объективные интересы, то конфликт протекает мягче, при этом повышается вероятность нахождения компромиссов;

- Различия в моделях распределения власти у конфликтующих групп снижает вероятность нахождения компромисса в конфликте;

- В условиях жесткой, неадаптивной социальной системы, вероятность использования альтернативных методов решения конфликта существенно меньше;

- В условиях жесткой, неадаптивной социальной системы, вероятность появления нереалистичного конфликта всегда выше;

- При длительной продолжительности протекания реалистичного конфликта, в нем начинают проявляться нереалистичные черты;

- Конфликтные группы, изначально сформированные на основе разницы реалистичных интересов, впоследствии подвержены возникновению нереалистичных конфликтов в большей мере;

- Выход конфликта за пределы индивидуальных интересов участников делает его острее. Наличие идеологического единства между участниками группы замедляет этот процесс;

- Конфликт, возникающий на основе существенных ценностей и нужд, всегда протекает острее. Возникновению конфликта на их основе так же способствуют жесткая социальная система в группе и эмоциональная вовлеченность участников;

Еще одной характеристикой конфликта, выделяемой Козером, является длительность. Она зависит от ряда факторов:

- Степени осознания целей конфликта его участниками;
- Осознание смысла победы или поражения;

- Способности трезвой, объективной оценки своих действий в ходе конфликта;
- Способности оценки результатов и последствий конфликта, прогнозирования последующих событий;

Льюис Козер в своих трудах преимущественно делал акцент на позитивных или конструктивных функциях конфликта, что нельзя сказать о его современнике Ральфе Дарендорфе, который сделал следующий шаг в разработке конфликтной модели общества, полностью отказавшись от позитивистского подхода и структурно-функционального анализа. В рамках его теории, социум представляет собой постоянно изменяющуюся систему и ее состояния могут иметь конфликтный характер. И именно конфликт представляет наибольшую свободу для общественных изменений, наше общество не стоит на месте благодаря ему и его способности рационального решения социальных проблем. Причиной конфликтов является сопротивление превосходству одной социальной силы над другой, в частности это социальное неравенство и основанная на господстве и подчинении структура власти. Поскольку эти явления вездесущи, то и конфликт является неизбежной составляющей жизни любого общества. Дарендорф уделял особое внимание методикам регулирования социальных конфликтов, в своей книге «Элементы теории социального конфликта» он выделяет три способа:

1. Подавление конфликта. Этот метод использовался в основном властными структурами, и, судя по историческим последствиям, является наименее конструктивным. Подавление возникших разногласий с позиции силы порождает встречную силу сопротивления, усугубляет конфликт и повышает уровень его жестокости. В случае использования данного метода регулирования конфликта высока вероятность возникновения гражданской революции, которая является крайне насильственным видом социальных отношений и безусловно деструктивна для общества в целом. Таким образом, в современном обществе этот метод используется крайне редко дабы исключить накопление разрушительного потенциала социальных сил;

2. Отмена конфликта через устранение противоречий. Сам Дарендорф не считал этот метод эффективным, поскольку устранение противоречий часто является иллюзорным и достижимо лишь путем изменения конфликтной структуры. Так как конфликты естественны для общества, их полное устранение невозможно, социальное неравенство и различия между людьми в их интересах и ценностях неизбежно будут порождать противоречия. Даже устранив предмет конфликта, его иррациональный аспект сохранится и в конечном итоге разразится с новой причиной. Народное единство и отсутствие общественных классов, в которых Маркс видел путь избавления социума от конфликтов, по словам Дарендорфа, лишь один из множества способов подавления конфликтов, через создание иллюзии их разрешения;

3. Регулирование конфликта. Этот метод не устраняет конфликт полностью, а лишь смягчает его протекание, уменьшая уровень жестокости, он позволяет взять ситуацию под контроль. Регулированию поддаются не все конфликты, а лишь те, что имеют рациональные, реалистичные черты и объективные причины, т.е. конфликты, которые вписываются в закономерное развитие общественной системы. Дарендорф считает этот метод наиболее эффективным и применимым в современных условиях. Одной из главных составляющих регулирования, является манифестирование конфликта, то есть явное выделение его сторон. Другим механизмом автор считал назначение «правил игры», выработку общих законов, прав и норм морали, которых необходимо придерживаться всем участникам конфликта. Важнейшее место занимает организация сторон, а также создание институционных систем арбитража и третьей стороны.

Приверженец посткапиталистического, индустриального общества, Дарендорф критиковал радикальные взгляды Маркса на причины конфликта. Классовый конфликт, сформированный на базе собственности и материального имущества, казался ему крайне односторонним и неактуальным для современного общества. Напротив, причины конфликтов, Дарендорф видел исключительно в моделях распределения власти. Субъектами конфликта с одной стороны

выступают люди, ведущие активную политическую жизнь и с другой - люди, ведущие аполитичный образ жизни. А отнюдь не те, что обладают недвижимостью и капиталом, как считал Маркс. Причинность конфликтов, по мнению Дарендорфа, скрывается в процессе естественного общественного развития и соответствует конкретным историческим эпохам.

Но при этом он признавал, что влиять на протекание конфликтов, тем не менее, можно, но это влияние не должно иметь революционный, радикальный характер, как предрекал Маркс, а быть представлено в качестве общественных эволюционных трансформаций. Ссылаясь на пример классовой борьбы, конфликт может быть эффективнее разрешен путем соглашения рабочего класса с предпринимательством и представителями власти, а не революционно-насильственным методом государственного переворота. «Общества отличаются друг от друга не наличием или отсутствием конфликтов, а только различным отношением к нему со стороны власти. Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники».

Расширяя тему конфликтов на почве подчинения одних людей другими, Дарендорф заимствует термин Вебера «императивно-координированная организация», она представляет собой систему ролей в любой общественной структуре с использованием власти. Одной из задач регулирования социальных конфликтов является перераспределение власти в этих организациях. Путем снижения уровня поляризации общественной структуры, создания внутри неё множества разнонаправленных конфликтов интересов, достигается спад уровня агрессии и жестокости социальных конфликтов, а значит и объем деструктивных последствий для системы в целом.

С исчезновением классовой борьбы, с устранением тех ресурсов, за которые велась борьба, с уравниванием прав человека, поле конфликта слегка поменяло ракурс. Теперь каждый гражданин имеет равные права на общественные блага, но при этом неравные возможности реализации этих прав.

Таким образом, классовый конфликт трансформировался в конфликт за статус, власть и возможности, он возникает уже не в результате неравенства, но в результате стремления человека быть не хуже других, не отставать от средних общественных показателей, не оказаться на периферии. Меньшинство неспособное выдерживать конкуренцию с прогрессивным большинством становится в некотором роде маргинальным, разнящимся, исключением из правил. Вследствие этого между ними возникает новый источник конфликта, обусловленный собственной динамикой. Дарендорф выделяет ряд факторов и зависимостей, способствующих возникновению конфликтных групп, а также изменению таких свойств протекания конфликта как острота, темп и интенсивность. Перечислим их ниже:

- Осознание членами императивно-координированной организации своих объективных интересов способствует образованию конфликтных групп, а, следовательно, повышает вероятность возникновения открытого конфликта;
- Вероятность образования конфликтной группы зависит от наличия технических условий организации, то есть наличия руководящих звеньев;
- Появлению технических условий так же способствует развитие общей идеи социальной системы;
- На вероятность появления конфликтных групп влияет наличие политических условий организации, которые, в свою очередь, складываются из наличия разнонаправленных интересов внутри системы;
- Наличие социальных условий организации повышает вероятность появления конфликтных групп. Эти условия зависят от уровня коммуникации внутри квазигрупп, а также от возможности их расширения путем задействования структурных механизмов (устойчивых социальных связей);
- Наличие технических, политических и социальных условий повышают остроту протекания конфликта;
- Если помимо распределения власти есть дополнительные интересы для участников, и они пересекаются между собой, то конфликт приобретает более острую форму;

- Отсутствие мобильности между господствующими и подчиненными группами повышает остроту конфликта;
- Отсутствие технических, политических и социальных условий повышает уровень насильственности конфликта;
- В результате лишений, имеющих относительный, сравнительный характер, угнетённых групп, насильственность конфликта повышается;
- Отсутствие у участников конфликта желания пойти на регулированные соглашения повышает уровень насильственности;
- Острые конфликты, как правило, производят больше структурных изменений в системе. Темп таких изменений напрямую зависит от уровня насильственности, чем он выше, тем быстрее проходят изменения;

Дарендорф представлял конфликты в виде иерархичной структуры, начинающейся на микроуровне и заканчивающейся на макро. Различия между ожиданиями от человека как от социальной роли и его фактическим поведением; противоречия, возникающие в результате совмещения нескольких ролей; внутригрупповые конфликты – эти типы конфликта относятся к локальному уровню действия, который включает в себя двух или группу индивидов. Конфликты между социальными группами, конфликты на уровне общества и межгосударственные политические конфликты принадлежат к глобальному типу социального конфликта, они имеют более абстрактные черты и анализировать их значительно сложнее, поэтому Дарендорф ставит их на вершину своей иерархии. В последние годы Дарендорф уделял большее внимание именно конфликтам на макроуровне.

Подытожив выше сказанное, можно выделить основные моменты конфликтологической теории Дарендорфа. Конфликт, по его словам, неизбежен, какой бы совершенной не была социальная система. Но конструктивен он не всегда, а лишь когда стороны четко идентифицированы и осознают свои реальные интересы и цели. Необходимая составляющая конфликта – наличие социальных институтов и норм, которые способствуют направлению его энергии в нужное русло. Конфликты не должны быть

разрешены и тем более подавлены, единственный метод, который к ним применим это регулирование. Суть социального конфликта заключается в борьбе за власть, возможности и общественное равноправие [52, 53, 54].

В завершение параграфа мы попытаемся дать сравнительный анализ рассмотренных здесь концепций. Критериями сравнения в данном случае выберем следующие:

- Методологическая ценность – критерий показывающий насколько концепция разработана в методологическом плане, насколько глубоко и детально описана структура объекта исследования, как много аспектов проблемы исследовано и т.д.;
- Применимость в современных условиях социума. Критерий отражающий возможность использования теоретических и практических положений концепции в конкретный исторический период.

С методологической точки зрения, намного более проработанной выглядит теория социальной стратификации и социальных изменений Козера и Дарендорфа. В ней мы видим развитую структуру социальных конфликтов, включающую такие составляющие как: роль конфликтов в социальной системе, субъекты и объекты конфликта, вероятные сценарии протекания конфликтов, причины, предпосылки, исходы и последствия конфликтов, свойства конфликтов и соответствующая типизация согласно им, функции конфликта (одно из наиболее сильных положений концепции, позволяющее ввести еще одну классификацию), а также возможные пути регулирования конфликта, что является крайне важным при создании практик управления конфликтами (то есть, существует заявка на активную конфликтлогическую деятельность, а не просто наблюдение и анализ). Что же предлагает в этом плане марксистская теория? Она четко определяет роль, характер и причины социальных конфликтов, формирует представление о субъектах конфликта, однако в весьма ограниченном виде – понятия «социального класса». Путь разрешения конфликта здесь представлен в единственном варианте – насильственной революции. При этом делается акцент на его стихийный характер: революции

как естественный ход истории. Все эти недостатки логичны и понятны, поскольку целью исследования Маркса не являлись конфликтные отношения в собственном смысле или же феномен конфликта как таковой, его исследования были скорее направлены на анализ конкретного исторического опыта, в котором конфликты играют одну из важнейших ролей, неким связующим, детерминирующим звеном. Ну и конечно нельзя не отметить приверженность автора экономической и политической специфики, которая также расставила свои акценты.

Сравнивая рассмотренные концепции по критерию применимости, мы также замечаем превосходство теории социальной стратификации и социальных изменений. Некоторые ее положения, даже скорее большинство, могут быть успешно применены в современных условиях социальной жизни, поскольку они отражают общую логику конфликтных отношений, независимо от исторического периода. Конечно, концепция нуждается в корректировках временем, как и любая теория, работающая в изменяющихся, динамичных системах (коим является социум), но эти корректировки главным образом направлены не на изменение фундаментальных ее основ, но на обогащение их новой атрибутикой (например, учет современных видов конфликтов и конфликтных сред). Касательно марксистской теории конфликта, отметим только то, что она призвана работать в конкретных исторических и организационных условиях (индустриального общества), и об этом писал сам автор. Хотя эффективность теории Маркса была подтверждена историческим опытом, с изменением социального строя, а в частности с изменением производственно-экономических отношений, введением новой правовой базы и появлением следующего уровня демократии ее применение сейчас весьма сомнительно. Среди современных исследований, использование данной концепции рассматривается, пожалуй, лишь в сфере производственных отношений, и то с внесением существенных изменений и доработок.

1.3. Современное состояние анализа содержания понятия «социальный конфликт» в отечественной литературе

Предваряя дальнейший анализ, обзорно раскроем также развитие теории конфликта в России, в которой первые институцированные конфликтологические исследования появились лишь к концу XX века. Столь поздний период определен тем, что вплоть до 90-х годов существовал жесткий контроль над исследовательской деятельностью, а тема социальных конфликтов была запрещена, поскольку, в рамках идеологии советского марксизма, отвергалось само существование антагонистических противоречий. Перед тем как перейти к конкретным концепциям, необходимо дать обоснование роли российских исследований в общей конфликтологической парадигме. Почему же изучение социальных конфликтов на территории советского пространства имеет особую ценность? Основной причиной этому выступает тернистый исторический путь, который довелось пройти нашему государству. Ведь российское общество буквально пронизано глубинными противоречиями. Во-первых, наше общество многонационально, что отчасти обусловлено обширной географической территорией, а отчасти особенностью государственной политики (особенно много народов в нашей стране проживало в период существования Советского союза). Во-вторых, постоянные, нередко насильственные смены государственной власти и политических режимов, вызывали противоречия у населения, ломая сложившиеся традиции и нормы быта. В-третьих, Россия всегда находилась в натянутых отношениях с другими крупными государствами, принимала участие в обеих мировых войнах, а также во множестве частных военных конфликтов. Ведь располагая такой огромной территорией и большим количеством стратегических ресурсов, она всегда представляла для внешнего мира своего рода «лакомый кусок».

На сегодняшний день тема социального конфликта представлена в российских исследованиях достаточно обширно и многообразно. Чтобы придать ей некую организованную структуру мы будем отталкиваться от классификации предыдущего параграфа. Хотя эта задача уже достаточно

сложная сама по себе, поскольку отечественные авторы, руководимые плюралистическим и междисциплинарным принципом, нередко являются последователями сразу нескольких идей и научных школ, выполняя ее, мы постараемся выделить ключевые позиции, характеризующие представленные направления. Наш анализ мы начнем с рассмотрения идей российских последователей марксистской теории.

Российский философ Ойзерман Т.И. уже более полувека исследует теорию марксизма, сопоставляя ее с нынешними реалиями. Отдельной его заслугой в поздние периоды творчества можно считать обнаружение и критику догматизма в самой марксистской теории. Являясь приверженцем диалектического материализма, Ойзерман пытался вернуть исконную самокритичность и диалектичность его идеологии. Ученый соглашается с теоретическим выводом Маркса, о сущности марксистской идеологии в виде реального гуманизма, в то время как коммунизм и социализм лишь методы его достижения. Реальный гуманизм как мировоззренческий идеал опирается на четыре основных ценности:

1. Человек и его достойная жизнь как основная ценность;
2. Свобода жизнедеятельности человека, ограниченная лишь эквивалентной свободой других людей;
3. Наука как способ поиска наиболее рациональной жизнедеятельности человека;
4. Борьба за реализацию этих ценностей в жизни всего человечества, против угнетения любого человека, опираясь на научно обоснованные способы этой деятельности - как инструментальная ценность, фундаментальная норма поведения.

Однако, наряду с научными достижениями Маркса и Энгельса, Ойзерман видит их существенные теоретические заблуждения, в частности приверженность этих мыслителей к насильственно-революционным методам и диктатуре пролетариата, упразднение частной собственности на средства производства. Представляя существенный конфликтогенез, данные положения

скорее деструктивны для общественной системы, нежели воплощают ее прогрессивное развитие. Такие теоретические противоречия в рамках марксистской теории как раз и выражают сущность исконной материалистической диалектики, а вместе с тем подтверждают состоятельность плюралистического подхода в философии [113, 114, 115].

К представителям марксистской школы можно также отнести труды А. А. Калганова, М. Н. Руткевича и В. И. Староверова. Основной акцент их исследований сделан на условиях конфликтогенности социальной структуры российского общества, рассматриваемой в ракурсе первенства социальных групп. Признавая тот факт, что обмен товарами, культурными ценностями, миграция, вложение капитала, информация и другие формы современного взаимодействия способствуют модернизации, они отмечают противоречивый характер этого взаимодействия. Эксплуатация менее развитых стран, войны, нищета огромных масс населения, распад государств, террор, социальные болезни приводятся в качестве доказательств этих противоречий. Полемизируя с представителями психологического направления исследования социальных конфликтов, они считают ошибочными попытки положить в основу понимания социальных систем структуру самой личности. Ведь для того, чтобы перейти от структуры личности к структуре общества в более широком аспекте, необходимо выяснить некоторые общие черты в установках личности, т. е. обратиться к господствующим социальным нормам [56].

Особый интерес представляют работы последователя марксистских идей А.Г. Здравомыслова, который один из первых начал заниматься систематизированным исследованием проблемы социального конфликта в отечественной социологии. Он трактует социальный конфликт как «важнейшую сторону взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточку социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. Существенная сторона социального конфликта состоит в том,

что эти субъекты действуют в рамках некоторой более широкой системы связей, которая модифицируется (укрепляется или разрушается) под воздействием конфликта» [65, с. 94].

Рассматривая подходы к объяснению социальных конфликтов, А. Г. Здравомыслов выделяет динамический аспект этого социального явления. Важным и актуальным является постановка автором проблемы рефлексивной политики как превентивной меры по предупреждению социальных конфликтов. Исследуя фундаментальные проблемы социологии конфликта, автор понимает конфликт как нормальное явление общественной жизни, а не аномальное как традиционно принято было считать на тот момент. Рассматривая историческую эволюцию понятия конфликта, Здравомыслов делает логическое разделение между теоретическими моделями конфликта европейской и американской школ. Если первая полагается в основном на принципы марксизма, то вторая делает акцент на анализ трансформации доминирующих социологических установок от крайнего индивидуализма до демократических принципов.

Говоря о возникновении теории конфликта в России, автор подчёркивает влияние общественной религиозности и церковной власти на ее запоздалое развитие. Личность составляла единую целостность с народом, институтом церкви, религии и государством, а конфликт мог рассматриваться как ересь, аномальное отклонение от православия, соответственно, должен был преследоваться и наказываться. Позже, с приходом большевиков к власти, эта проблема так же умалчивалась, но уже под давлением марксизма.

Здравомыслов выделяет два основных типа конфликтов:

- 1) Конфликты, в основе которых лежит борьба за основные жизненные установки и ценности. Такие конфликты значительно сложнее разрешить, поскольку противоречия затрагивают непосредственно личностный базис индивида;
- 2) Конфликты из-за материальных ресурсов. Они являются наименее остропротекающими и наиболее поддающимися управлению и регулированию.

Острота протекания таких конфликтов зависит от возможности сторон удовлетворить требованию своего оппонента.

Важной особенностью конфликтной модели по Здравомыслову является наложение конфликтов макро и микроуровня друг на друга, в результате которого происходит взаимная стимуляция, которую автор называет главным кризисом современности и источником иррационализации действительности [63].

Системное рассмотрение конфликтов и конфликтологии как науки, в русле марксистской традиции, представлено в работах Е.И. Степанова. Конфликтология рассматривается им как междисциплинарная наука, нуждающаяся во встречном движении друг к другу социальной философии, социологии, политологии, социальной психологии, теории социальных коммуникаций. Комплексное научное раскрытие конфликтов, по мнению Е.И. Степанова, включает в себя ряд взаимосвязанных аспектов, а именно, раскрытие общего понятия и основных признаков социального конфликта, видов и форм проявления конфликтов, а также способов и методов диагностики, профилактики и разрешения разных видов конфликтов [133, 135]. Эти замечания важны в методологическом плане. Базируясь на принципах комплексного подхода, большое внимание Е.И. Степановым уделено анализу процессов модернизации России, глобализации мира, которые «рождают» многообразные конфликтные состояния [134].

Кроме того, отечественная марксистская традиция анализа социальных конфликтов включает в себя рассмотрение конфликтогенного пространства современной России. В этом смысле интересны и важны работы А.А. Владимирова, Л.А. Зеленова, Е.И. Степанова. В этих работах дан социальный портрет нашей страны, представлена характеристика конфликтного состояния разных сфер общественной жизни от производительных сил до общественного сознания [29]. Затрагивается в их работах и один из специальных и интересных аспектов проблематики социальных конфликтов. Мы имеем в виду исторический аспект, заключающийся в анализе противоречивых оценок

социальных событий, обладающих эпохальным смыслом для истории нашей страны [30].

Далее мы рассмотрим представителей социологического и социально-психологического направления. Идеи этих авторов находятся на стыке двух дисциплин – социологии и психологии, но во многом логика конфликтной модели, фундаментальные положения и методологические основы унаследованы из теории социальной стратификации и социальных изменений.

Представитель психологической школы исследования конфликтов Гришина Н.В., работая над своей книгой «Психология конфликта», провела достаточно глубокий анализ существующих теоретических подходов к изучению межличностных и социальных конфликтов и практик используемых для управления ими. Выводя определение конфликта, автор отмечает его обязательные качества – биполярность, субъективность и наличие активных осознанных антагонистических действий. Биполярность свидетельствует об изначальных противоречиях конфликтных сторон. Под субъектом в данном случае подразумевается человек, то есть конфликтом можно назвать только такие противоречия, которые имеют активную форму и возникают между двумя и более людьми или же в разуме одного индивида (борьба с самим собой). Представленные рамки существенно сужают область исследований, делая человека ядром конфликтной системы, а, следовательно, психологические методы исследования - более релевантными. Особое внимание Гришина уделяет психологическим подходам в исследовании конфликтов: внутриличностному, ситуационному и когнитивному как их совокупности. Так же автор отмечает значительное увеличение количества публикаций за последнее время, основанных на практических методах работы с конфликтами. Это объясняется тем, что классические теоретические подходы не дают столь эффективных результатов нежели конкретные лабораторные исследования, кроме того первые не являются универсальными для существующего обилия типов современных конфликтов [40].

Иванов В.Н. исследовал причины возникновения и пути развития конфликтов, а также методы их диагностики и анализа в рамках поведенческой модели, Иванов считал главной задачей социолога – разрешение противоречия. В качестве регулятивной методики, он отдает предпочтение самому эффективному, на его взгляд, механизму медиации, заключающийся в разрешении конфликтов с помощью посредника или медиатора. Наряду с теоретизированием, ученый активно участвовал в создании первого в России Петербургского центра разрешения конфликтов [69].

Явным недостатком ситуативного подхода является редукция конфликта до степени поведенческой реакции, в то время как за ее пределами, весь обширный спектр человеческих переживаний и мотиваций остался без внимания. Ситуация, как первоисточник конфликтного поведения видится лишь частным случаем, реакцией на факторы среды и вряд ли в полной мере может считаться единственной его причиной. Пожалуй, данному подходу не хватает интрапсихической составляющей, которой уделено основное внимание в психоаналитических исследованиях. Симбиоз обоих подходов выглядит гораздо увереннее, поскольку покрывает как причинно-следственные связи конфликтов, так и их вариативность в условиях внешней среды. Возможно, с некоторыми поправками, таким симбиозом можно назвать когнитивный подход Левина, где субъект пропускает наблюдаемую социальную ситуацию через призму своего восприятия, осознавая или рефлексировав ее. Исследуя такую субъективную оценку ситуации, психолог может получить гораздо больше информации, ведь помимо объективных факторов внешней среды, он получает и интерпретацию ситуации субъектом, отражающую внутренние переживания, фрустрации, мотивы и прочие внутриличностные составляющие мышления индивида [183].

Отдельно стоит отметить вклад российского исследователя А. Я. Анцупова, который разработал системно-ситуационный метод исследования, применимый к конфликтам любого уровня. В его работах под конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий,

возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов конфликта и обычно сопровождающийся негативными эмоциями [4]. Основные типы конфликтов, на которые авторы делают акцент – внутриличностные и социальные, а также на их взаимозависимость. Наряду с исследованием существующих функций конфликтов, Анцупов выделяет три глобальные задачи конфликтологической деятельности:

- Исследование всех конфликтов, выступающих объектом науки, интенсивное развитие конфликтологической теории;
- Создание системы конфликтологического образования в стране, пропаганда конфликтологических знаний в обществе;
- Организация в России системы практической работы конфликтологов по прогнозированию, предупреждению и урегулированию конфликтов.

Ядов В. А. позиционирует конфликт как «нормальное состояние общества. В любом обществе всегда, во все времена существовали, существуют и будут существовать конфликтные ситуации». Ученый выделяет восемь основных структурных компонентов исследования социальных конфликтов, к ним относятся:

1. Составление структурированной программы исследования конфликтов;
2. Определение конкретного объекта исследования (выборка). Так как невозможно изучить все существующие конфликты, которые представляют конкретную сферу или аспект конфликтного взаимодействия, то производится выборка частных субъектов, ситуаций и параметров среды;
3. Разработка методики анализа конкретного вида конфликта, представляющая из себя систему методов и процедур, используемых при исследовании конфликтов. Она должна соответствовать целям и задачам изучения, обеспечивать получение достаточно полной и достоверной информации;

4. Пробное изучение частных случаев конфликта, оценка достоверности получаемой информации, корректировка исследовательской программы и методики;

5. Сбор первичной конфликтологической информации для исследования происходит с ведением контроля достоверности и надежности получаемых данных;

6. Обработка собранных данных проводится с помощью качественных и количественных методов оценки в соответствии с выдвинутыми гипотезами, но также может выходить за их рамки. Основной метод, используемый на данном этапе – теоретический конфликтологический анализ. Так же в рамках исследования прибегают к использованию математических методов и современной вычислительной техники;

7. Анализ и объяснение полученных результатов заключаются в систематизации и структурировании собранных данных, построении на этой основе описательно-объяснительной модели исследуемого аспекта конфликта;

8. Обоснование, формулировка выводов и практических рекомендаций являются результатом проведенного исследования. Для повышения эффективности действий на данном этапе, конфликтологу следует так же опираться на опыт прошлых исследований и статистику.

Отдельное внимание Ядов уделял разделению конфликтов по типам, согласно их акцентированным признакам, ниже приведена его типизация.

- по интересам;
- по напряженности;
- по охвату;
- по времени протекания (долгосрочные, краткосрочные);
- по ресурсам (материальные, социальные).

Это одна из немногих классификаций, которая является достаточно противоречивой. Современная же тенденция стремиться избавиться от типов, основанных на одной единой характеристике или признаке. Однако до сих пор

не существует единого универсального подхода к типологии и классификации конфликтов [168].

Глубокий методологический анализ проблематики трудовых конфликтов провел В.Н. Шаленко. Он видит актуальность исследования данного конфликтогенеза российского общества в виду ряда условий. Основное из условий заключается в том, что общественная жизнь нашей страны в последние годы характеризуется значительным усилением политической и социальной напряженности, обострением противоречий, взрывающихся острыми конфликтами на всех уровнях социальной структуры.

Причинами конфликтов Шаленко видит глубокую имущественную дифференциацию, общую нищету среди квалифицированных рабочих кадров, возникшую вследствие либерализации экономики и приватизации государственных предприятий. Результатом этого является деформация важнейших социально-профессиональных групп, вплоть до исчезновения некоторых из них; девальвация ценности труда в материальном производстве, смена представлений о «престижных» и «непрестижных» профессиях; поляризация интересов частных собственников и директората предприятий, с одной стороны, и наемных работников совместно с профсоюзными структурами, с другой. Наконец, социальная напряженность, усиливающаяся с ростом социальной стратификации, утратой понятий «законность» и «справедливость», ослабление зависимости между трудом и доходом.

В качестве методологического инструмента для решения проблем связанных с управлением трудовыми конфликтами, Шаленко использует субъектно-деятельностный подход. Он заключается в представлении трудового конфликта как диалектически противоречивого процесса отношений между субъектами, что позволяет адекватно типизировать конфликты в экономической сфере общества, значимые с точки зрения реализации конкретных управленческих технологий (ценности, мотивации, тактики поведения конфликтующих субъектов). Трудовые конфликты представлены не только как разрешаемое социальное противоречие, но и в то же время как

необходимая конфликтная деятельность участников борьбы, имеющая своей целью удовлетворения работниками собственных интересов и потребностей [154, 155].

Шаленко подчеркивает важность роли поведенческого аспекта и грани конфликтных трудовых отношений, анализ которых требует вовлечения в изучение психики и черт сознания работников, находящихся в условиях конфликта. Приведенная автором концепция «ресурсной мобилизации» позволяет на глубоком уровне осмыслить генезис и динамику конфликтных ситуаций. Она заключается в следующем: в ходе противоборства стороны расходуют собственные ресурсы с целью истощения потенциала соперника. Такие затраты могут быть посчитаны, вследствие чего делается вывод о рациональности ведения дальнейших конфликтных действий. Своего рода вычисления «выгод-затрат» на каждом этапе конфликта выступает конструктивным механизмом его управления. По мнению автора, понимание данного принципа приведет к построению социального диалога между работником и работодателем и позволит существенно снизить конфликтогенез в сфере труда [91].

А.К. Зайцев в своей работе «Социальный конфликт» делает акцент на методологию разрешения социальных конфликтов в условиях трудовых отношений. Под социальным конфликтом Зайцев понимает структурированный особым образом процесс развития действий сторон на пути поиска средств стабилизации и развития отношений. Как любой многосложный процесс, социально-трудовой конфликт имеет свои стадии:

- 1) Зарождение конфликта. Латентный конфликт развивается на социально-психологическом уровне и выражается в виде социальной напряженности. Постепенно стороны осмысливают свои противоречия, оценивают свои и силы противника, разрабатывают план дальнейших действий;

- 2) Расцвет конфликта. Фаза, на протяжении которой стороны вовлечены в активный спор и могут вести переговоры. Для трудового конфликта отражением этой фазы может быть забастовка как прекращение трудовой

деятельности. Расцвет конфликта – это наивысшее состояние качественного развития конфликта;

3) Пик конфликта. Стадия наивысшего волнения и противоборства;

4) Согласование интересов. Путем ведения переговоров или привлечения третьей стороны. Может приводить к трем различным исходам: а) разрушение конфликтного ядра и переход к угасанию противоречий; б) достижение сторонами компромисса; в) эскалация конфликта в более радикальную форму трагического конфликта, такой конфликт не подлежит решению в рамках текущих условий и требует принципиально новых соглашений и действий;

5) Угасание конфликта. Может быть достигнуто путем исчерпания ресурсов одной или обеих сторон, либо достигнутого в ходе четвертой стадии соглашения. Суть данного этапа – прекращение активных действий, устранение противоречий и возвращение сотрудников в исходное функциональное состояние.

Анализируя данные стадии, Зайцев попытался сформировать детальную методологию работы с социально-трудовыми конфликтами [62].

Важно отметить плюралистический подход А.В. Дмитриева, в котором были достаточно детально описаны проблемы современной теории конфликта, и проведен ее методологический анализ. Ученый считает, что при изучении конфликтов более рационально использовать, не отдельные практические или теоретические методы, но их совокупность. К действенным методам автор относит:

1. Эксперимент. Производится путем воздействия внешних провокационных фактов среды на группу испытуемых. Имеет свои достоинства и недостатки. К положительным сторонам относится, в первую очередь составление четко-детализированной картины конфликта. Анализируя элементы которой, можно сделать вывод о действиях и мотивациях субъектов в каждом конкретном случае. Отрицательной стороной является некий уровень риска, возникающий при открытом конфликте;

2. Исследование документов. К таким документам относятся информация о научных исследованиях, официальная документация государственных и общественных организаций, публицистика (пресса), а также личная документация;

3. Социологические опросы. Таким образом, данные могут быть получены как от самих участников конфликта, так и от третьей стороны, очевидцев и экспертов в различных областях. Положительные стороны данного типа исследований очевидно, к отрицательным же относятся: нежелание респондентов участвовать в опросе, излишняя скрытность и субъективизм интервьюера;

4. Наблюдение. Наиболее распространенный метод, лишенный недостатков третьего метода. Позволяет достаточно объективно оценивать действия и личностные характеристики участников конфликта, а также составить ситуационную картину. Наблюдателями являются, как правило, специалисты (журналисты, врачи, психологи).

Описанные методы наиболее действенны в рамках комплексного исследовательского процесса, а не используемые по отдельности. Каждый тип конфликта требует интегрированного объяснения, полученного при использовании теоретических и практических исследовательских методов. Дмитриев пишет, что самое главное в исследовании конфликтов - разработка программы, центральной задачей которой является гарантия того, что любая наблюдаемая взаимосвязь есть результат процессов, описанных нами, а не каких-либо других процессов. В программу обычно включаются:

- цель и задачи исследования;
- основные и второстепенные гипотезы;
- решение о том, как собирать данные и какими методами;
- организация сбора и обработки полученных данных [55, с. 52].

Лишь вооружившись подходящей методологией и методикой исследования, ученый в области теории конфликта может успешно проводить эмпирические исследования и выдвигать имеющие потенциал гипотезы.

Проанализировав рассмотренные идеи и подходы, мы можем сделать ряд выводов, касающихся современного состояния теории конфликта, в частности её интерпретации в российских исследованиях. Во-первых, несмотря на сохраняющееся влияние марксистской школы, можно видеть «включение» ряда идей, ранее не имевших широкого распространения в отечественной конфликтологии. Основная из них - смещение магистрального аспекта исследований в русло методологических и практических разработок. Конфликт стал восприниматься не в качестве жесткого детерминанта общественного развития, а как своего рода управляемый «локомотив истории». И своеобразным «рулём» в данном случае, служат разрабатываемые в отечественной конфликтологии технологии регулирования социальных конфликтов. Во-вторых, существенно расширяется сфера рассмотрения конфликта, вследствие чего проблема получает междисциплинарное развитие. И это совершенно правомерно, ввиду того, что исследования частных наук успешно применяются в решении проблем теоретической конфликтологии. К примеру, поиск урегулирования современного трудового конфликта включает не только собственно конфликтологические наработки, но и наработки юриспруденции, а также задействует и методики, разработанные в психологии, социологии, педагогике, политологии и других дисциплинах. В-третьих, можно видеть оформление отечественной конфликтологии как самостоятельной дисциплины, где конфликт занимает место центрального предмета исследований. И, на наш взгляд, именно теория социальной стратификации Козера и его последователей, позволила сформировать такую картину в мышлении отечественных конфликтологов, поскольку с точки зрения структуры представленного знания и используемых в рамках его методов мы можем обнаружить достаточно близкое сходство.

В завершении параграфа представляется необходимым сформулировать рабочее определение социального конфликта, основанное на проведенном анализе понятия «социальный конфликт» в истории научной мысли и, главным образом, исследованиях последних лет. Социальный конфликт понимается

нами в двух смыслах – общетеоретическом и структурно-функциональном. В общетеоретическом смысле социальный конфликт – это проявление крайней формы противоречия в отношениях между субъектами (отдельными индивидами, локальными группами людей, социальными слоями общества), обусловленной наличием противоположных интересов, взглядов, ценностей, позиций и стремлений. С точки зрения структуры и функций, социальный конфликт является, во-первых, индикатором общественных проблем и кризисов, во-вторых – способом развития социальной системы, позволяющим ей эти кризисы преодолевать. Что касается места конфликта в жизни общества, мы согласны с классиками теории конфликта – социальный конфликт является неизбежным вездесущим состоянием социальной системы.

Глава 2. Трансформация социальных конфликтов в ходе информатизации общества

Социальный конфликт как социокультурный феномен весьма динамичен, изменение его качеств тесно связано с тенденциями общественного развития. Несомненно, таких тенденций огромное множество и каждая из них нуждается в отдельном исследовании, но необходимо понимать, что некоторые из них имеют более высокую степень влияния на рассматриваемую нами проблему в контексте современного этапа общественно-исторического развития. Оценить эту степень мы можем лишь условно, опираясь на такие критерии как распространенность тенденции в общественной жизни, уровень интереса к тенденции со стороны научного сообщества, качественная новизна вносимых изменений и т.д. И на наш взгляд к одной из таких тенденций относится информатизация общества. В данной главе мы попытаемся дать анализ эволюции социального конфликта произошедшей в связи с появлением этой глобальной социальной метаморфозы.

2.1. Информатизация как тенденция исторического движения цивилизации

Информатизация является одним из наиболее существенных факторов развития современного общества, этот феномен олицетворяет комплекс научно-технических и социокультурных направлений общественного прогресса. Информатизация как глобальный процесс трансформации структуры и характера всех существующих общественных сфер, как процесс перехода к информационному обществу, скачок от материального типа производства к производству наукоемкому, интеллектуальному, представляет сегодня один из наиболее высоких приоритетов в исследовании тенденций общественного развития.

Для наиболее полного осмысления процесса информатизации, раскрытия ее сущности в первую очередь, по нашему мнению, необходимо проанализировать понятие «информационного общества», суть которого тесно

соотносится с целью упомянутого процесса. Считается, что впервые термин «информационное общество» был использован в докладе японскому правительству группой исследователей технических и экономических областей, занимающихся оценкой перспектив развития экономики страны. Согласно отчетам, это понятие характеризует тип общества, в котором изобилует информация высокого качества и существуют высокоэффективные, доступные каждому средства для ее хранения, обработки, распределения и использования. Ключевым моментом выделялся факт изменения типа производства в информационном обществе: «...производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества» [2, с. 30]. Наряду с этим был поставлен вопрос трансформации человеческих ценностей. В частности, И. Масуда, глава Института информационного общества, выдвинул концепцию, согласно которой в информационном обществе не будет существовать социальных конфликтов, общество станет бесклассовым, а основной ценностью для человека станет свободное время [180].

Позднее термин «информационное общество» был популяризирован во второй половине 60-х годов двадцатого столетия, когда был открыт закон экспоненциального увеличения информации в обществе, и возникла мысль о возможности «информационного взрыва».

Для осмысления сути информационного общества рассмотрим ряд концептуальных теорий. Во-первых, это идеи одного из основных теоретиков концепции постиндустриализма, автора идеи симбиоза постиндустриального и информационного общества Дэниела Белла. Согласно его теории, информационное общество является разновидностью постиндустриального общества, в котором основа социальной структуры представлена информацией и информационными процессами. В своей работе «Социальные рамки информационного общества» автор отводит информации и знанию решающее значение «стратегического ресурса» постиндустриального общества [16, с. 5]. Таким образом, при переходе к обществу постиндустриального типа возникает

потребность в формировании новой системы экономических отношений, где источником стоимости становится не труд и капитал, а знание в своей систематической форме. Государству как общественному институту информационного общества Белл отводил регулятивную функцию, в частности оно должно контролировать экономическую сферу, а также обеспечивать информационные процессы (предоставлять открытый доступ к информации, обеспечивать защиту от шпионажа) [2].

У концепции Белла достаточно много критиков. Так одни полагали, что информационное общество не нуждается в бюрократическом аппарате государства, и требовали революции («политическо-техническая» революция Ж. Эллюля). Другие вовсе отвергали концепцию за её технологический детерминизм, выступающий панацеей от всех проблем (советские и постсоветские марксисты). В частности, как показано в работе Е.Д. Шетуловой, марксистский анализ идей Белла выявляет ряд положений его концепции несостоятельных теоретически и неподтвержденных практически [157, с. 309-310]. Третьи считали несостоятельной идею о господствующем классе профессионалов (представителей интеллектуального труда, обладающих знаниями), так как, несмотря на стремительное развитие техники, сохранялось стабильное доминирование капиталистической экономической системы (корпорации – центр западной экономики) [180, 181, 182].

В качестве примера критики подхода Белла приведем аргументацию С. Нора и А. Минка, которые считали, что концепция постиндустриализма неприменима к обществу информационного типа, ввиду ее экономического центризма и пренебрежения культурной сферой. По их мнению, информационное общество будет представлено одним полиморфным малоструктурированным классом, в котором каждый индивид будет осознавать коллективные ограничения и добровольно участвовать в процессах общественного планирования, передавая информацию о своих целях и предпочтениях государственному центру управления, тем самым формируя групповые социальные и культурные стремления. Нора и Минк также

затрагивают тему культурного неравенства, по их мнению, оно будет исчерпано в результате упрощения языка в ходе процесса компьютеризации [180]. Упомянутый термин «компьютеризация» хоть и имеет близкое значение, все же не тождественен понятию информатизации. Скорее прослеживается связь включенности одного понятия в другое, в данном случае, процесс компьютеризации как стихийное внедрение компьютерной техники во все сферы общественной жизни, выступает одним из этапов процесса информатизации.

Похожую критику концепции постиндустриального информационного общества Белла представил представитель структурализма и постструктурализма М. Постер. Помимо критики сугубо социально-экономического статуса информации, он затронул вопрос конвергенции развивающейся вычислительной техники и средств коммуникации. Выделил надвигающуюся проблему уязвимости информации с ростом ее мобильности, подчеркнул неэффективность прежних законодательных основ применительно к такой информации. Для решения этих проблем, автор считает необходимым проведение лингвистического анализа изменений в структуре коммуникационного опыта [181].

Наряду с концепцией Белла были и другие конкурирующие теории, здесь имеет смысл обозначить их основные положения. Например, футуролог Герман Кан считал транснациональные корпорации постиндустриального общества «главной движущей силы мировой экономики и мировой культуры и общества» [176, с. 17]. Теоретик Збигнев Бжезинский делал акцент на роль новейшей коммуникационной техники в развитии общественных сфер. Вводя понятие «технотронное общество», он подчеркивает влияние средств массовой информации на процессы формирования космополитической глобальной культуры [174, с. 10]. Элвин Тоффлер, расширяя семантику информационного общества, ввел понятие «супериндустриальной цивилизации», характерными чертами которой являются: повсеместное распространение компьютерной техники и технологий, новые формы общественных институтов (политики,

экономики, семьи), а также появление постматериалистической системы ценностей, таких как развитие познавательных способностей, индивидуальности и профессионализма [140, с. 12]. В концепции У. Дж. Мартина вводятся 5 критериев информационного общества:

1) Технологический: ключевой фактор — информационные технологии, которые широко применяются в производстве, учреждениях, системе образования и в быту.

2) Социальный: информация выступает в качестве важного стимулятора изменения качества жизни, формируется и утверждается «информационное сознание» при широком доступе к информации.

3) Экономический: информация составляет ключевой фактор в экономике в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости.

4) Политический: свобода информации, ведущая к политическому процессу, который характеризуется растущим участием и консенсусом между различными классами и социальными слоями населения.

5) Культурный: признание культурной ценности информации посредством содействия утверждению информационных ценностей в интересах развития отдельного индивида и общества в целом.

По Мартину именно коммуникация является «ключевым элементом информационного общества». Он также отмечает, что информационное общество есть не конкретная сущность, а тенденция общественного развития, которая в значительной степени уже проявила себя в ряде западных стран. Мартин дает такое определение информационному обществу: «общество, в котором качество жизни, так же как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и её эксплуатации. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [103, с. 117].

Развивая тему конкурирующих концепций важно заострить внимание на понятии «общество знаний» (от англ. “Knowledge society”). Этот термин в основном используется в западных публикациях, и для нас особый интерес представляют отличия общества данного типа от общества информационного. С учетом появления понятия «общество знаний» позднее «информационного общества» логично предположить, что произошла некоторая трансформация идей с учетом критики понятия «информационного общества». Данный момент четко прослеживается в материалах всемирного доклада ЮНЕСКО 2005 года, где постулируется: «Понятие информационного общества основывается на достижениях технологии. Понятие же обществ знания подразумевает более широкие социальные, этические и политические параметры» [70, с. 19]. Мировое информационное общество, по мнению авторов, является лишь средством формирования «настоящих обществ знаний». Так, развитие телекоммуникационных технологий и рост объема информационных потоков не являются достаточным критерием для определения общества знаний. Гораздо большее значение имеет возможность целевого использования информации (т.е. знания), её селекция, а также развитие когнитивных способностей и «критического ума» у населения [16, с. 45].

Хотя налицо смена приоритетов, нельзя отрицать, что общество знаний нуждается в том же, если не большем, уровне развития информационных технологий и средств связи, присущих информационному обществу, в первую очередь, для обеспечения каждого индивида, собственно, этими знаниями. Здравое выглядит идея Савченко И.В. о конвергенции двух общественных моделей в «информационное общество знаний», автор подчеркивает: «человечество не просто накапливает информацию или применяет знания, а совершает эти процессы одновременно» [124, с. 45]. С учетом этой идеи, мы, однако продолжим использовать термин «информационное общество» ввиду его распространенности в современной отечественной литературе, а также во избежание возможной тавтологии «информационное» и «знаний».

Сейчас понятие «информационное общество» в полной мере может быть применено только к западным странам, поскольку необходимо понимать, что некоторые незападные страны индустриального типа также могут использовать информационные технологии, в той или иной степени. В этом смысле «информационное общество» не ограничивается лишь наличием средств вычислительной техники (как, например, «технотронное»), а затрагивает гораздо более фундаментальные вопросы социальных отношений, культуры и этики. При анализе определения «информационного общества» у различных авторов прослеживается проблема расстановки акцентов. Одни ставят в центр экономические аспекты, другие отдают предпочтение социальным процессам, третьи основой информационного общества считают распространенность техники и средств связи. Современный же взгляд позволяет избавиться от перечисленных крайностей, переводя их в разряд атрибутики. Таким образом, основываясь на всем вышеизложенном, по нашему мнению, можно четко определить следующие качества информационного общества:

- Распространенность передовой компьютерной техники и технических средств коммуникации во всех сферах общественной жизни, наличие высокотехнологичной инфраструктуры. Из чего следует применение автоматизации при выполнении повседневных задач, высокая информированность населения за счет открытого доступа к информации и отсутствие информационного неравенства;

- Информация является одним из стратегических ресурсов, что, безусловно, оказывает огромное влияние на рынок товаров и услуг (интеллектуальная собственность), на рынок труда (профессионализм). Производство информации – одно из основных направлений развития экономики;

- Наличие информационной культуры, которая характеризуется: возрастанием ценности теоретических и практических достоверных знаний; укреплением демократических основ, толерантностью; глобальностью, децентрализованностью и космополитичностью;

- Наличие глобального информационного пространства, которое обеспечивает: доступ к мировым информационным ресурсам, процесс коммуникации людей, существование электронного государства, информационной экономики, электронного (дистанционного) образования и других необходимых обществу социальных институтов.

Определившись с понятием «информационного общества», мы можем перейти к анализу сущности процесса информатизации. В современной литературе существует множество определений этого понятия, во многих из них делается акцент на техническую составляющую, что не совсем соответствует цели нашего исследования. Наиболее подходящая формулировка была найдена во второй статье модельного закона об информатизации, информации и защите информации 2005 года: «...Информатизация - организационный социально-экономический и научно-технический процесс, в основе которого лежит массовое применение информационных систем и технологий в целях кардинального улучшения условий труда и качества жизни населения, значительного повышения эффективности всех видов деятельности физических и юридических лиц...».

В данном определении есть два основных момента: во-первых, здесь приведены оба аспекта процесса – социально-экономический и научно-технический, во-вторых, подчеркивается место информационных технологий – они есть средство, а не цель. Цель процесса информатизации в данном определении сформулирована как «кардинальное улучшение условий труда и качества жизни», а также «повышение эффективности всех видов деятельности» людей, что в принципе верно. Возможно, определение не в полной мере раскрывает культурный аспект, заключающийся в том, что информация и знания в результате процесса информатизации становятся новой материальной ценностью, а сам этот процесс в широком смысле является тенденцией общественного развития. Для заполнения перечисленных пробелов обратимся к научным трудам, посвященным данной тематике.

Урсул А. Д. определяет информатизацию как «...социотехнологический процесс и закономерность общественного развития, которое, в свою очередь, складывается из системы закономерностей движения информации, распространения новых информационных технологий и взаимодействующей с ними социальной среды» [142, с. 7]. Здесь автор подчеркивает дуализм значения информатизации, выступающей одновременно как тенденция общественного развития и как «социотехнологический» процесс [143, с. 7]. Последний, в свою очередь, отражает симбиоз социального развития и научно-технической революции, и, по мнению автора, является причиной качественной трансформации «жизнедеятельности человека и человечества в целом». Важно отметить, что информатизация способствует гуманизации прогресса, то есть, позволяет людям выдвигать свои интересы и потребности (с помощью развитой техники и средств коммуникаций) в центр социального развития. Понимая информатизацию как «системно-деятельный социотехнологический процесс», Урсул выделяет в нем три взаимосвязанных компонента [142, с. 8]:

1) Информационная часть и соответствующие социально-информационные закономерности, которые были обнаружены еще до осознания и развития процесса информатизации.

2) Составляющая, связанная с развитием средств информатики и вычислительной техники, НИТ, созиданием инфосферы (о ней позже).

3) Социально-гуманистическая компонента в самом широком смысле (т.е. социум и человек в их взаимосвязи), которая либо влияет на две ранее упомянутые, либо сама испытывает их воздействие.

На основе предложенной структуры автор дает оценку элементарных закономерностей процесса информатизации. Во-первых, информатизация способствует накоплению информации в социосфере, а также предоставляет необходимые средства для ее обработки и хранения. Во-вторых, способствует росту информационных потребностей населения. В-третьих, в результате информатизации информация переходит из разряда сопутствующих факторов общественного прогресса, в разряд факторов, определяющих этот прогресс и

его направление, что в свою очередь ведет к появлению информационного производства и информационной экономики. В-четвертых, информатизация воздействует на социокультурную сферу, проникает в любую область человеческой деятельности, существенно повышая эффективность ее внутренних процессов. Наконец, в-пятых, информатизация проявляет себя как тенденция социально-экономического развития, сокращающая объем используемых в производстве природных ресурсов (приоритет будет отдан информационным) и помогающая решать вопросы рационального и бережного отношения к природе во избежание экологической катастрофы [142].

Концепция информатизации как процесса становления «инфосферы» принадлежит А.П. Ершову. Не углубляясь в технические детали, инфосфера представляет собой целостную глобальную структуру, состоящую из технических средств коммуникации, вычислительных машин или компьютерных средств, информационных ресурсов (информационных вместилищ) и информационного фонда (информационного достояния человечества). В совокупности, инфосфера является механизмом или аппаратурой получающей, обрабатывающей и распространяющей информацию обществу людей от источников, рассеянных во всех сферах человеческой деятельности. Здесь процессу информатизации отводится скромная роль, состоящая лишь в деятельности направленной на создание инфосферы.

Так как в концепции Ершова, практически не уделено внимания изменению фундаментальных общественных сфер, таких как производство, экономика, система общественных отношений, культура и т.д., это позволяет судить о ней как об откровенно техницистской. Однако если рассматривать инфосферу как одну из составляющих информационного общества – сугубо техническую, узконаправленную область, данная сущность вполне оправдана. Более того, такое понятие весьма гармонично выглядит с точки зрения объекта исследований информационного взаимодействия и информационных процессов. Проведя анализ понятия «инфосферы», с позиции нашего времени Соловьёв И.В. пришел к заключению, что инфосфера есть составляющая

антропосферы и как целостный объект для исследований она «позволит сформировать фундаментальную основу для частных наук об информации и на этой основе интегрировать их в целях более эффективного изучения информационных взаимодействий и процессов на разных системных уровнях рассмотрения» [130].

Весьма содержательной видится идея информатизации как процесса, сопутствующего формированию ноосферы. Термин «ноосфера» (от греч. Noos – «разум») впервые был предложен французским исследователем Э. Леруа в начале XXв. Позже, наш соотечественник В.И. Вернадский разработал теорию ноосферы, состоящую из системы положений описывающих переход биосферы или природного мира в мир искусственно созданный человеком или ноосферу. Суть данной теории заключается в рациональном управлении планетой с помощью высокого уровня интеллекта и знаний. Основной акцент сделан на рациональность жизнедеятельности человека, а именно правила и ограничения деятельности человека, осознание её последствий и выбор наиболее оптимального пути реализации своих возможностей.

Таким образом, теория Вернадского достаточно близка социоэкологической закономерности информатизации, однако ее положения могут быть применены не только в части рационального отношения к природе и биологической среде обитания человека. Проблема «экологичности» социальных отношений в современном обществе стоит остро как никогда. К ней относятся вопросы мира на Земле, терроризма, справедливости, социального неравенства и т.д. То есть, можно сказать, что в информационном обществе завершённой формы, человек будет ответственен за свои поступки в полной мере (на уровне ценностей и самосознания), а не формально как это происходит сейчас (пот гнетом буквы закона, страха наказания и т.д.).

Подводя итог параграфа, сформулируем наиболее содержательное на наш взгляд определение информатизации, от которого мы будем отталкиваться в последующем анализе. Информатизация – это современная процессуальная тенденция общественного развития, основанная на достижениях

информационных технологий и компьютерной техники, в результате которой происходит качественное изменение системы социальных отношений и общественного сознания. Несомненно, в рамках данной работы наиболее важным моментом является осмысление результата процесса информатизации, а именно то, как изменяется социум, менталитет общественных масс и сознание каждого отдельного индивида, какие общественные проблемы возникают вследствие его и какие пути преодоления этих проблем наиболее эффективны. Поэтому предметом нашего дальнейшего анализа в большей степени будут выступать этические и культурные проблемы человечества в информатизационной социальной реальности и как одно из основных их воплощений – социальный конфликт.

2.2. Информатизация и трансформация социальных конфликтов

XXI век характеризуется наиболее высокой степенью информатизации большинства развитых стран. Безусловно, сейчас информатизация одна из главных тенденция общественного развития. Согласно ей, социум преобразуется в качественно отличную систему отношений, привычные для нас вещи обретают иные формы и форматы, появляются абсолютно новые, передовые сущности, постепенно занимающие свое место в нашей жизни, меняется система человеческих ценностей.

В связи с этим на первое место выдвигается требование парадигмальных изменений в социально-гуманитарном знании. Рассматриваемая нами проблема социального конфликта, как часть этого знания, где социальный конфликт представлен как индикатор общественных кризисов, как социокультурный феномен, отражающий текущие общественные волнения и кризисы, а вместе с тем волю и стремления отдельных социальных групп и индивидов, как минимум нуждается в анализе, как максимум – в полной переработке её теоретической и практической составляющих. В данном параграфе мы попытаемся проследить связь феномена социального конфликта с информатизацией общества, осветить основные изменения теории конфликта, в

частности раскроем вопрос возникновения новых видов конфликтного взаимодействия в современных реалиях.

Первое, что, пожалуй, бросается в глаза – это экзистенциальная проблема человека в информационном обществе. Как будет существовать человек, окруженный высокими технологиями и автоматизированными системами принятия решений? Каково его место в подобной среде? Не вызовет ли такая реальность социальных противоречий? Для ответа на эти вопросы необходимо затронуть такие категории как свобода и безопасность.

Урсул А.Д. в статье «Информатизация общества (поиск системы закономерностей)» говорит о возможности возникновения тоталитарных информационных обществ, «где свобода, права и достоинства человека будут принесены в жертву далеким от подлинного гуманизма целям правящей верхушки административно-командной системы. Элементы и примеры такого рода электронной диктатуры, компьютерной слежки, интенсификации труда человека и т.д. уже имеются в изобилии даже в высокоинформатизированных странах, считающих себя демократическими государствами» [142, с. 15].

Как нам представляется, чтобы избежать подобной ситуации, необходимо установить гуманистическую ориентацию информатизации, где центром этого процесса являлся бы человек, его свобода, потребности, интересы и цели. В первую очередь это касается создания особой информационной политики, которая должна включать соответствующие законы, ограничивающие возможности информатизации, тем самым предотвращая потенциальное ущемление прав и свобод человека. Следующим шагом является формирование информационной демократии. Здесь идет речь не только о свободном доступе человека к информационным ресурсам, а также о его активном участие во всех социальных сферах (культурной, политической, экономической, управленческой и т.д.), о его способности применять накапливаемые знания в социально-значимых процессах. Ведь проблема угнетения, социального неравенства и подавления воли индивидов со стороны власти (меньшинства) не теряет актуальности на данный момент. Сложно не согласится, что именно она

сейчас представляет наибольшую основу конфликтогенеза, а с внедрением коммуникационной и автоматизированной техники во все сферы общественной жизни, ситуация может существенно обостриться.

С развитием интернета необходимо отметить возникновения новой формы государственного управления – электронного правительства и соответствующей формы электронной демократии, выраженной во взаимодействии пользователей глобальной сети с правительством. Для того чтобы оценить возможности электронной демократии, а также влияние информационных технологий на политическую активность населения в целом необходимо проанализировать степень потребности людей в участии в политических процессах. Так, согласно статистике, отмечается слабая заинтересованность молодежи в политической сфере, низкий уровень доверия политическим институтам и в целом разрозненность системы ценностей. Сейчас преобладает система индивидуальных ценностей, к ним относятся собственное благополучие и благополучие родных и близких, интерес пользователей направлен на средства заработка, развлечения и отдых, в то время как политическая сфера имеет гораздо более низкий приоритет. Вовлеченность молодежи в политическую жизнь выражается в большей степени в неконвенциональной, пассивной форме, также большое значение играет тренд [27]. Хотя иногда данные статистики противоречат фактам, всем известный недавний пример гражданской войны на территории Украины, во многом инициированной с помощью средств интернета и СМИ, не позволяет говорить о политической пассивности интернет сообщества, большая часть которого представлена молодежью. Подобные события относят к категории информационных войн, о чем пойдет речь в следующем параграфе, здесь же мы продолжим анализ факторов конфликтогенеза, представленных информатизацией.

В приведенной модели электронного государства существует и обратная сторона медали, выраженная в эквивалентном воздействии правительства на пользователей глобальной сети. Правительственный контроль деятельности

граждан мало того, что противоречит общепринятым гуманистическим принципам, он является причиной общественных волнений и социальных конфликтов. Так, в 2014 году прошла волна протестов, когда пользователи интернета, проживающие на территории США, узнали, что вся их личная информация (персональные данные) потенциально может стать достоянием федеральных служб, а за выраженное в приватной беседе мнение может последовать серьезное уголовное наказание.

Еще одним фактором информатизации, способствующим возникновению социальных конфликтов, является стихийное столкновение различных культур, мировоззрений, ментальностей. Единое информационное пространство поликультурно, оно не имеет географических, этнических, возрастных, гендерных и иных рамок, что позволяет пользователям со всего света взаимодействовать друг с другом. Одна из возможных перспектив информационной глобализации – становление единой информационной культуры, в результате адаптации пользователей к новой глобальной информационной реальности. Мы не беремся судить, насколько реалистична данная перспектива, однако стоит отметить, что существуют достаточно основательные предпосылки ее возникновения (единое пространство интернета, международные СМИ, экономическая глобализация (наднациональные сетевые корпорации), международные социальные сети и т.д.). На пути становления информационной культуры уже сейчас возникают серьезные трудности, связанные с социальными противоречиями. Так, в глобальной сети весьма распространены конфликты ценностей между представителями различных поколений, растет уровень социальных конфликтов этнонационального и религиозного характера (особо остро проявляют себя представители арабского мира), проблема сексизма (гендерные конфликты) также часто всплывает среди представителей интернет сообщества.

Обратимся к материалам диссертационных исследований последних лет, относящихся к нашей проблеме. Процесс информатизации общества помимо

очевидных позитивных результатов принес ряд негативных последствий, сказавшихся на возрастании уровня социальных противоречий.

Во-первых, это появление новых форм отчуждения в реалиях информационного общества. Шетулова Е.Д. к таким формам относит: цивилизационное отчуждение (технологический, информатизационный разрыв между странами запада и основного мира); информационное отчуждение (противостояние искусственного интеллекта и человечества); отчуждение в области проявления субъективности человека (противостоянии сферы интеллекта и сферы духа в результате информатизации); отчуждение в сфере человеческой деятельности (несоответствие имеющихся технических возможностей уровню квалификации человека); манипуляция сознанием с использованием новейших средств массовых коммуникаций; отчуждение на основе «компьютерной грамотности»; политическое отчуждение в результате поляризации государств по уровню технологического развития; нравственное отчуждение (бездумное потребление вместо духовно-интеллектуального развития, появление информационной преступности; отчуждение в технологической сфере (отчуждение от радиационной безопасности, отчуждение технологий) [158].

Во-вторых, увеличение объема информационных потоков вызвало проблему обработки, осмысления и селекции информации. Современный человек неосознанно и непрерывно поддается негативному информационному воздействию, которое непосредственно влияет на его восприятие социальной действительности. Отсюда вытекает ряд негативных, конфликтогенных факторов: происходит «разложения» морально-этических основ и системы ценностей; увеличивается эмоциональная нагрузка, что приводит к ухудшению психофизиологического состояния (человек становится более утомляемым, менее стрессоустойчивым и менее уравновешенным, наблюдается рассеивание внимания, снижается работоспособность); избыток получаемой информации сказывается на способности критической оценки, индивид становится менее

рациональным в своих поступках; ложные и недостоверные знания вводят человека во всевозможные заблуждения и т.д.

Такое воздействие можно условно охарактеризовать как «информационный мусор/шум». Его формированию во многом способствует рекламная отрасль, совершившая гигантский качественный скачок с приходом новейших коммуникационных технологий. В результате анализа рекламно-информационного пространства Воат А. А. обосновал факт скрытого информационного воздействия современных рекламных средств на массовое сознание людей, согласно его наблюдениям – это «целенаправленный, имеющий неявный характер процесс, который транслируется при помощи различных каналов масс-медиа» с целью «формирования особых представлений, аттитюдов, знаний, ценностных ориентаций, различных мнений, а также наполнения массового сознания определенным содержанием» [31, с. 10]. К причинам этой деятельности, автор относит потребность коммерческих организаций в сбыте своих товаров и услуг, а также «стремление определенных элит к обретению и сохранению власти» [31, с. 10]. В его исследовании мы также находим подтверждение наших мыслей по поводу негативного информационного воздействия: «современные механизмы скрытого рекламного воздействия оказывают влияние на все уровни массового сознания, такие как поведенческий, эмоциональный, ценностно-ориентированный, а также на сферы сознательного и бессознательного» [31, с. 10].

Из сказанного выше можно сделать вывод о потенциальных конфликтах, возникающих в результате данного воздействия. Во-первых, это конфликт внутриличностный, чаще ценностный. Индивид, вступая в противоречие с самим собой, может ощущать серьезные фрустрации, объективные причины которых он может и не осознавать (в случае подсознательного восприятия, нейропрограммирования). Во-вторых, это возникновение искусственной социальной конкуренции, связанной с обладанием тем или иным товаром, вопросами имиджа, статуса и т.д. Дифференцируя и поляризуя (обладатели и не

обладатели рекламного продукта) общество таким образом, рекламно-информационное воздействие является фактором межличностного и межгруппового конфликтогенеза.

К путям выхода из сложившейся ситуации Воат относит «повышение уровня культуры и образованности, социальной стабильности, гражданской ответственности в социуме», а также «выработку жесткого механизма правового регулирования и контроля со стороны государства за деятельностью рекламных агентств, процессом работы предвыборных избирательных штабов кандидатов и партий, а также их финансированием» [31, с. 11].

Существуют и позитивные точки зрения на рост информационных потоков в общественных сферах. Например, Черепанов А. А. в своем исследовании социальных кризисов, отметил положительное качество процесса информатизации в отношении их (социальных кризисов/конфликтов) трансформации. С ростом информационных потоков в обществе, процесс социализации субъекта требует все более высокого когнитивного уровня, приспособляясь, субъект существенно расширяет область своих представлений о процессах социального взаимодействия, в том числе и о социальных противоречиях. Данный фактор позволяет перейти «от «крайних» методов разрешения социальных кризисов (подчинение, изоляция) к «синтетическим», компромиссным (согласование)» [153].

При рассмотрении влияния информатизации на социальные конфликты необходимо затронуть проблему современного интернета, не только как одного из основных информационных и коммуникационных средств современного человека, но и как социальное явление, порождающее новые формы бытия. Исследование такого рода, провел Масленников Р. М. Обратим внимание на наиболее интересные для нашего анализа моменты.

Так автором подчеркивается уникальность пространственно-временной структуры интернета, то есть привычные для нас физические величины переопределяются согласно динамике интернет процессов. Обращаясь к нашей проблеме, можно заметить, что некоторые базовые свойства социальных

конфликтов, происходящих в интернете (интенсивность, протяженность, распространённость и т.д.) обретают несколько другой смысл. Например, распространяясь в интернете социальный конфликт, может существенно расширить зону своего влияния, так как отсутствуют физические преграды (географические границы, удаленность субъектов друг от друга). Функционируя в нескольких часовых поясах, используя высокоскоростные каналы передачи данных, системы «мгновенных сообщений» и обширные возможности интерактивности, социальный конфликт в интернете может развиваться гораздо более стремительно. Более подробно данная мысль может быть раскрыта внутри концепции интернет-времени, однако на данном этапе нам достаточно и приведенного наблюдения.

Наряду с глобальной базой знаний, интернет также является средством реализации пользовательских потенций, амбиций, творческих стремлений, индивидуальности. Эта потребность, наряду с потребностью в коммуникации как одна из реализаций информационной демократии интересна в данном случае своим конфликтогенезом. Вместе с конфликтом ценностей, интересов, мы видим конфликт, предметом которого выступает форма самореализации индивида. Отсюда логично вытекают как минимум два возможных сценария: возникновение различных преград, сложностей и вовсе невозможности желаемой самореализации; социальные противоречия и конкуренция между пользователями со схожими стремлениями.

С одной стороны, конфликт выражен на внутриличностном уровне, его формированию способствуют фрустрации, приобретаемые, к примеру, в результате неудачного опыта взаимодействия с информационными системами (взаимодействия типа «человек-машина»), различные технические рамки, ограничения, высокая сложность задач, недостаток навыков, переход из одной системы в другую и прочее. Сюда же относится консервативные противоречия, возникающие в результате трансформации и замещения ряда старых иерархических форм организации социума (национальные традиции, государственные идеологии, религия, институт семьи) новыми, так

называемыми сетевыми формами общественной организации (виртуальные семьи, флеш-моб, виртуальные коллективы, сетевая культура). С другой стороны – это конфликт межличностный и межгрупповой, вызванный противоречиями, возникающими в ходе многочисленных сетевых коммуникаций [106].

Говоря о новых типах конфликтов, возникших с приходом интернета нельзя не затронуть проблему «интернет троллинга». Троллинг – это умышленная провокация индивида или группы индивидов с целью вызвать у него/них определенную ожидаемую реакцию, чаще всего негативную. Существование этого феномена напрямую связано с социальной дифференциацией в интернете. Пользователи интернета отличаются друг от друга по множеству признаков, таких как взгляды на жизнь, уровень образования, уровень материального достатка, общекультурный уровень, половая принадлежность, а также принадлежность к определенной национальности и расе, и многим другим. Таким образом «интернет троль», зная эти отличия, наносит удар по самым больным местам своей жертвы, которые чаще всего формируются в результате воздействия общественных стереотипов, мнений или же личностных проблем и накопленных с годами комплексов.

Ввиду обширности российского сегмента интернета эта проблема очень актуальна для нашей страны. И пока не существует какой-либо утвержденной стратегии борьбы с интернет троллингом, пользователи всемирной паутины вынуждены испытывать фрустрации, причем их частота возрастает с каждым днем. Достаточно сложной задачей является установление причин такой формы агрессии, поскольку в процессе своей социализации индивид испытывает огромное количество различных внешних влияний и какое именно из них, или, вероятно их совокупность, сподвигло его на совершение акта троллинга без проведения глубокого психологического анализа выяснить практически невозможно. Поэтому метод решения проблемы с помощью устранения ее причины в данном случае мало эффективен. Наиболее реалистичный способ

борьбы с интернет троллингом, на наш взгляд, выражается правилом «осведомлен – значит вооружен». Ведь действительно, жертвами троллинга, чаще всего выступают люди, которые не понимают природу данного явления, они искренне пытаются отстаивать свою позицию и тем самым все сильнее запутываются в грамотно расставленных сетях охотника. На этот счет в интернет среде существует весьма резкое и, тем не менее, лаконичное выражение «еда для троллей», в роли которой как раз и выступают их жертвы. О какой борьбе может идти речь, когда подчеркивается столь пренебрежительное отношение к одной из действующих сторон? Нужно четко понимать, что никакая аргументация не способна поменять убеждения интернет тролля, более того любые попытки полемики будут идти согласно его плану. Поэтому в такой ситуации лучшим оружием является полное игнорирование тролля, сведение всех его усилий к нулю, и конечно же грамотная селекция получаемой информации.

Хотя интернет троллинг и принято относить к достаточно безобидным формам интернет агрессии, не существует никакой уверенности, что его последствия не могут перерасти в нечто более деструктивное, например, в острые общественные волнения или даже непосредственные насильственные акты. Необходимо расценивать троллинг как форму психологической манипуляции, пусть и на некотором ограниченном уровне, тем не менее действующей по тем же законам и принципам. Поэтому методы предотвращения и профилактики интернет троллинга достаточно тесно колерируют с существующими методами противостояния манипуляции массовым созданием, о которых пойдет речь в следующем параграфе.

2.3. Информационная война как вид социального конфликта

В рамках дальнейшего анализа мы рассмотрим принципиально новый, возникший в реалиях информационного общества, тип социального конфликта – информационную войну. Приоритет исследования данного феномена

обусловлен нарастающей популярностью информационных войн в современной общественной жизни, а также тем громадным уровнем влияния, которое они оказывают на подавляющее большинство социальных сфер. В первую очередь необходимо определиться, что же такое информационная война в нашем понимании. Существует два наиболее распространённых определения информационной войны.

А. В. Манойло информационную или информационно-психологическую войну определяет как частный вид информационного противоборства, представленного в свою очередь в виде «любых форм социальной и политической конкуренции, в которых для достижения конкурентного преимущества предпочтение отдается средствам и способам информационно-психологического воздействия» [99, с. 73]. К последнему автор относит «весь спектр конфликтных ситуаций в информационно-психологической сфере – от межличностных конфликтов до открытого противостояния социальных систем». Как разновидность информационного противоборства, информационно-психологическая война имеет свои особенности. Манойло дает следующее определение: «информационно-психологическая война – это политический конфликт по поводу власти и осуществления политического руководства, в котором политическая борьба происходит в форме информационно-психологических операций с применением информационного оружия» [99, с. 74]. Под информационным оружием в данном случае понимаются некие технологии психологического воздействия, призванные работать по средствам глобальной сети и каналов связи.

Отметим, что сделанный здесь упор на политическую составляющую существенно ограничивает исследуемую область, ведь в современном информационном обществе не менее значимую роль играют коммерческие и общественные организации, также использующие «инструмент» информационных войн. Поэтому объекту нашего исследования в большей степени соответствует понятие психологической войны, представленное в справочнике по социальной психологии как совокупность различных форм,

методов и средств воздействия на людей с целью изменения в желаемом направлении их психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом [85].

Вторая распространенная трактовка информационной войны включает в себя целенаправленные действия по нанесению ущерба информации (цифровым данным) и информационной структуре противника. Это может быть достигнуто путем искажения, замены или кражи ценных для государства/предприятия данных. В данном контексте информация как целевой объект информационной атаки представляет собой ценный ресурс, за который ведется борьба, что сводит данное определение к сугубо вещественно-материальной стороне.

Однако, не все так просто. Информация в наше время не является лишь экономическим ресурсом, она затрагивает практически все стороны человеческой жизни, будь то данные о состоянии здоровья, заработной плате, страховании или данные, имеющие ценность только для одного субъекта, то есть персональные данные, личная и деловая переписка, информационные ресурсы, относящиеся к духовной и эмоциональной сфере и т.д.

Таким образом, враждебное воздействие на представленные данные может также расцениваться как манипуляторное – воздействие на информацию приводит к воздействию на субъект. Серьезным недостатком данной трактовки информационной войны на наш взгляд является отсутствие в ней, собственно, смысла «войны», то есть обоюдного, двустороннего противоборства. То, что мы видим в предложенном определении, скорее подходит к понятию информационной атаки, как непосредственного акта воздействия, но никак не конфликта в его привычном понимании.

В чем же заключается аспект информационной войны как социального конфликта? С точки зрения конфликтологии, информационная война, как и война в общем смысле, является крайней формой проявления конфликта,

обусловленной состоянием, когда латентные противоречия перешли в открытую форму – противостояния или противоборства. Субъектами информационной войны, как и в любом социальном противоречии, являются стороны-антагонисты, преследующие свои интересы, выраженные в материальной или нематериальной форме, а также отстаивающие свои позиции, убеждения и взгляды. В зависимости от конкретных условий, участниками информационной войны могут выступать как главы правительства и международных организаций, руководящие элиты, директора корпораций, так и народные массы, на которых было оказано информационно-психологическое воздействие. По статистике, именно представители руководства являются наиболее частыми инициаторами информационных войн. В основном они преследуют такие цели как увеличение политического влияния на региональном и международном уровнях и достижение экономического роста. Несмотря на существующие многообразие форм информационных войн, ключевой отличительной особенностью от других социальных конфликтов является механизм их ведения, основанный на манипуляции массовым сознанием. Основным необходимым условием здесь является нахождение всех участников в общем информационном пространстве, которое обеспечивается средствами массовой коммуникации. Информационное воздействие, выступает базовым средством борьбы и может быть направлено как на непосредственного противника (например, главы и гражданское население конкретного государства), так и на третью сторону-наблюдателя/потенциального участника отношений (страны союзники и страны, сохраняющие нейтралитет). Попавшая под воздействие аудитория, становится невольным участником информационной войны. Такие субъекты не видят полной картины и истинных причин противоборства, они пытаются отстаивать искусственно сформированные ценности, и сами того не подозревая, действуют в рамках заранее установленного сценария. Еще одной особенностью информационной войны является стремление к увеличению масштабов. За счет привлечения большого числа участников информационного пространства в противоборство,

стремительно возрастает число и сложность социальных связей, развивается полипредметность конфликтных отношений (каждый участник видит причины войны по-разному) и ситуация сложнее поддается контролю.

Компилируя с учетом всех замечаний два рассмотренных варианта термина, дадим рабочее определение информационной войны. Информационная война – информационное противоборство или конфликт с применением современных коммуникационных технологий и технических средств, целью которого является манипуляция сознанием противника в своих интересах.

Для придания нашему анализу эмпирических оснований обратимся к истории информационных войн. Нужно заметить, что информационные войны велись еще до появления современной компьютерной техники и информационных технологий, они существовали в плоскости средств массовой информации и отдельных сообщений влиятельных личностей. Безусловно, эффективность и степень распространённости информационных войн в наше время гораздо выше, усовершенствовались сами механизмы информационного воздействия, однако сама логика этого процесса практически не изменилась.

Первые формы информационных войн возникли еще в древности, когда правители и полководцы использовали прием дезинформационного воздействия на врага, достигая, таким образом, победу без кровопролития. Китайский военный стратег Сунь-Цзы считал самым эффективным военным средством – воздействие на умы соперника, с целью сломить его волю к победе и принять поражение. Прусский генерал Карл фон Клаузевиц в своем труде «О войне» писал, что распространение дезинформации в рядах соперника позволит поставить его в менее выгодное положение, что в итоге приведет к победе над ним. Использование дезинформации, запугивания, угроз и различных информационных манипуляций с целью достижения поставленной цели упоминается в сочинениях великих военачальников и полководцев – Наполеона, Жоффра, Кутузова, Суворова и других. Широко известно

применение казуистики, умышленных оговорок и откровенного лукавства Орденom иезуитов в ходе своей пропаганды и миссионерства.

Первым же задокументированным фактом информационной войны считается ситуация, возникшая в период Крымской войны в середине XIX века, когда английские газеты в отчете о Синопском сражении дезинформировали население, сообщая, что русские войска расстреливали в воде раненных турецких солдат. Особенно возросла роль информационных войн в XX веке, когда участилось использование СМИ в тотальных и локальных военных конфликтах. В первую очередь это, конечно же, события Первой мировой войны. Великобритания успешно применяла пропаганду, выгодную для нее трактовку ведения войны среди немецких войск, что производило сильный деморализующий эффект. Позже в Лондоне даже был создан специальный центр, занимающийся разработкой пропагандистских информационных материалов. Целями данной пропаганды являлись: мобилизация и поддержание духа собственной армии, усиление ненависти к врагу; убеждение населения в правильности действий военного руководства; развитие дружественных отношений с союзниками, развитие идеологического единства и т.д.

Историческая необходимость информационной пропаганды во многом была вызвана потребностью развития боевого духа не только на фронте, но и в тылу. В период Первой мировой войны страны были вынуждены использовать мобилизованные армии, в то время как до XX века, служили в основном профессионалы и наемники. Главенствующим элитам пришлось доходчиво объяснять гражданскому населению цели войны, мотивировать к вступлению в ряды войск, а для этого необходимо было использовать высококвалифицированных специалистов в области журналистики и связях с общественностью. Впервые были использованы такие технологии как передвижные киноустановки, полевые громкоговорители, специальные радиоканалы, политические плакаты и другие. Еще один пример, когда уже в конце войны странами Антанты был создан информационный орган

призванный осуществлять морально-психологическое разложение поверженной германской армии, что, несомненно, привело к более уверенной победе.

Оценивая последствия информационной войны времен Первой мировой нужно отметить, что во многом она имела инерционный, бесконтрольный характер. Население воюющих стран не имело устойчивого иммунитета к информационной пропаганде, что создало ситуацию слепой веры словам прессы. Искусственно созданная, сфабрикованная ненависть, отсутствие реальных целей вывело войну в иррациональное русло, сведя ее, по сути, к бессмысленной бойне. Интересно, что жертвами пропаганды стали сами главы правительства, убедив себя в мысли «идти до конца» невзирая на все последствия, в том числе и гибель людей [33].

Очень ярко информационная война проявилась в период Гражданской войны в России 1917-1922 гг. После Октябрьской революции встает вопрос о защите новой власти, для этого в первую очередь необходимо вступление широких масс в ряды Красной Армии. Средствами агитропа проводится одна из самых крупных и сложно реализуемых пропаганд в истории. На ее пути стояло множество трудностей. Во-первых, Россия того времени была представлена высокой долей малообразованного сельского населения, читал лишь каждый третий, а политической грамотностью владели еще реже. Во-вторых, необходимо учитывать сравнительно малое количество большевиков (около 20 тысяч человек) и отсутствие СМИ в привычном понимании. Во многом именно благодаря грамотной агитационно-пропагандисткой работе коммунисты смогли одержать победу.

Агитация велась, как среди населения, так и внутри армии, были созданы специальные агитационно-вербовочные отделы. Среди средств пропаганды Советской власти использовались агитационные листовки, плакаты, лозунги, брошюры, военно-политические газеты, идеологическая литература, грамзаписи, а в агитпунктах даже проводились киносеансы и спектакли. Руководство данной деятельностью было строго централизовано и производилось через военно-политический аппарат. Помимо вербовочной

информации, агитации также обличали бесчеловечные способы борьбы, используемые контрреволюцией.

В 20-х годах XX века осуществлялся контроль над печатной деятельностью противников Советской власти (было закрыто более 470 оппозиционных газет). Позднее для борьбы с оппозицией были введены специальные трибуналы и комиссариаты печати, задачей которых было осуществление правосудия над неудобной, «выступающей против народа», распускающей ложные слухи и клевету прессой. Особое значение имела военная цензура, организовывались специальные бюро, препятствующие распространению в прессе военной тайны.

Следующий период информационных войн охватывает события Второй мировой войны. Большой упор на средства массовой пропаганды делала фашистская Германия. Область журналистики считалась особо привилегированной и имела государственное значение, так как являлась одним из ключевых инструментов воздействия на широкие массы. В связи с этим осуществлялся строгий контроль нацистской партией над издательской деятельностью. Пропаганда велась и на фронте в рядах соперника, Гитлер в частности, видел тактическую ценность в использовании информационно-психологического оружия, способного заставить противника капитулировать. Нападение на такого сломленного духом, деморализованного врага имеет более высокий шанс на успех, что подтвердили факты завоевания небольших европейских стран таким образом. Печатались военные газеты, агитационные листовки, брошюры, плакаты и даже издания на иностранных языках, проводилась пропагандистская работа с военнопленными.

Подобно Великобритании периода Первой мировой войны, Германия вела пропаганду среди гражданского населения, освещая события на фронте в выгодном для политического руководства свете. Позже фальсифицированные материалы были распознаны народом, что побудило интерес к зарубежным источникам информации. Однако реакция правительства последовала немедленно, прослушивание радиоэфира и чтение прессы противника (не в

целях разведки) стало приравняться к государственной измене и жестоко караться. Интересную ответную контрпропаганду проводил Советский Союз, вставляя свои информационные правдивые сообщения (путем подбора радиочастот) во время немецких радиоэфиров, что оказывало колоссальное воздействие на население.

Говоря о радиовещании, нужно отметить, что это был один из самых эффективных инструментов пропаганды фашистской Германии. Следуя государственному заказу, было произведено и распространено среди населения огромное количество радиоприемников, к 1939 году нацисты осуществляли вещание на 15 радиоканалах, которые принимали более 11 миллионов приемников. Вещая за границу, немцы пытались сформировать у слушателей стран, еще не вовлеченных в военный конфликт позитивный образ Германии, привить любовь к передачам и дикторам, что можно расценивать как тактически грамотный ход. Нацистское руководство также активно использовало средства телевидения для воздействия на общественное сознание. На базе захваченного парижского телецентра под личным руководством Геббельса было организовано телевидение охватывающее Францию, Германию и Италию, цель данного мероприятия состояла в распространении фашистской пропаганды в эфире. В целом, пропагандистская компания Германии во Второй мировой войне оценивается как одна из самых крупных и эффективных в истории информационных войн.

Весьма наглядно информационная война была представлена в период Холодной войны 1946–1991 годов. Есть основания считать, что распад Советского Союза вызван не только экономическими и политическими причинами, но и грамотным применением странами Запада информационного оружия. Информационная война между СССР и США велась в первую очередь за политическое влияние на мировой арене.

Наиболее яркие события связаны с локальными конфликтами в странах Третьего мира и гонкой вооружения (ядерного оружия). Как отмечается во многих источниках, Корейская война 1950-1953 годов положила начало

формированию информационно-психологических средств Соединенных Штатов и подчеркнула приоритет военного развития в данном направлении. При составлении информационно-пропагандистских материалов США пыталось показать легитимность своих действий, согласованность с ООН, избегая при этом острых моментов касающихся политических мотивов и идеологии. Для ведения информационно-психологической войны был полностью перестроен аппарат и структура подразделений, отвечающих за пропаганду, основным приоритетом было политическое направление. В 1952 году даже был создан специальный центр психологической войны в Каролине, куда набирали квалифицированных в области пропаганды, психологии и коммуникативных технологий специалистов. Средства пропаганды были представлены печатными материалами (на различных языках, а также адаптированные под различные аудитории), в устной форме (с помощью громкоговорителей) и в формате радиозэфира (на нескольких языках). Велась разведка, которая включала в себя изучение прессы и документов противника, радиоперехваты, допросы военнопленных, прослушивание и наблюдение за врагом на поле боя. После 1955 года информационные войны становятся частью специальных операций вооруженных сил США.

Пересмотренная программа информационно-психологической войны прошла испытания во Вьетнамской войне. Среди новых средств информационного воздействия следует отметить кинопроекторы и звуковые деморализующие записи, транслируемые с локальных установок в стане врага. Есть свидетельства, что при сборе, обработке и хранении военной информации впервые были использованы средства ЭВМ. Руководством по специальным операциям США был сделан упор на социально-психологическую составляющую пропаганды, учитывающую менталитет вьетнамских войск. И это доказало свою эффективность, когда многие морально истощенные вьетконговцы не выдерживали психологического давления и добровольно сдавались в плен.

Несмотря на поражение США во Вьетнамской войне, информационная война была проведена достаточно успешно, ее средствами на сторону Америки перешло более 250 тысяч вьетнамских солдат. Среди причин поражения США отмечается потеря поддержки со стороны собственного населения и мировой общественности. Вследствие этого американским руководством был сделан вывод, что успех информационной войны может быть достигнут лишь в случае тотального воздействия на всех участников, вовлеченных в события. Данный курс сохраняется и в нынешней политике США и блока НАТО [33].

Отражение тотальной стратегии США в информационной войне может быть найдено в период военного конфликта в Персидском заливе (1990-1991). Силами США был проведен обширный комплекс мер по ведению информационно-психологических операций. Огромную роль в этих операциях сыграли средства массовой информации, среди которых печатная пресса, радио и телевидение. Все информация о событиях, происходящих на фронте поступающая в международные СМИ контролировалась Пентагоном, его отделами проводилась редакция и военная цензура. Активно использовались приемы преувеличения (например, касательно ядерной мощи Ирака и возможности его вторжения в Саудовскую Аравию), фальсификации данных (наличие у Ирака химического оружия) и умалчивание фактов, все делалось с целью оправдания своих военных действий и намерений.

Среди задач информационной войны стояли: формирование негативного образа Ирака в глазах мировой общественности, создание препятствий для внешней поддержки страны; укрепление позиций антииракской коалиции; обострение внутренних конфликтов арабского мира; поднятие патриотизма среди населения США и стран союзников; дезинформированные противника о своих военных планах; агитация населения Ирака против местных властей, возбуждение внутригосударственных гражданских волнений (формирование оппозиции); запугивание и внушения чувства бессилия перед военной мощью Америки.

Безусловно, в истории XX века и периода Холодной войны, в частности, существует еще масса примеров информационных войн, которые заслуживают не меньшего внимания (события Карибского кризиса, интервенции второй половины XX в., война в Афганистане 80-х годов, конфликт в Персидском заливе и т.д.), однако в рамках данной работы мы не имеем возможности детально проанализировать каждый из них. В целом, логика событий данного периода меняется незначительно, что позволяет нам, с некоторыми допущениями, составить образ информационной войны как формы социального конфликта по рассмотренным примерам.

Более содержательными видятся события нашего времени, поскольку аспект данного исследования сводится к реалиям постиндустриального, информационного общества и действующим в его плоскости информационным войнам. Общие черты имеют Грузино-осетинский конфликт 2008 года и события Евромайдана 2013-2014 годов. В обоих случаях, велась информационная война, цель которой со стороны США и ряда европейских стран была дискредитировать Россию и ее политику, разыграть спектакль «беззащитная жертва и жестокий хищник». Борьба за свободу и независимость Грузии и Украины являлась лишь удобным прикрытием, механизмом воздействия на мировую общественность.

Так, миротворческие силы России в западной прессе были представлены как захватнические, фактическое количество введенных на территорию конфликта войск было значительно преувеличено, фальсифицировались и данные о жертвах обеих сторон. Среди средств ведения информационной войны были задействованы современные информационные технологии и средства вычислительной техники. Отмечаются факты хакерских атак на правительственные и информационные веб-сайты, массовые вбросы провокационной информации (ложные сообщения о военных действиях, постановочные фото и видео материалы) в сеть, а также проведение особых технических мер (закрытия украинскими провайдерами доступа к российским

информационным сайтам, введение ограничений на телевизионные каналы и т.д.).

В ходе событий на Украине Россия также прибегала к средствам информационного воздействия, ведя контрпропаганду (уличив участников Евромайдана в националистических идеях и олигархическом характере новой власти). В информационной войне приняли участие Англия, Франция и Германия, чрезвычайно критически отзывавшись о факте возвращения Крыма Россией. Наблюдалось противостояние российских и западных СМИ, которое привело в результате к ситуации глобального недоверия (каждая сторона предвзята). Существует распространенное мнение, что гражданская война в Украине возникла в результате грамотно спланированного информационного воздействия на народные массы страны.

Анализируя исторический опыт информационных войн можно сделать несколько выводов:

1. Информационная война является высокоэффективным инструментом политического воздействия и безусловно наиболее перспективна в современных условиях социума, когда уровень коммуникационных технологий приближается к своему пику (существует прямо пропорциональная зависимость). Она проводится как в мирное, так и военное время, под зону ее влияния попадают все общественные сферы (политическая, экономическая, духовная и др.).

2. Отпадает необходимость локальных вооруженных конфликтов, их роль становится побочной и большей частью постановочной («спектакль» по сценарию информационной войны).

3. Гражданское население сильно подвержено влиянию информационно-психологического оружия, формируемое общественное мнение сильно завязано на средствах массовой информации и популярных информационных источниках. Именно поэтому высокую эффективность показывают инструменты пропаганды и агитации.

4. К приемам ведения информационной войны, целью которых является манипуляция сознанием широких масс, относят: пропаганду, агитацию, дезинформирование (представление информации в выгодном для себя свете), фальсификацию данных (преувеличение, недоговоренность, умалчивание важных фактов и т.д.), подтасовку результатов голосований и психологическое давление (запугивание, деморализация).

5. К средствам информационной войны относят: СМИ (пресса, телевидение, радио, новостные веб-сайты), распространяемые и рекламные материалы (листовки, брошюры, плакаты, рекламные щиты и т.д.), слухи и сплетни, хакерские атаки (порча, изменение, кража ключевых данных), информационные вбросы в социальных сетях и популярных Интернет-ресурсах.

6. Информационно-психологическое воздействие всегда ориентировано на конкретную аудиторию, с учетом специфики ее менталитета, психологических и моральных и духовных характеристик. Более точное определение типа субъекта во много определяет успех информационной войны. Наиболее перспективными целями являются люди, принимающие ключевые решения (главы государств, члены совета директоров, партийные лидеры).

7. Информационная война может быть успешной лишь в случае тотального контроля над информацией подаваемой общественности, иначе у населения могут возникнуть сомнения в достоверности получаемых данных, что в конечном итоге приведет к полному недоверию и выхода целевой аудитории из зоны информационного влияния (вплоть до принятия стороны соперника).

В качестве подведения итогов обратимся к последним исследованиям информационных войн, что позволит дополнить наш образ феномена новыми или упущенными из вида особенностями.

Соколова А.М. в своем исследовании информационных войн обнаружила тенденцию «имплантации» современной пропаганды в общественное обыденное знание, представленное различными стереотипами и моделями

поведения. Такая «маскировка» позволяет пропагандистской кампании более тонко воздействовать на сознание целевой аудитории, делая сам процесс прозрачным. Среди других методов информационного воздействия, приведенных автором, отметим использование смысловой редукции информации, используемой в современной пропаганде – человек лучше воспринимает знания, поданные в простой форме (примитивные ситуации, понятия, смыслы и символы). Обнаружена непосредственная связь процесса глобализации с информационными войнами, отмечается возрастание частоты возникновения и степени агрессивности последних. Соколова отмечает особое место и роль России в мировых информационных войнах, вместе с тем показывает необходимость противостояния российского общества информационному влиянию Запада с целью сохранения своей идентичности и народной культуры [129].

Исследуя специфику информационной войны на Кавказе, О. В. Иванников опирался на теорию социального конструирования реальности и немарковскую парадигму о содержательности информации. Симбиоз представленных концепций позволил получить весьма интересное определение информационной войны – «это целенаправленное широкомасштабное оперирование субъектов смыслами создание, уничтожение, модификация, навязывание и блокирование носителей смыслом информационными методами для достижения поставленных целей» [67, с. 17]. Автор также отмечает комплексный и игровой характер современных информационных войн, обращает внимание на вопрос информационной безопасности государства, которая должна быть построена по тем же принципам (комплексная, принимающая «правила игры») [67].

Информационная война как распространенный социокультурный феномен является объектом многих междисциплинарных исследований, а социальная философия, как известно, призвана рассматривать все существующие точки зрения и в некотором смысле производить их компиляцию, выделять методологическую основу, находить универсальный, истинный смысл вещей.

Одной из первых областей общественной жизни, где информационные войны проявили себя в полной мере, является область политики, поэтому основательными на этот счет, являются исследования политологов.

Одним из последних является анализ информационных войн, проведенный на примере осетино-ингушского конфликта Качумовым Д. А. Обратим внимание на два момента. Во-первых, в исследовании дана характеристика современных концепций информационной войны: доминирование информационных операций в ходе военных столкновений у США, автономная государственная война у Китая и политика сдерживания манипуляционных натисков в информационном пространстве у России. Во-вторых, автором выделяется семиотический аспект информационных войн в политике представленный многообразием средств языка в кодировании информационных сообщений, также подчеркивается действенность когнитивных технологий [73]. Первый довод лишь еще раз подчеркивает «особый путь» России, однако не дает ответа на вопрос о причинах подобного поведения. Второй момент тесно соприкасается с рассмотренным нами использованием методов социальной психологии и коммуникативных технологий в информационных войнах.

Отметим исследование информационных войн в рамках социально-информациологического подхода Араповой Н.П. лежащего на стыке нескольких научных дисциплин. Автором дается определение информационно-психологической войны – «форма управления информационными процессами и отношениями, отражающими властные противоречия между субъектами геополитической конкуренции средствами информационно-психологического насильственного воздействия на массовое сознание и социальную психику в рамках социально структурированного глобального информационного пространства» [6, с. 7]. Уточняется, что общая цель всех информационных войн – «разрушение мировоззренческой основы единства нации как особой общности людей, объединенной идеей государственности» [6, с. 23]. Также предложен механизм защиты (государственной информационной безопасности) – проведение государственной информационной политики, задачей которой

стоит синхронизация идеологических настроений общества, государства и СМИ (интегральным показателем является национальный патриотизм) [6].

Рассмотрев несколько точек зрения, мы не обнаружили существенных расхождений с полученным нами образом информационной войны, напротив, многие из наших аргументов нашли подтверждение, а где-то и дополнились новым содержанием. Это говорит о формировании устойчивого понимания феномена информационной войны научным сообществом, что даёт основания для определённого оптимизма, ведь как острая проблема современности, проблема информационной войны нуждается в устойчивой теоретико-методологической базе, которая послужит фундаментом для информационной защиты, информационной безопасности и, в конечной перспективе, информационной демократии.

В заключение параграфа несколько слов хотелось бы сказать о событиях последних дней, которые раскрывают некоторые новые аспекты информационной войны. Совсем недавно в СМИ активно обсуждались теракты произошедшие в столице Франции, где в результате действий террористической группировки погибло порядка 130 человек. Об истинных причинах этого акта кровопролития до сих пор идут споры, однако нельзя отрицать, что данные теракты возникли в ходе ведущейся информационной войны. Эти события отлично иллюстрируют ее эффективность. Так, в новостных сводках периодически всплывали личности террористов, и к удивлению многих, часто среди них оказываются граждане стран, подвергнувшихся нападению. Стоит только задуматься, люди, которые родились и прожили всю жизнь в стране вербуются в террористов-смертников и идут убивать свой же народ.

Также, говорят об отличной боевой подготовке, организации и слаженности действий террористов – все теракты произошли, согласно плану и в полном вооружении. И все это благодаря возможностям, предоставленным современными средствами коммуникаций. Во-первых, это веб-ресурсы с агитационной и идеологической информацией, позволяющие вербовать

террористов в любой стране. Причем, вопреки заверениям спецслужб, неподдающиеся контролю (прокси-маршрутизация, сети с луковичным роутингом типа TOR). Во-вторых, манипуляция общественным сознанием за счет сообщений в информационных каналах, с целью запугивания или отвлечения внимания. И, наконец, в-третьих, осведомленность террористов по всем интересующим вопросам за счет огромного количества общедоступных ресурсов.

Эти примеры, показывают, насколько средства информационной войны могут быть эффективны в наше время, а также демонстрируют полную незащищенность государств против них. Весьма характерное отражение текущая ситуация находит в мировой культуре и кинематографе. В частности, премьера этого года от режиссера Бабака Наджафи «Падение Лондона» отлично иллюстрирует вариант последствий информационной войны и современного терроризма, и порой даже кажется, что такие события, особенно с учетом все последних факторов, вполне вероятны и за пределами киноэкрана.

Глава 3. Проблема управления социальными конфликтами в условиях информатизации общества

Проведя анализ феномена социального конфликта, а также той современной социальной реальности, в рамках которой он функционирует, мы подходим к одной из самых насущных проблем нашего времени – управления социальными конфликтами. Необходимость разработки технологий управления социальными конфликтами вытекает из оценки пагубных последствий конфликтов для общественной системы, а специфика современной социальной среды, в лице глобального информационного общества, делает проблему еще более острой и масштабной.

3.1. Сложившиеся технологии управления социальными конфликтами и их ограниченность

Говоря о технологиях управления социальными конфликтами, необходимо, в первую очередь, иметь представление о том, что же такое социальная технология вообще. Нужно сказать, что еще до появления этого термина, люди веками применяли социальные технологии в своей повседневной жизни. Социальные проблемы, кризисы и несовершенство социальных систем всегда являлись основным стимулом преобразования социальной реальности, разработки более эффективных общественных практик и механизмов общежития, ведь стремление к «лучшему и оптимальному» заложено в самой человеческой природе. Понятие самой технологии тесно связано с процессом материального производства, и в самом простом смысле означает деятельность по преобразованию природных ресурсов. Однако технология наряду с непосредственной производственной деятельностью также представляет систему методов и процедур, используемых в процессе производства, то есть некоторые знания/умения в производственной сфере. Позднее, с развитием гуманитарных наук и развитием общественных институтов возник интерес к социальному аспекту технологии, к целенаправленному воздействию на социальную действительность, ее

процессы и сферы, что привело к постановке вопроса о социальной технологии, лежащей в основе инновационного «варианта» общественных процессов.

Категория «социальная технология» институционально оформилась лишь в 40-50-е годы XX века. Широкое распространение этот термин получил благодаря трудам К. Поппера, который определял социальные технологии как любые формы (или способы) применения теоретических выводов в практической деятельности [120]. Характерная особенность социальной технологии Поппера в противопоставлении ее принципу историзма (прежде всего Гегеля). Как составной элемент социальной инженерии социальная технология призвана преобразовывать социальную действительность в одном из двух возможных направлений: «поэтапном» («частичном», «локальном»), представленным как наиболее реалистичный способ, использующий имеющиеся средства и формы социального воздействия и «глобальном» («холистском»), который по мнению Поппера, является утопичным способом преобразования социальной реальности «в один шаг» или путем революции [121].

Существенные коррективы термин «социальная технология» получил в 70-е годы в публикациях Н. К Стефанова и М. Маркова. В общем виде Стефанов определяет социальную технологию как «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности». Условием использования социальной технологии он считал существование сфер деятельности, где имеет место активное (в противовес созерцательному) и целенаправленное отношение человека к социальной среде. Марков рассматривал социальную технологию в двух аспектах: как систему знаний об организации действительности, связанную с выполнением этапов, операций, методов, действий и т. п. по формированию общественных явлений, и как технологизацию этих знаний в процессе деятельности, которая выражается в трудовых действиях людей, соответствующих требованиям конкретных, специфических социальных структур [101, с. 57–58].

В. Г. Афанасьев рассматривал социальную технологию в рамках парадигмы социологии управления. Так, социальная технология, в его представлении, обеспечивает функционирование механизма социального управления. В социальной технологии происходит «перевод объективных законов в механизм социального управления, т. е. «перевод» абстрактного языка науки, отражающей объективные законы развития общества, на конкретный язык решений, нормативов, предписаний, регламентирующих, стимулирующих людей на достижения поставленных целей» [11, с. 369].

Понятийный аппарат социальной технологии весьма обширен, в период 70-90-х годов XX века он активно изменялся и дополнялся отечественными социологами и психологами (А. К. Зайцев, В. Н. Иванов, В. В. Щербина, Г. А. Антонюк, Л. Г. Ионин, Н. К. Иконникова), а также специалистами в области управленческих консультаций (Т. М. Дридзе, А. П. Посадский, С. В. Хайниш). Нужно отметить, что, несмотря на различия в трактовках термина, фокус исследователей был установлен на процессы управления предприятиями, введение различных норм и стандартов.

В период постсоветской России произошло расширение термина социальной технологии, он стал применяться не только в управленческой области, но и в области политики. При этом в целом, заметно снизился интерес со стороны практиков, специалистов по управлению персоналом, заводских социологов. Но появилась новая сфера разработки социальных технологий, связанная с рекламой, связями с общественностью и маркетингом. Некоторые исследователи стали ассоциировать социальные технологии с социальным регламентом (нормами, сводами правил, регулирующих деятельность представителей государственной власти). К исследователям данного периода относят В. П. Бабинцева, Е. М. Бабосова, Л. Я. Дятченко, В. Н. Иванова, В. Я. Матвиенко, В. И. Патрушева, И. Т. Касавина, Л. А. Маркову, В. И. Подшивалкину, А. В. Тихонова, Ж. Т. Тощенко, Б. Г. Юдина др.

Общность понимания сущности социальных технологий у авторов заключается в следующих положениях [70, 162]:

- Социальные технологии решают практические задачи социальной сферы;
- Как инструментальные средства социальные технологии включают в себя наборы норм, правил, стандартов поведения и деятельности людей, участвующих в социальном процессе;
- Социальные технологии ограничиваются сферой применения и типами практических задач социальной жизни.

Несмотря на общие моменты, термин имеет принципиальные отличия у ряда авторов. Мы попробуем выделить сущностные основания и привести несколько трактовок социальных технологий согласно этому критерию.

1. Социальная технология как практическая деятельность, где применяется социальная теория (К. Поппер, Н. К. Стефанов, Л. Г. Ионин).

2. Социальная технология как форма организации деятельности или технологизация, совершенствование, корректировка социальных процессов (М. Марков, Г. Д. Никредин, В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, И. Т. Касавин).

3. Социальная технология как инструментальное средство и продукт рационализации практической деятельности, решения социальных проблем, набор процедур воздействия на социальные объекты, способ достижения поставленных целей, (В. Г. Афанасьев, Т. М. Дридзе, Г. П. Щедровицкий, Ж. Т. Тощенко).

4. Социальная технология как система специфических знаний (социальных наук) о способах организации, оптимизация социальных процессов и человеческой деятельности (А. К. Зайцев, Н. К. Иконникова, Л. Я. Дятченко).

5. Социальная технология как стандарт, образец, нормы и законы социальной деятельности, регулирующие общественные процессы (В. В. Щербина, В. К. Тарасов, Л. А. Маркова).

На наш взгляд, среди перечисленных выше наиболее точное определение социальной технологии представлено у А. К. Зайцева, Н. К. Иконниковой и Л. Я. Дятченко, то есть как системы гуманитарных знаний о способах организации

и оптимизации социальных процессов и деятельности. Во-первых, такая трактовка лишена узкой направленности (т.е. не определяется, как касающаяся какой-то одной сферы - управления, политики и т.д.), во-вторых, в данном определении четко прослеживается объект социальной технологии – социальные процессы, отношения и деятельность людей. Наконец, в-третьих, проведена явная связь между социальным знанием и общественными процессами, выражена основная (и, как нам видится, единственно возможная) функция этого знания – преобразование (совершенствование) социальной реальности и решение общественных проблем.

Многообразие социальных процессов позволяет говорить о классификации социальных технологий, в качестве критериев могут выступать: содержание, объект воздействия, функции, свойства, сфера применения, выполняемые задачи, цели и т.д. Далее мы рассмотрим классификации, предложенные рядом теоретиков социальных технологий.

Кузнецова Л. П. классифицирует социальные технологии по следующим основаниям [86, с. 92]:

1. По масштабам решаемых социальных проблем: универсальные социальные технологии (например, социальная диагностика явлений общественной жизни); частные или решающие конкретные задачи социальные технологии (например, технология детского воспитания).

2. По уровню социальной деятельности: глобальные социальные технологии; национальные социальные технологии; государственные социальные технологии; региональные социальные технологии; муниципальные технологии.

3. По характеру решаемых задач: функциональные социальные технологии, предназначенные для обеспечения оптимального функционирования существующих социальных систем; инновационные социальные технологии, направленные на обеспечение перехода различных социальных систем на качественно новый уровень развития; технологии разрешения социальных противоречий и конфликтов, предназначенные для

поиска и последующей реализации наиболее оптимальных путей и способов решения обозначенных проблем.

4. По характеру воздействия на социальные процессы: формирующие социальные технологии, задача которых сводится к созданию новых социальных объектов; стимулирующие социальные технологии, призванные воздействовать на отдельные стороны социального объекта; сдерживающие социальные технологии, направленные на регулирование процесса функционирования социального объекта; разрушающие социальные технологии, результатом применения которых является полное или частичное устранение социального объекта из социальной системы.

5. По характеру и содержанию используемых средств: организационно-распорядительные и административные социальные технологии; социально-правовые технологии; медико-социальные технологии; психологические технологии; педагогические технологии и т. п.

Маргулян Я. А. предлагает классифицировать социальные технологии по таким основаниям как: время действия (краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные); виды деятельности (промышленно-трудовые, учебные, научные, внедренческие и др.); по результатам (конструктивные, деструктивные); по стимулирующему воздействию (материальные и нематериальные); по уровню воздействия (высокоэффективные, среднеэффективные, низкоэффективные); по источникам (внутренние, внешние); по изменениям в социальной системе (прогрессивные, регрессивные); по инвестициям в человеческий капитал (подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников, поддержание их здоровья и культурного развития, предоставление социальной помощи и поддержки) [132].

Щербина В. В. приводит классификацию социальных технологий по трем типам [162]:

1) «Социальные технологии, рационализирующие деятельность» – типичные для управленческой деятельности и сферы менеджмента, они

направлены на рационализацию целей управления. Большую роль в их разработке играют поведенческие науки за счет их высокого потенциала в структурировании и рационализации деятельности.

2) «Манипуляторные социальные технологии» – создаются по задачи коррекции политической, а иногда управленческой практики. К ним относят популярные ныне PR-технологии, средства ведения информационной войны и информационную пропаганду. Автор объясняет их специфику: «специфика манипуляторных СТ состоит в методах направленного, прямого и фокусированного информационного воздействия на людей (избирателей, потенциальных клиентов, работников организации) с целью изменения их восприятия реальности и модификации их поведения в интересах заказчиков (политиков, бизнесменов, управленцев). Объектом воздействия являются люди, степень изменения их поведения в заданном направлении».

3) «Квазитехнологии используемые в социальной практике» – представляют собой «совокупность правил и предписаний, регулирующих, стандартизирующих, формализующих и унифицирующих социальные отношения». К ним относятся легитимированные, юридические и административные институционализированные механизмы (законы, нормы, правила, традиции) регулирования поведения или деятельности людей.

Среди рассмотренных классификаций на наш взгляд наиболее полными выглядят классификации Л. П. Кузнецовой и А. Я. Маргуляна. В совокупности они покрывают практически все возможные аспекты социальных технологий, а также предлагают точные критерии оценки каждого из предложенных типов/видов (например, масштабность, время действия, сферы деятельности). И если на такую классифицирующую сетку можно наложить практически любую современную социальную технологию, поскольку ни одна из последних не обходится без перечисленных авторами оснований, то классификация В. В. Щербины не может похвастаться такой особенностью (например, сложно классифицировать социальные технологии в области педагогики и воспитания). Кроме того, классификация Щербины, является частным случаем

классификации более абстрактного уровня (в данном случае, классификации сферы деятельности – управление людьми). У других же авторов основания для классификации во многом схожи с выбранной нами, и лишь в редких случаях немного ее дополняют (например, у И. Е. Холостовой дается классификация по объекту воздействия, у П. В. Макаренко – по видам человеческой деятельности и т.д.).

Необходимость использования и разработки социальных технологий в современном мире вызвана несколькими факторами. Во-первых, это постоянное интегральное увеличение многообразия социальной жизни, социальных процессов, связей и социальной деятельности. Во-вторых, это стремительный рост жизненных темпов, когда НТП и передовые технологии направленные на такие положения как мгновенность, мобильность, сверхвысокие скорости (сфера коммуникаций, сфера общественного производства, коммерческая деятельность), интуитивность и примитивность (программное обеспечение, терминалы обслуживания, технические средства), распространенность и доступность (телефония, сетевые коммуникации, открытый доступ) естественным образом создают трудности и барьеры для неподготовленных людей (ситуация, когда общественное развитие опережает процесс восприятия), то социальные технологии должны решить эту проблему на столь же эффективном/передовом уровне. В-третьих, процесс глобализации, который в последнее время проявляется наиболее активно, порождает новые культурные и социальные формы (глобальная политика, глобальная экономика, глобальные нормы и стандарты поведения, глобальный/единый язык и т.д.), которые также нуждаются в соответствующих социальных технологиях, приводящих «мировой хаос» к оптимально организованной структуре.

Разобравшись с сущностью социальных технологий, классификацией и их исторической необходимостью мы переходим к основной теме данного параграфа – технологиям управления социальными конфликтами. Эта отдельная категория социальных технологий призвана решать проблемы, связанные с социальными противоречиями, объектом таких технологий

являются люди (участники конфликтов), а целью – снятие социальной напряженности и предотвращение деструктивных последствий социальных конфликтов. Согласно принятой нами классификации, технологии разрешения социальных конфликтов выделяются по характеру решаемых задач («технологии разрешения социальных противоречий и конфликтов» у Кузнецовой), а также по объекту воздействия, в роли которого, как мы уже заметили, выступают люди и их поведение.

У многих авторов подход к определению технологий управления конфликтами, их особенностей и структуры существенно отличается, поэтому целесообразным будет рассмотреть несколько подходов и выделить среди них наиболее подходящий для нашего исследования. Перед началом позволим себе небольшое замечание: понятия «управление», «разрешение», «регулирование» конфликтов часто выступают как синонимы, а в отдельных концепциях они имеют иерархическую связь, поэтому дабы избежать дальнейшей путаницы смыслов, мы будем вести речь о социальных технологиях, как комплексных мероприятий по устранению социальных конфликтов из общественной жизни.

Макаренко П.В. социальные технология управления конфликтами делит на две группы: универсальные технологии предотвращения и разрешения социальных конфликтов и специальные, частные технологии разрешения конфликтов. Обе группы, по сути, представляют собой систему методов ослабления и прекращения социального конфликта. Условно, эти методы можно разделить на регулятивные (метод альтернативного разделения сторон, метод соучастия, метод сближения сторон, метод «общего врага», метод разделения объекта спора, метод убеждения сторон в общей выгоде) и консультативные, действующие более лояльно и, как правило, в одностороннем порядке (метод отключения внимания, метод антипатии к чужим мыслям, метод «выпускания пара», метод символических и эмоциональных жестов). Макаренко подчеркивает, что, несмотря на разнообразие методов «общая стратегия ослабления и прекращения конфликта - это сотрудничество» [95, с. 43].

Лукин Ю. Ф. рассматривает технологии управления конфликтом в сфере менеджмента и образования. Помимо непосредственного разрешения конфликта, эти технологии служат для активизации его позитивных функций, в сфере менеджмента – это инновационное развитие организации. Субъектами управления конфликтов в авторской концепции выступают три стороны: активные участники-антагонисты, косвенные участники, имеющие свои интересы и «третья сторона», посредник или медиатор. Руководитель организации, имеющий наибольшие властные полномочия, может выступать в качестве противоборствующих сторон или посредника, но не может являться участником-наблюдателем.

Управление конфликтом, по мнению Лукина, представляет собой управленческую деятельность, осуществляемую на всех стадиях конфликта. Она реализуется в трех основных направлениях: анализ, предупреждение (профилактику) и разрешение конфликтов. На этапе анализа производится сбор информации и оценка возникшей ситуации и конфликтных факторов, выясняются причины возникновения конфликта, делается прогноз его динамики. Среди практических методов анализа конфликта отметим: социологический опрос, производимый в нескольких формах (анкетирование, личное и групповое интервью, телефонные и интерактивные опросы); групповая беседа; анализ документов; личные встречи с руководством. Полученные данные используются на следующем этапе – предупреждения конфликта. Профилактика заключается в создании оптимальных условий для участников конфликта, проводится планирование, организация и контроль управленческих решений. На данном этапе часто применяются психолого-коммуникационные технологии, призванные воздействовать на поведение людей и их отношения. Заключительным этапом является конструктивное разрешение конфликта. Оно предполагает использование государственных законов, нормативных механизмов, легитимных, правовых способов урегулирования конфликтов, привлечение действующих общественных институтов и различных инструментов внутреннего менеджмента. В рамках

разрешения конфликта ведется деятельность по реструктурированию конфликта, проведению организационных изменений, перераспределению ресурсов и антикризисному управлению. Для разрешения конфликтов применяются арбитраж, посредничество, смешанные способы, двухколейный подход и консенсус.

Среди прочих методов разрешения конфликта Лукин также приводит: переговоры, проведение организационных изменений, неформальные методов разрешения конфликтов, применение определенных стратегий поведения. Целью последнего этапа является достижение полного прекращения конфликтных действий всех противоборствующих сторон. Отдельно следует отметить технологии разрешения конфликтов в сфере образования и связанной с ней – семейно-бытовых отношений. Как отмечает Лукин, наиболее действенными здесь являются методы профилактики, построенные на применении консультирования и деятельности по повышению уровня конфликтологической, поведенческой и правовой грамотности субъектов (с одной стороны сотрудников образовательных учреждений, педагогов, социальных работников, руководителей и детей, школьников, студентов – с другой) [93].

Емельянов С. М. технологии управления конфликтами делит на внутренние (изменение внутренних установок и поведения участниками) и внешние отражающие организационно-технологические стороны процесса управления с привлечением субъекта в виде руководителя, посредника, медиатора. Саму деятельность по управлению конфликтом автор определяет как «целенаправленное, обусловленное объективными законами воздействие на его (конфликта) динамику в интересах развития или разрушения той социальной системы, к которой имеет отношение данный конфликт» [60, с. 31]. Здесь же поясняется, что рассматриваемые технологии имеют своей целью предотвращение деструктивных конфликтов и способствование адекватному разрешению конструктивных (такое деление конфликтов основано на критерии воздействия на социальную систему: развитие – конструктив и разрушение –

деструктив). Итак, технологии управления конфликтами по Емельянову включают:

- Прогнозирование конфликтов и оценка их функциональной направленности;
- Предупреждение или стимулирование конфликта;
- Регулирование конфликта;
- Разрешение конфликта.

Деятельность на стадии прогнозирования конфликта направлена на определение причин возникновения конфликта и характер его потенциального развития. Субъектом управления исследуются условия и факторы взаимодействия между потенциальными участниками конфликта, их индивидуально-психологические особенности. К факторам, влияющим на конфликтогенез, автор относит: уровень социальной напряженности, социально-психологический климат, модели поведения и др.

Предупреждение конфликта (предотвращение/недопущение его возникновения) представляет собой активную деятельность по нейтрализации комплекса детерминирующих факторов конфликта, установленных на этапе прогнозирования. Наряду с вынужденными мерами проводятся меры превентивные, заключающиеся в создании организованной социальной среды, а также комфортных условий жизни и деятельности людей.

Стимулирование конфликта заключается в направленной провокации, вызове конфликта. Как замечает автор, данный метод оправдан по отношению к конструктивным конфликтам. К средствам стимулирования относятся: публичное обсуждение имеющихся проблем на совещаниях, семинарах, собраниях; критика позиций отдельных субъектов; информирование субъектов о имеющихся противоречиях и разногласиях социальной среды и т.д. Такой искусственно спровоцированный конфликт должен быть урегулирован наиболее рациональным, конструктивным образом по запланированной ранее стратегии.

Регулирование конфликта, определяемое как «вид деятельности субъекта управления, направленный на ослабление и ограничение конфликта, обеспечение его развития в сторону разрешения», является сложным по своей структуре процессом и включает в себя несколько этапов [60, с. 32]:

- I. Признание реальности конфликта конфликтующими сторонами.
- II. Легитимизация конфликта, то есть достижение соглашения между конфликтующими сторонами по признанию и соблюдению установленных норм и правил конфликтного взаимодействия.
- III. Институционализация конфликта, то есть создание соответствующих органов, рабочих групп по регулированию конфликтного взаимодействия.

Последней, среди приведенных автором технологий, является разрешение конфликта – управленческая деятельность по переводу конфликта в его завершающую стадию. Емельянов выделяет полное и неполное разрешение конфликта. Первое достигается при устранении всех причин конфликта и его предмета. Неполное, соответственно, если часть противоречий сохраняется. У технологии разрешения конфликта также существует несколько форм и способов. К формам относятся: уничтожение или полное подчинение одной из сторон (уступка); согласование интересов и позиций конфликтующих сторон на новой основе (компромисс, консенсус); взаимное примирение конфликтующих сторон (уход); перевод борьбы в русло сотрудничества по совместному преодолению противоречий (сотрудничество). Среди способов разрешения конфликта отмечены: административный (увольнение, перевод на другую работу, решение суда и т. п.) и педагогический (беседа, убеждение, просьба, разъяснение и т. п.).

Касательно стратегии управления конфликтом, у Емельянова отдельно стоит отметить два выделяемых по принципу информационного воздействия подхода управления конфликтом: манипуляция и влияние. Так при первом подходе не учитываются интересы объекта воздействия, часть информации от него утаивается. Влияние же действует более демократично, предоставляя всю информацию объекту, здесь учитываются его интересы, а результат достигается

за счет осмысленных конструктивных решений субъекта (объекту предоставляется свобода выбора) [60].

Дмитриев А. В. технологии управления социальными конфликтами делит на две категории: технологии предупреждения конфликтов и технологии разрешение и ослабления конфликтов. Под предупреждением конфликта понимается преднамеренное воздействие (вмешательство) на все или некоторые его элементы до возникновения открытого противостояния (на латентной стадии) с целью его предотвращения. Предупреждение конфликта, может быть представлено в различных формах, основными среди которых являются:

- Устранение причин конфликта. Является наиболее эффективной формой предупреждения конфликта. Данная деятельность представляет собой комплекс мер по поиску и анализу причин, конфликтогенных, дезорганизующих социальную систему, факторов (экономические кризисы, демаркация и поляризация уровня и качества жизни крупных слоев населения, недовольство народа властью, неорганизованность общественных систем и т.д.) и политику, затрагивающую целевые сферы и направленную на их легитимное регулирование (укрепление правопорядка, повышения уровня культуры населения, изменение ценностных ориентаций населения в направлении повышения уважения к личности и государству, а так же становление таких демократических основ, как толерантность, плюрализм мнений и гласность).

- Поддержка сотрудничества и развитие социального партнерства. Деятельность, направленная на установление и укрепление конструктивного сотрудничества между потенциальными участниками конфликта, а также на гармонизацию их интересов. Она включает в себя ряд методов, кратко опишем некоторые из них: согласие – привлечение возможных противников к совместной деятельности; практическая эмпатия – развитие сочувствия к партнеру; сохранение репутации партнера; взаимное дополнение партнеров – развитие дополняющих качеств и черт у предполагаемых соперников; исключение социальной дискриминации; установление общих целей и

интересов и др. Говоря об этой форме предупреждения конфликта, автор приводит примеры из сферы социально-трудовых отношений и подчеркивает особую важность социальной ориентации рыночной экономики для эффективного ведения подобной деятельности.

- Институционализация отношений и обеспечение нормативных механизмов. Это деятельность по созданию и последующему контролю за соблюдением постоянных или временных форм взаимодействия сторон, норм и правил общественного поведения, которые препятствуют возникновению конфликта и помогают решать спорные вопросы. Для ее осуществления обычно привлекаются различные социальные институты, правоохранительные и юридические органы, действующие на более высоком, чем межличностные отношения, арбитражном уровне. Помимо очевидных юридических норм, автор приводит нормы общественной морали, нормы нравственности, религиозные и политические нормы. Нормативный контроль проводится методами: формализации, локализации, индивидуализации, информации, выгодного контраста, а также некоторыми неформальными методами.

Технологии разрешения и ослабления конфликтов, представленные в работе Дмитриева, достаточно сложно классифицировать по отдельным признакам. Условно разделим их по таким основаниям как: сфера применения, и способ регулирования или ослабления конфликта.

Технологии разрешения и ослабления конфликта у Дмитриева представлены в сферах: политических конфликтов, международных конфликтов и коллективных трудовых конфликтов. Приведем их основные положения.

- При разрешении политических конфликтов главным легитимным средством является конституция. Действующая в русле либеральной демократии, она существенно снижает напряженность между различными слоями населения. Среди прочих средства отмечаются: механизм референдумов и народных выборов, указы и приказы исполнительной власти, решения парламента.

- Решение международных конфликтов считается самым сложным направлением конфликтологической деятельности. Это обусловлено, во-первых, тем, что исторически подобные конфликты преимущественно решались насильственными способами, что противоречит принципам гуманизма и здравого смысла в целом. Во-вторых, в такие конфликты, как правило, включены несколько групп интересов (этнические, национальные, коммерческие и т.д.). К современным подходам решения международных конфликтов относят традиционный – разрешение противоречий, лежащих в основе конфликта и мирозидание – наиболее перспективный подход последних лет, направленный на глобальное миротворчество, поиск объединяющих начал, взаимных интересов, создание регулирующих институциональных органов, норм международного права, а также на ограничение вооруженных противостояний между государствами.

- Для решения этнических конфликтов действенны следующие меры: распространение идей западной демократии на все регионы мира; создание международного легитимного механизма вмешательства для регулирования вооруженных этнических конфликтов; пересмотр принципов международных отношений в плане государственной автономии внутренних этнических противоречий; создать условия, при которых возникающие суверенные государства имели бы возможность вхождения в международные организации (ООН, ЕС и т.д.). На местном уровне для управления этническими конфликтами конструктивными являются классические методы: устранение предмета конфликта, институциональные и инструментальные подходы, устранение дискриминации и привлечение третейского судьи.

- Разрешение коллективных трудовых конфликтов делят на два уровня: макроуровень и микроуровень. На макроуровне наиболее действенны механизмы институционализации поддерживающие социально-трудовую сферу в стабильном состоянии за счет применения реактивных процедурных механизмов регулирования споров. К таким механизмам относятся различные правоохранительные органы, профессиональные комитеты, и

предпринимательские организации. На микроуровне наиболее эффективен метод переговоров, целью которого является достижение согласия сторон и дальнейшее плодотворное сотрудничество.

По способу регулирования и ослабления Дмитриев выделяет технологии консенсуса и компромисса.

Консенсус (согласие) – допустимое для обеих сторон конфликта решение, сознательно выработанное всеми его участниками. Применение данного подхода оправдано в случаях, когда: предмет спора сложен; интересы сторон имеют высокую значимость; обе стороны готовы к поиску консенсуса; имеется достаточно времени для поиска альтернатив; заинтересованность сторон в долгосрочном разрешении конфликта. Основной целью консенсуса, по мнению автора, является «не только минимизация потерь, но и максимально увеличение общей выгоды для противоборствующих сторон». Для достижения консенсуса могут быть использованы следующие практические методы: переговоры, переговоры с применением арбитража и третейский суд. В первом случае стороны ведут непосредственный диалог, во втором – их диалог контролируется и регулируется третьей незаинтересованной стороной, в случае третейского суда решение конфликта полностью возлагается на третью уполномоченную сторону.

Технология компромисса ориентирована на решение проблемы совместными усилиями сторон и основана на возможности каждой пойти на уступки. В отличие от консенсуса, компромисс не является окончательным разрешением противоречия, а лишь временной мерой. Его применение обосновано в случаях, когда решение проблемы необходимо немедленно и другие технологии не эффективны [55].

Классификация технологий управления социальным конфликтом по научным направлениям представлена у А. А. Путиловского. Согласно ей, выделяется три основных направления: психологическое, юридическое и конфликтологическое. Первое фокусируется на исследовании и разрешении внутриличностных проблем участников, что в последующем оказывает влияние

на ситуацию в целом. Юридическое направление использует инструменты закона и различных областей права, разрешая конфликты процедурным легитимным способом. Конфликтологические технологии управления конфликтами работают с областью интересов сторон и пытаются разрешить противоречия через достижение согласия между всеми участниками. Ниже описаны практические методы каждого из направлений [123].

- Юридические технологии: суд, арбитраж (третейский суд), конституционные процедуры;
- Психологические технологии: психологическое консультирование, психотерапия, психологическое посредничество, семейно-системные расстановки, психодрама и др.
- Конфликтологические технологии: переговоры, конфликтологическое консультирование, медиация, конфликтологическая экспертиза.

В целом, проблема разрешения конфликтов, как одна из самых обсуждаемых научным сообществом, в методологическом аспекте нашла отражение в работах еще многих специалистов и классиков конфликтологической мысли (Р. Дарендорф, Л. Козер, Дж.Бертон, К.Томас, К. Митчел, Дж. Рубин, Й. Галтунг, Р. Фишер, У. Юри, Ф. М. Бородкин, Н. М. Коряк, М. М. Лебедева, А. Я. Здравомыслов, В. А. Ядов, Е. И Степанов, А. К. Зайцев, В. Н. Кудрявцева, К. Боулдинг, К. Левин, К. Юнг, Н. В. Гришина и др.). И хотя используемые авторами подходы могут различаться из-за специфики их профессиональной деятельности и научной направленности (социологические, психологические, управленческие школы), все они солидарны во мнении, что конфликтами необходимо управлять и наиболее конструктивными методами являются ненасильственные, направленные на поиск компромиссов или полного взаимного согласия (консенсуса). Приводимые практические методы управления конфликтом во многом совпадают (среди наиболее известных: метод устранения причин и предмета конфликта, методы переговоров, арбитраж, институциональное регулирование, социопсихологическая профилактика и т.д.).

Проводя сравнительный анализ описанных в параграфе подходов, отметим, что наиболее близкое нам понимание технологий управления конфликтов представлено у С. М. Емельянова. В первую очередь, его концепция глубоко отображает структуру заявленных социальных технологий, есть четкое понимание управления социальным конфликтам как комплексной деятельности, имеющей последовательные стадии, а не как набора рецептурных действий (например, у Макаренко). Во-вторых, она лишена некоторых недостатков, присутствующих в точках зрения других авторов, а именно неточность классификации технологий управления (у А. В. Дмитриева и А. А. Путиловского приводятся классификации по сфере применения и научным направлениям, что является не принципиальным, поскольку применяемые в разных типах технологий методы часто повторяются). Основательной у С. М. Емельянова также видится предложенная типизация технологий управления на внутренние и внешние, что, безусловно, является принципиальным, так как отображает логику воздействия на конфликтную ситуацию (разрешение самобытное или с помощью внешнего воздействия). Ну и, конечно же, ценна мысль о способах внешнего воздействия (поскольку именно такое воздействие представляет наибольший простор для деятельности конфликтолога), выраженных в двух ипостасях: манипуляции и влияния. Особенно такая классификация актуальна в плоскости информационных войн и современного информационно-психологического воздействия.

3.2. Требования к современной технологии управления социальным конфликтом

Как известно, большинство технологий управления социальным конфликтом было разработано еще в начале второй половины XX века. Затем многие подходы неоднократно подвергались обоснованной корректировке временем, «шлифовке» процедурных компонентов, расширению предметных областей и обретали свою уникальную специфику. Современный подход также нуждается в уточнениях и дополнениях, и в первую очередь это связано с

аспектом информационного развития социальной системы – ощущается серьезный пробел в данном направлении. Поскольку мы условились, что трансформация общества происходит во всех его сферах и этот процесс имеет стихийный, стремительный, необратимый по своей сути характер, мы вправе говорить о новом парадигмальном этапе развития гуманитарного знания. И, исходя из специфики новой социальной реальности, мы формируем критерии разработки или требования к социальным технологиям, как основному способу применения этого знания.

Переходя к теме параграфа, отметим, что потенциальных требований к современным технологиям управления социальным конфликтом может быть огромное множество, и чтобы как-то отграничить область поиска, мы используем классификацию этих требований по нескольким основаниям.

1. По степени применения. Здесь мы подразумеваем требования универсальные и специфические. Универсальные требования имеют наиболее общий, абстрактный характер, они не учитывают ситуативные факторы, такие как область социальных отношений, в которых происходят конфликты (область трудовых отношений, политики, межличностных взаимодействий и т.д.), масштаб конфликта (локальный, региональный, государственный, международный), его свойства (уровень насилия, динамичность, продолжительность и др.). Их задача обеспечить соблюдение некой общей стратегии конфликтного регулирования, основанной на базовой логике конфликта. Специфические требования напротив, учитывают частные особенности социального конфликта, они отличаются высокой степенью детализации процесса управления и применением специальных знаний.

Основным, и вероятно единственно возможным, универсальным требованием к технологии управления социальными конфликтами является созидательность. То есть, целью такой технологии должно быть конструктивное разрешение противоречия и аккумуляция позитивных по отношению к социальной системе функций конфликта.

Специфические требования к технологиям управления конфликтом определяются критерием специфики конкретной ситуации. Рассматривать их все не имеет смысла, поскольку частных задач, учитывающих ситуативные ограничения и факторы, при регулировании различных типов социальных конфликтов огромное множество. Для примера возьмем ситуацию с террористическим актом, в которой участниками конфликта с одной стороны является его инициатор – террорист, с другой стороны – служба полиции и правоохранительные органы. Очевидно, что если имеет место угроза жизни для гражданского населения, то применять радикальные меры (такие как подавление, игнорирование требований, отстаивание своих позиций в ущерб ситуации, открытое сопротивление, применение санкций и т.д.) не всегда оправдано, поэтому говоря о создании технологии управления таким конфликтом, мы должны учитывать эти факторы риска. Скажем, уделять больше внимания психологическому аспекту воздействия, грамотно применять такие приемы как дезинформирование, манипуляцию (с целью выиграть время, например), психологическое давление, а также ряд коммуникативных технологий. Таким образом, составление специфических требований к технологии управления социальным конфликтом это сложная, требующая глубоких знаний проблемной области, методическая задача, решаемая на этапе создания конкретной конфликтологической практики.

2. По степени допустимости. Известное выражение «В бою все методы хороши» иронично подчеркивает суть данной группы требований. Основной вопрос, на который отвечают требования допустимости звучит так: «При управлении конфликтом, какие ограничения могут быть наложены на деятельность управляющего субъекта?». Какими принципами мы можем руководствоваться при ответе на данный вопрос? Во-первых, это конечно принцип гуманизма. Как одна из основ разработки, пожалуй, любых социальных технологий, гуманистическая направленность обуславливает этическую и демократическую специфику последних. Сам смысл социальной технологии с точки зрения морали – это обеспечение благополучия и свободы

человека путем преобразования социальной действительности. А в области социальных технологий управления конфликтами этот смысл представлен еще более явным образом. Представим себе, какими были бы эти технологии, не имея гуманистической ориентированности. Так, семейные конфликты бы регулировались наиболее драматичным образом – через распад семьи и лишение родителей права опеки. В меру своей импульсивности участники конфликта (супруги) могли бы даже не осознавать последствий такого решения, причиняя страдания себе и своим близким. Скорее всего, внутригосударственные и трудовые конфликты решались бы подобным «холодным» образом: любые народные недовольства подавлялись бы силовыми структурами государственной власти, а все забастовки и протесты на предприятиях решались бы в пользу руководства, так как оно является доминирующей стороной в данной ситуации. Гораздо серьезнее дело обстоит с военными, вооруженными конфликтами – количеству жертв (в том числе и мирного населения) не было бы предела.

Исходя из изложенного выше отметим, что основные гуманистические требования к современной технологии управления социальным конфликтом следующие:

- Разрабатываемая технология результатом своей деятельности не должна ограничивать демократические свободы объекта воздействия;
- Она должна быть построена на принципах: толерантности, терпимости и уважения к человеческой личности;
- Человеческая жизнь должна выступать основной ценностью независимо от прикладной цели технологии;
- Любая управленческая деятельность в рамках разрабатываемой технологии не должна противоречить нормам общественной морали и нравственности;
- (Необязательно, но желательное требование) применения принципа альтруизма при создании социальной технологии.

3. По степени институциональности. Эта группа требований отвечает за использование средств общественных институтов при создании социальной технологии. Сюда входят юридические, легитимные требования, требования государственной безопасности, требования институтов науки и социального производства. В наиболее общем виде, создаваемая технология должна соответствовать требованиям законности по своему применению и научности (приветствуется междисциплинарность) по своему содержанию. Также требования институциональности оформляют и закрепляют этимологическую, смысловую составляющую технологии, позволяя говорить о ее объективности.

4. По степени стандартизации. Требования к соблюдению определенных общественных стандартов, исполнительных процедур, общепринятых форматов и традиции. Смысл этих требований заключается в обеспечении тиражирования создаваемой технологии, создании образца, шаблона, который может быть применен неоднократно. Сюда же относятся требования по формализации, то есть обеспечивающие представление структуры социальной технологии на формальном языке, в рамках положенных норм и правил. Большую роль при составлении данных требований играет наука лингвистика (в особенности ее разделы: нормативный и семантический). Таким образом, необходимый минимум требований по рассмотренному критерию заключается в соблюдении языковой нормы, правил и законов логики, структурированности технологии и ее соответствии общепризнанному формату.

5. По степени эффективности. Одна из самых обширных групп требований, ее задача обеспечить максимальную эффективность создаваемой социальной технологии. Группа включает в себя требования результативности, актуальности и адаптивности (гибкости).

- Требования результативности обеспечивают практическую ценность создаваемой технологии, то есть в данном случае, осуществляемая технологией по управлению конфликтом должна иметь конкретный результат, соответствующий ожидаемому. Эти требования работают как на стадии

планирования управленческой деятельности, так и на стадии оценки её последствий. Результат выступает в качестве критерия эффективности технологии – чем больше полученный результат соответствует ожидаемой цели, тем выше эффективность, и наоборот. Требование результативности важно еще по причине своей ценности в эмпирических исследованиях и ведении статистики, результат нагляден, он может быть измерен количественными и качественными методами оценки. В зависимости от типа конфликта требования к результату технологии управления могут быть выдвинуты по-разному. Помимо глобальной цели (достижения согласия сторон) у технологии управления конфликтом существуют также цели второстепенные (формирование новых социальных связей, организация социальной системы, увеличение экономических показателей, увеличение политического влияния и т.д.), исходя из которых и строятся требования результативности.

- Требования актуальности и адаптивности. Выполняя похожие функции, эти требования контролируют соответствие создаваемой технологии конкретным историческим условиям и факторам социальной реальности, а также способность технологии подстраиваться под их динамику. Очевидно, что наиболее актуальная и гибкая технология представляет большую ценность для общественной практики, поскольку, во-первых, технология может быть применена немедленно, и во-вторых: нет необходимости ее регулярной доработки, до тех пор пока не произойдут действительно революционные изменения в социальных механизмах или применяемых научных методах. Чтобы составить требования актуальности и адаптивности необходимо проанализировать текущие факторы общественной системы и сделать прогноз относительно их динамики.

Часть такой работы была проделана нами при анализе современных тенденций общественного развития, доминирующей среди которых является информатизация. Создаваемая технология управления социальным конфликтом должна учитывать влияние информатизации на общество и эффективно

использовать её инструментальные средства в своих целях. В частности, технология должна обеспечивать управление новыми типами конфликтов, к которым, в первую очередь, относятся информационные конфликты в глобальной сети и информационные войны. Применение современных коммуникационных и вычислительных средств компьютерной техники в управленческой деятельности также является требованием актуальности (и требованием эффективности в какой-то мере). Ведь пренебрегать подобной возможностью, используя для сбора данных, скажем, метод локального опроса вместо интернет-опроса, видится крайне нерациональным, а иногда и вовсе негативным. Требования адаптивности заключаются в обеспечении возможности технологии работать в изменяющихся условиях социума, к которым, как мы установили, относятся расширяющееся глобальное информационное пространство, находящаяся в стадии своего становления глобальная информационная культура и развивающаяся глобальная информационная экономика, сюда же можно отнести геополитику, как одну из современных и активно меняющихся общественных тенденций.

Подводя итог параграфа, мы надеемся, что изложенные выше требования достаточно детально, всесторонне раскрывают сущность современной технологии управления конфликтом, и их главная ценность заключается в создании отправной точки для соответствующего технологического проектирования.

3.3. Перспективы развития технологии управления социальными конфликтами

Приоритет развития конфликтологии, как в общем-то и других отраслей гуманитарного знания, в наши дни установлен по направлениям междисциплинарной и научного плюрализма. При разработке концептуальных подходов и моделей регулирования конфликта, исследователь опирается на общенаучные и частные методы, такие как: философский анализ, диалектический метод, системный подход, моделирование, социальное

проектирование, социальная диагностика, эксперимент, статистические методы и др. При таком имеющемся методологическом разнообразии достаточно сложно сказать, какой подход является наиболее эффективным или хотя бы доминирующим в идеях научного сообщества. А задача определения перспектив развития соответствующей области кажется и вовсе невыполнимой. На наш взгляд, единственным руководящим принципом в данной ситуации может выступать принцип личных предпочтений, или, говоря иначе, определенный образ мысли, находящий отклик в идеях других авторов. Поэтому для определения перспективы развития технологии управления социальным конфликтом мы продолжим следовать нашим убеждениям, выраженным в виде списка требований из предыдущего параграфа. А именно, путем нахождения соответствий, а иногда и путем корректировки свойств технологии, мы представим одну из возможных моделей управления социальными конфликтами.

Методологической основой в предлагаемой нами модели является синергетический подход в осмыслении социальной реальности. Это во многом обусловлено произошедшим парадигмальным сдвиге мировоззренческих установок, представлении постнеклассической научной картины мира через призму универсального эволюционизма и самоорганизации. Так, большая часть ученых, занимающихся решением общественных проблем, и применением гуманитарного знания для преодоления социальных кризисов сейчас отдает предпочтение междисциплинарному синергетическому подходу. На наш взгляд данный подход является наиболее эффективным для анализа современных реалий постиндустриального общества с его многообразными нелинейными изменениями во всех социальных сферах. Ведь методологическая ценность синергетики как раз заключается в исследовании нелинейных, нестабильных, неравновесных, сложных открытых эволюционных систем, какой, безусловно, является и социальная.

Перед описанием нашей модели управления социальными конфликтами важно определить категориальный аппарат синергетического подхода,

определения, термины и методологические закономерности с которыми нам придется работать. Степень разработанности проблемы применения синергетики к социальным процессам весьма высока. В ее основе лежат идеи И. Пригожина, И. Стенгерса и Г. Хакена, которые концептуально оформили синергетику как способ познания нелинейных открытых систем. Ими же были сделаны первые попытки применения синергетического подхода к социальным процессам. Произведя своего рода революцию в научном знании, изначально естественнонаучный категориальный аппарат синергетики стал распространяться в другие дисциплины, в том числе и гуманитарные. Претерпев существенные изменения и упрощения, он уже не может похвастаться такими же глубокими методико-теоретическими формами как в естественных науках (эволюционной химии, термодинамике, математике, биофизике и т.д.), однако все еще является достаточно мощным инструментом для описания социальной структуры и её процессов. Наиболее проработанные в этом плане концепции принадлежат Н. Н. Моисееву, С. П. Капице, В.С. Степину (общество как саморазвивающаяся динамическая система, взаимоотношения «человека и природы»), Г.Г. Малинецкому, Л.Карлсону (синергетический детерминизм исторического развития цивилизаций, процессуальность социальной структуры), Г.Сабелли, О.Н. Астафьевой, В.К. Егорову (синергетический подход в исследовании культуры), а также В.С. Карпичеву, В.Л. Романову, Н.Г. Савичевой, В.П. Шалаеву, В.П. Бранскому, К.Х. Делокарову, Е.Н. Князевой, Е.Я. Режабек (исследования социальных процессов в рамках синергетической парадигмы) и другим [109, 122, 14, 152].

Применительно к общественной системе, синергетический подход выражается в исследовании общих закономерностей социальной самоорганизации или соотношения социального порядка (организованной устойчивой структуры) и хаоса. Самоорганизация обеспечивается наличием внутреннего, противопоставленного некой внешней детерминанте, импульса системы, позволяющего ей развиваться, то есть менять свои состояния. Одной из основ синергетики является понятие бифуркации – периода выбора системой

одного из потенциально возможных состояний. Данный процесс является хаотическим, нелинейным, поэтому говорят о новом виде детерминизма – стохастическом (вероятностном) детерминизме. То есть формирование социальной реальности и ее историческое развитие происходит не по заранее определенному пути, а является своего рода цепочкой бифуркаций или актов выбора случайных состояний системы. Устойчивое состояние системы в результате процесса самоорганизации называется аттрактором, то есть состоянием, в котором ее элементы находятся в упорядоченном виде. Таким образом, самоорганизация системы представляет собой процесс чередования состояний хаоса (распад системы в точке бифуркации) и порядка (нахождение аттрактора) [23, 10].

Чем же обуславливается применение синергетического подхода к теории управления социальными конфликтами? Дело в том, что социальный конфликт может быть представлен как внутренний процесс перехода социальной системы в новое состояние. Противоречие здесь есть бифуркация, обусловленная наличием конкурирующих между собой потенциальных путей развития системы, на частном уровне выраженных стремлениями её элементов (субъектов конфликта) достичь своей цели. Разрешая противоречие, система переходит в некую новую устойчивую позицию (аттрактор), в которой между субъектами установлено социальное согласие. Хотя новое состояние и достигается по принципу наибольшей вероятности (часто определяемой доминированием одной из сторон конфликта) существует возможность возникновения корректирующих отклонений или, говоря языком синергетики, флуктуаций. Данный факт обуславливает диссипативный характер социальной структуры, а процесс её самоорганизации – как детерминированный хаос. Таким образом, выбор аттрактора зависит не только от внутренних процессов, но и от внешних воздействий на систему. В научной и популярной литературе широко распространен термин «эффект бабочки», описывающий факт того, что невозможно предугадать ход, казалось бы, закономерных ожидаемых событий, поскольку имеют место нелинейные отклонения на его многочисленных этапах.

Современные тенденции глобализации и информатизации, безусловно, являются механизмами генерации хаоса, происходит увеличение количества социальных связей, рост числа информационных потоков, объединение простых структур в более сложные, а также проявляют себя различные факторы согласования темпов социальных процессов и эволюции. Е. Н. Князева оценивает эти процессы как положительные, подчеркивая конструктивную роль хаоса, его творческую силу, выраженную в эволюционных переходах от одной устойчивой системы к другой [76].

Еще одним действенным, применительно к объекту нашего исследования, положением синергетики является свойство фрактальности, в данном случае, социальной системы. Оно заключается в самоподобии и самовоспроизведении социальных объектов и процессов. Структура и внутренние закономерности социальных явлений сохраняются на всех уровнях системы: от частного до глобального. Это полезно иметь в виду при создании социальных технологий, в которых необходимо реализовать принцип переносимости и скейлинга (масштабной инвариантности).

Перед тем как приступить к описанию предлагаемой нами модели, необходимо сделать одно методологическое замечание. Дело в том, что между традиционным подходом к пониманию социальных конфликтов и синергетическим есть принципиальная разница. Классический социальный научный подход подразумевает возможность полного управления социальными процессами, а также возможность планирования и конструирования общественных отношений. А с точки зрения синергетики, социальная система нелинейна, многовариативна и основную роль в регулировании социальных конфликтов играет процесс её самоорганизации или внутреннее стремление к устойчивому состоянию социального порядка. Однако, несмотря на имеющиеся различия, компромисс между двумя подходами может быть найден. Он заключается в свойстве стохастичности социальной системы, а именно в возможности анализа и целенаправленного воздействия на вероятности появления того или иного состояния. Таким образом, основными

инструментами нашей модели управления социальными конфликтами будут выступать проактивные (вероятностное прогнозирование, диагностика) и реактивные (метод обратной связи) методы воздействия на социальную структуру.

Для придания нашим рассуждениям последовательности и структурированности, приведем логическую схему предлагаемой технологии управления социальным конфликтом.

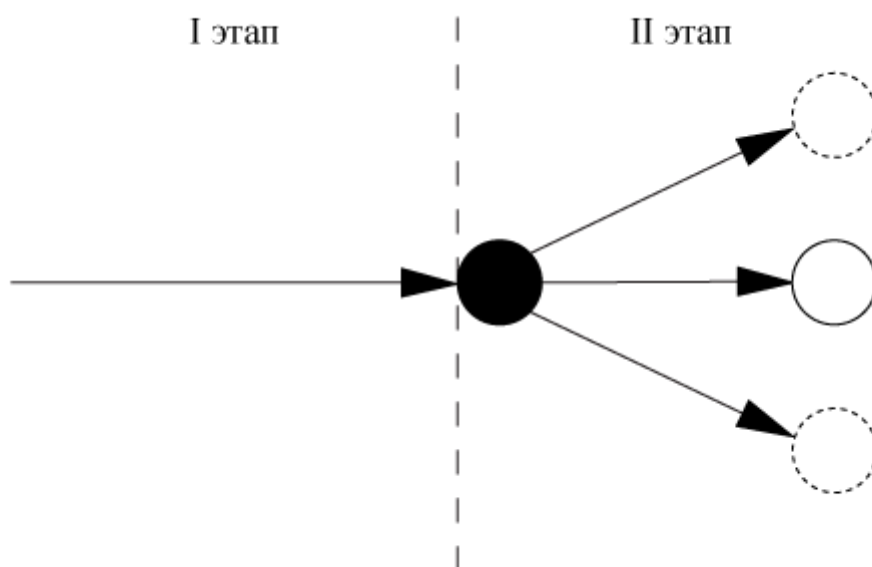

Рис. 1. Схема технологии управления социальными конфликтами

Вся управленческая деятельность разделена на два этапа: оценка текущих конфликтных факторов, определение потенциальной траектории движения системы и внесение в нее коррективов; непосредственное воздействие на уже сложившуюся ситуацию для снижения уровня деструктивных последствий и направления ее в конструктивное русло. Рассмотрим более подробно меры, принимаемые на каждом из этапов.

I. Состояние социальной системы на первом этапе применения технологии может быть достаточно стабильным, и начальная задача субъекта управления – проанализировать условия среды и выявить латентные противоречия (конфликт в зачаточной стадии). Для этой цели применяются методы социального прогнозирования, социальной диагностики и

симптоматики, а также методы социального опроса, анкетирования и конфликтологической профилактики. После подтверждения наличия социальной напряженности, с потенциальными участниками конфликта проводятся частные и групповые встречи, семинары и тренинги, задача которых предупредить конфликт, сформулировать предмет существующих противоречий и помочь субъектам найти компромиссное решение. Эффективным может быть применение методов снятия напряженности по средствам перенесении накопленной агрессии участников с одного объекта на другой, обеспечиваемый институционально (например, спортивные соревнования). Однако нужно иметь в виду, что последние методы не всегда приводят к полному устранению проблемы, а лишь отсрочивают ее активную фазу. Не менее важное значение имеют меры по оптимизации условий социальной среды, смены обстановки, налаживанию микроклимата между участниками социальных отношений, а также реорганизации проблемных групп. Такая профилактическая деятельность способствует уменьшению числа конфликтогенных факторов, а иногда и полному их устранению (например, когда субъекты-антагонисты перестают контактировать или между ними утрачивается предмет разногласий).

В теоретико-методологическом плане, первый этап применения технологии управления конфликтом связан с работой над флуктуациями, а именно с ведением деятельности по их корректировке, в случае деструктивного характера последних, и с деятельностью по формированию искусственных флуктуаций конструктивного характера. По мере накопления социальной напряжённости и роста числа противоречий, система переходит в предбифуркационную стадию, где каждая из флуктуаций увеличивает свою амплитуду и начинает оказывать непосредственное влияние на выбор дальнейшей траекторию развития системы. Именно в этом состоянии применения проактивных мер управления конфликтом имеет максимальную эффективность. Важно понимать, что социальный конфликт, как естественное стремление системы к самоорганизации, может иметь конструктивное ядро

(например, конфликт в основе которого лежит борьба с расовой дискриминацией), тогда, в этом случае, регулированию подлежат лишь некоторые аспекты конфликта, такие как методы борьбы (снижение уровня насилия), устранение полипредметности, снижения уровня агрессии и другие.

II. Второй этап применения технологии управления социальным конфликтом описывает деятельность субъекта управления в момент, когда социальная система находится в точке бифуркации (активная стадия конфликта) и в момент, когда она уже достигла зоны аттрактора (конфликт исчерпан).

Проводимые на втором этапе меры имеют реактивный, регулятивный характер, поскольку система вышла из состояния равновесия (противоречия между участниками конфликта кристаллизовались, перешли в фазу активного противоборства) и возвращение к нему без существенных структурных изменений уже не представляется возможным. Во многом из-за высокой ответственности и необратимости принимаемых решений, второй этап отличается повышенной сложностью. Ведь дальнейшее состояние системы напрямую определяется развитием ситуации на данном этапе, и задача субъекта управления обеспечить наиболее рациональное, конструктивное решение проблемы, чтобы негативные последствия для системы и ее элементов были минимальными (ввиду стохастичности системы, их полное устранение недостижимо). В зависимости от типа конфликта, управление им осуществляется двумя путями: через урегулирование или через устранение. Первый путь применяется в случае наличия конструктивной основы у конфликта, а также соответствии его цели желаемым тенденциям общественного развития. В этом случае, противоречие должно быть разрешено наиболее рациональным и гуманным способом, обязательное условие здесь соблюдения баланса интересов участников конфликта, а желаемая цель – достижение консенсуса. Устранение же конфликта применяется в случае, когда он имеет деструктивную основу и иррационален по своей сути. Тогда

противоречие аннигилируется, то есть разрешается в одностороннем порядке (субъектом управления).

К деятельности второго этапа применения технологии относится:

- Институциональное регулирование, включающее в себя применение юридических, политических и прочих легитимных санкций. Здесь могут использоваться средства юстиции, силы правоохранительных органов, а также применяться полномочий официальных государственных, международных организаций и прочих общественных институтов. В задачу институционального регулирования также входит обеспечение сторон конфликта нормами, правилами, законами и формальными процедурами, а также контроль за их соблюдением в ходе противоборства.

- Психологическое регулирование. Включает в себя методы информационно-психологического воздействия, задача которых изменить в желаемом, конструктивном направлении внутренние установки участников конфликта. Как наиболее сложный метод регулирования, требующий применения знаний из различных областей гуманитарных наук, психологическое регулирование представляет основную перспективу конфликтологической практики. Его потенциал поистине огромен, ведь воздействуя на сознание участников мы работаем с первопричиной конфликта, с тем, что является его основной движущей силой. Главной проблемой данной группы методов является наличие нескольких уровней сознания (индивидуального, группового, массового) и отсутствие универсальных механизмов по работе с ними. Одно из возможных решений данной проблемы видится в развитии коммуникационной сферы, так как она позволит расположить все уровни сознания в одной плоскости (виртуальном пространстве).

- Оценка результатов и проектирование. Последняя группа методов, задача которых стоит в сохранении стабильного состояния системы, анализе последствий конфликта и принятии мер по предотвращению подобных

ситуаций в будущем. Здесь применяются статистические методы, методы оценки, методы социального проектирования и прогнозирования.

В заключение проведем оценку представленной технологии на предмет соответствия заявленным ранее требованиям. Для конкретики, в некоторых случаях, мы будем рассматривать применение предложенной технологии к области информационных войн, так как она, на наш взгляд, является одной из наиболее чувствительных к текущим тенденциям общественного развития. Итак, суть данной оценки представлена в следующих положениях:

1. Согласно нашему первому требованию, предлагаемая технология является универсальной по своей применимости, и ее основная цель заключается в установлении стабильного состояния социальной системы или состояния социального порядка, согласия между ее элементами.

2. В основе разработанной технологии лежит принцип гуманизма, и на каждом из ее этапов проводятся меры по усовершенствованию социальных условий для участников социальных отношений, особое внимание уделяется укреплению демократических свобод и прав человека, защите его интересов и достижению общего благополучия. Обращаясь, к примеру информационных войн, где основным средством является манипуляция сознанием в интересах одной из сторон, предложенная технология противопоставляет ему механизм воздействия, учитывающий мнения и волю субъектов и способствующий осознанию ими своих заблуждений.

3. В ходе технологической деятельности задействовано множество общественных институтов, на каждом этапе применяются знания из разных областей наук, кроме того методологическим основанием технологии является междисциплинарным синергетический подход. Данная технология является стандартизированной по своей сути, поскольку использует общеизвестные научные методы. При регулировании информационных войн в рамках данной технологии предполагается задействование таких структур как правоохранительные законодательные и судебные органы, государственная власть, организации, обеспечивающие национальную и международную

безопасность, сфера геополитики, экономическая сфера, сфера коммуникационного обеспечения, локальные и глобальные сферы культуры, а так различные области гуманитарных и технических наук.

4. Технология отличается высокой эффективностью, реализуя качества результативности, актуальности и адаптивности. Во-первых, достижение поставленного результата (социального порядка) является обязательным и методологически необходимым условием функционирования технологии. Данная технология учитывает современные условия социальной реальности и тенденции общественного развития. По мнению автора, предложенная технология может быть применена к любой конфликтной области, без внесения принципиальных изменений в ее структуру. Например, применительно к информационным войнам, максимальным результатом работы технологии будет достижение глобальной информационной демократии.

Заключение

Проблема социального конфликта волновала умы исследователей на протяжении всей истории философской мысли. Ведь этот феномен, имеющий огромное число воплощений в природе и культурной сфере, занимает одно из центральных мест в происходящих вокруг нас процессов. Как способ развития всего сущего, как способ выхода из состояния кризиса, как способ решения общественных проблем, социальный конфликт «сталкивает лбами» антагонистические сущности, противоположности, разнонаправленные интересы и волю людей, переводя ситуацию на новую, лишенную былых противоречий, ступень.

Целью этой работы, посвященной проблеме социального конфликта, являлся анализ взаимосвязи феномена социального конфликта и современных условий социума, представленных через призму главной тенденции общественного развития XXI века – информатизации. Фундаментом нашего философского анализа с одной стороны являлся обширный опыт теоретических исследований социального конфликта в истории науки, с другой – события, факты, статистические данные и эмпирический опыт очерчивающие проблему социального конфликта во времени. Так, проблема социального конфликта нашла отражения в трудах мыслителей древности, которые впервые сформировали основные представления о его сущности. Развитие теория конфликта получила в Средние века в рамках теологических и общественных наук. Но наиболее глубокие теоретические разработки приходятся на период Нового и Новейшего времени. В первую очередь, это конечно немецкая классическая философия с ее широким аппаратом философских категорий. Огромный вклад был сделан представителями школы марксизма, социал-дарвинизма и структурного функционализма. Максимально предметно и системно в теоретико-методологическом плане социальный конфликт представлен в конфликтологии, науке, основы которой были изложены в трудах Г. Зиммеля, Л. Козера и Р. Дарендорфа.

Изложенный анализ проблемы социального конфликта представлен тремя главами, раскрывающими её отдельные аспекты. Теперь мы суммируем результаты, полученные в каждой из глав и даем целостную характеристику социального конфликта, делая упором на современные социокультурные факторы, представленные, в первую очередь, процессом информатизации общества.

Социальный конфликт понимается нами в двух смыслах – общетеоретическом и структурно-функциональном. В общем смысле социальный конфликт – это крайняя форма противоречия в отношениях между субъектами (отдельными индивидами, локальными группами людей, социальными слоями общества), обусловленная наличием противоположных интересов, взглядов, ценностей, позиций и стремлений. С точки зрения структуры и функций, социальный конфликт является, во-первых, индикатором общественных проблем и кризисов, во-вторых – способом развития социальной системы, позволяющим ей эти кризисы преодолевать. Касательно места конфликта в жизни общества, мы согласны с классиками теории конфликта – социальный конфликт является неизбежным вездесущим состоянием социальной системы. Характер возникновения социального конфликта определяется исходя из положений социальной синергетики как стихийный и стохастически детерминированный.

В рамках диссертационной работы мы решили ряд поставленных теоретических задач и получили следующие результаты.

Во-первых, в ходе проведенного историко-философского анализа были раскрыты истоки социального конфликта в философской мысли. Впервые социальный конфликт был представлен в Древнем Китае в рамках конфуцианского учения как борьба двух противоположных начал всего сущего. Похожая интерпретация феномена была у эллинов, многие мыслители этого периода подчеркивали исключительную важность конфликта в процессах, происходящих в природе и обществе, кроме того сущность конфликта легла в основы древнегреческой диалектики. Продолжая анализ историографии,

достаточно подробно был показан путь формирования теории конфликта, а также продемонстрирована ее эволюция в различные исторические эпохи. Например, в период Средневековья социальный конфликт обрел теологический аспект, в связи с которым наиболее пристальное внимание мыслителей было уделено гуманистической и моральной стороне проблемы. В период Нового времени социальный конфликт считался негативным явлением общественной жизни, а основные причины его возникновения виделись в борьбе за материальные ценности, общественный статус и политическое влияние. Такой «оттенок» сущности социального конфликта, связан с часто происходившими в тот период войнами, а также обострившейся проблемой вездесущего неравенства, которая привела к состоянию крайней поляризации общества. Таким образом, проведенные исследования весьма показательны, они иллюстрируют зависимость феномена социального конфликта от культурных особенностей того или иного периода, ключевых исторических событий, а главное, проблем и кризисов, с которыми сталкивалось человечество на протяжении своего существования.

Из всего множества существующих традиций исследования социальных конфликтов, было выбрано и проанализировано два, на наш взгляд, наиболее разработанных и состоятельных: марксистская теория конфликта и теория социальной стратификации и социальных изменений Р. Дарендорфа и Л. Козера. Исследовав основные работы и методологические модели каждого из представленных направлений, был проведен их сравнительный анализ, в результате которого было доказано доминирование теории социальной стратификации и социальных изменений с точки зрения методологической наполненности, ценности и применимости в современных условиях социума.

Был определен приоритет развития современной конфликтологии, который заключается в применение междисциплинарных подходов и методов, ориентации на научный плюрализм и разработку конфликтологических практик. Также было показано, что большой интерес научного сообщества прикован к тенденциям общественно развития выраженным процессами информатизации и

глобализации. Данные наблюдения во многом способствовали разработке авторской методологической модели управления социальным конфликтом.

Выполняя одну из поставленных задач, была продемонстрирована сущность процесса информатизации как основной современной тенденции общественного развития. Представляя собой комплекс научно-технических и социокультурных направлений общественного прогресса, информатизаций буквально пронизывает все сферы человеческой деятельности. Одним из наиболее значимых результатов этого процесса является формирование глобального информационного пространства Интернета, ставшее возможным благодаря развитию коммуникационной техники и информационных технологий. Последнее, в свою очередь, является одновременно и средством, и средой для возникновения информационных сущностей, являющихся своего рода аналогами привычных для человека индустриальной эпохи вещей. К таким сущностям можно отнести: информационную экономику; информационную политику; информационную развлекательную индустрию, представленную во всем своем многообразии форм; информационный оплачиваемый труд, позволяющий строить карьеру «не выходя из дома»; информационные отношения и информационные семьи, ставшие возможными благодаря развитию социальных сетей и специальных сервисов для подобных целей; информационное/дистанционное образование, представленное широким спектром профессиональных направлений; информационные муниципальные и здравоохранительные порталы, позволяющие гражданам получать консультации по интересующим их вопросам в режиме online; и этот список можно продолжить еще огромным количеством наименований, однако общий смысл всех этих сущностей выражается через емкое понятие «информационной культуры».

Тенденция информатизации общества тесно соотносится с основной темой нашего исследования – социальным конфликтом. В работе показана связь трансформации социальных конфликтов и процесса информатизации, выражающаяся в особом свойстве первого – индикации социальных изменений

и кризисов. Иначе говоря, изменение социальных конфликтов и формирование их новых видов происходит согласно меняющимся условиям социальной жизни, в данном случае, в результате перехода к обществу информационного типа со всеми его вытекающими. Одной из таких качественных трансформаций является феномен информационной войны, новый вид социального конфликта, возникший в условиях информационного общества и представляющий наибольший интерес с точки зрения своего разрушительного потенциала. В данной работе был проведен анализ истории информационных войн, целью которого было выделить сущностные основания информационной войны, а также показать эволюцию этого феномена согласно меняющимся условиям социума. Таким образом, доказано, что сущность информационной войны выражается в информационном противоборстве или конфликте с применением современных коммуникационных технологий и технических средств, целью которого является манипуляция сознанием противника в своих интересах. Эволюционная составляющая явления выражается в развитии коммуникационных средств и коммуникативных технологий, значительно повышающих эффективность информационно-психологического воздействия, выступающего основным инструментом информационной войны.

Главным средством конфликтного регулирования, как в общем-то любой социологической практики, выступает социальная технология. В этой связи была выявлена сущность социальной технологии в общем смысле, показаны ее теоретические истоки, уходящие к трудам К. Поппера, а также продемонстрированы основные современные представления о социальных технологиях и их отдельные классификации. В продолжение анализа, были представлены современные технологии управления социальным конфликтом. Под технологией управления социальным конфликтом автором понимается система знаний о способах организации и оптимизации социальных процессов и социальной деятельности/практики, связанных с социальными противоречиями. Объектом технологии выступают люди (участники конфликтов), а целью – снятие социальной напряженности и предотвращение

деструктивных последствий социальных конфликтов. Исходя из рассмотренных классификаций, выявлены границы современных социальных технологий управления конфликтом, которые в большей степени выражаются в узкой применимости последних лишь в конкретных областях социальных отношений, а также отсутствием методологической целостности или системности представленных знаний. В этой связи автором были представлены требования к современной технологии управления социальным конфликтом, классифицированные по основаниям: применимости, допустимости, институциональности, стандартизации и эффективности. Соблюдение представленных требований в совокупности обеспечивает критерий достаточности и избыточности создаваемой социальной технологии и позволяет избежать тех ограничений, которые испытывают современные технологии управления социальным конфликтом.

Завершающим этапом нашего исследования было определение перспектив развития технологий управления социальными конфликтами. В качестве одной из таких перспектив была представлена технология управления социальными конфликтами на основании методологической модели социальной синергетики. Понимая социум как неравновесную динамическую систему, а социальный конфликт как фактор ее самоорганизации, была предложена логическая схема данной модели. В рамках ее, вся управленческая деятельность разделена на два этапа: профилактика, прогнозирование, социальная диагностика в состоянии зарождения конфликта (регулирование флуктуаций) и непосредственное управление/регулирование конфликтной ситуации в её активной фазе (состоянии системы в точке бифуркации). Поскольку в рамках синергетической концепции социальные конфликты неизбежны и, более того, являются основным механизмом самоорганизации социальной системы, основная цель представленной нами технологии заключается с одной стороны в смягчении условий конфликта в латентной фазе, путем устранения конфликтогенных факторов, с другой – в стабилизации состояния системы вошедшей в фазу

активной борьбы, а также определение наиболее предпочтительного, оптимального пути дальнейшего развития системы.

Учитывая вышесказанное, отметим значительный потенциал аппарата социальной синергетики применимо к области конфликтного регулирования. На наш взгляд, дальнейшее развития конфликтологии должно происходить в тесном соприкосновении с положениями синергетики, и пусть не полностью замещая, но значительно дополняя свою методологическую базу, теория конфликта заиграет новыми красками. Что касается инструментальной базы, конфликтологии, то она уже сейчас значительно пополнилась технологиями, которые принесло нам информационное общество, но говорить о каких-то парадигмальных изменениях в социально-гуманитарном знании, пока рано. Сейчас, в начале информационной эры, мировое сообщество находится на этапе получения первого жизненного опыта в изменившейся реальности, и многие происходящие в информационном обществе процессы и явления еще не могут быть осмыслены в полной мере. Мы, в свою очередь, попытались коснуться проблемы трансформации теории конфликта в реалиях информационного общества, и можем лишь скромно полагать, что наш труд позволяет взглянуть на проблему в новом ракурсе и может являться некой отправной точкой для дальнейших теоретических поисков.

Список литературы

1. Абрамова, П.А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений / П.А. Абрамова // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 6-24.
2. Алексеева, И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества / И. Ю. Алексеева // Информационное общество. – 1999. – № 1, с. 30-35
3. Андреева, Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология / Г.М. Андреева. – М.: Мысль, 1965. – 301 с.
4. Анцупов, А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: Юнити, 2000. – 551 с.
5. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – СПб.: Питер, 2006. – 528 с.
6. Арапова, Н. П. Социально-информациологический подход в теории информационных войн: автореф. дис. кан.пол. наук: 10.01.10 / Н. П. Арапова. – Москва, 2003. – 28 с.
7. Ардашев, П. Н. Эразм Роттердамский / П. Н. Ардашев. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 тт. (82 и 4 тт.). – СПб., 1890–1907.
8. Асмус, В. Ф. Жан-Жак Руссо / В.Ф. Асмус. – М.: Знание, 1962.
9. Асмус, В. Ф. Иммануил Кант / В.Ф. Асмус. – М.: Высшая школа, 2005. – 439 с.
10. Астафьева О.Н. Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы/ О. Н. Астафьева. – М., 2002.
11. Афанасьев, В. Г. Общество: системность, познание, управление / В. Г. Афанасьев, М., 1983.
12. Ахромеева, Т.С. Новый взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах / Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посашков // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 3-15.
13. Ашин, Г.А. Современные теории элиты / Г.А. Ашин. – М., 1985.

14. Бабин, А. И. Ф. Энгельс — выдающийся военный теоретик рабочего класса / А. И. Бабин. – М., 1970.
15. Бекарев, А. М. Выбирая между конфликтом и спором / А.М. Бекарев, А.М. Дорожкин // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. №3. С. 374-379.
16. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл, пер. Ю. В. Никуличева // Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П. С. Гуревича. – М., 1988. – 330 с.
17. Берн, Э. Игры, в которые играют люди / Э. Берн. – Екатеринбург: Литур, 1999. – 576 с.
18. Богомолов, А.С. Античная философия / А.С. Богомолов. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
19. Бондалетов, В.В. Эволюция идей самоорганизации / В.В. Бондалетов // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 132-139.
20. Боргош, Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош. 2-е изд.– М.: Мысль, 1975. – 183 с.
21. Бородкин, В.В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике / В.В. Бородкин. – М.: Наука, 1982. – 255 с.
22. Боулдинг, К. Конфликт и защита: общая теория / К. Боулдинг.– М., 1963. – 227 с.
23. Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории/ В. П. Бранский// Общественные науки и современность. – 1999. –№6. –с. 117-127.
24. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. – М., 1993.
25. Бэкон, Ф. Сочинения: В 2 тт. / Бэкон Ф. Т.2. – М., 1979. – 477 с.
26. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994.
27. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – СПб., 2001.

28. Викторов, А.Ш. Поворот к неравенству в мире как вызов глобальной социологии / А.Ш. Викторов // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 21-29.
29. Владимиров, А.А. Современная Россия: социально-конфликтологическая диагностика / А.А. Владимиров, Л.А. Зеленев, Е.И. Степанов // Конфликтология. 2013. № 1. С. 7-23.
30. Владимиров, А.А. Российская история как поле социальных конфликтов / А.А. Владимиров, Л.А. Зеленев, Е.И. Степанов // Конфликтология. 2015. № 3. С. 32-45.
31. Воат, А. А. Рекламно-информационное пространство и его влияние на формирование массового сознания: социально-философский анализ: автореф. дис. кан. фил. наук: 09.00.11 / А. А. Воат. – Тверь, 2011. – 22 с.
32. Волков, Ю.К. Естественно-исторические предпосылки оппозиции «свой-чужой» на ранних стадиях социогенеза // Философия и общество. 2006. Вып. 3 (44).
33. Волковский, Н. Л. История информационных войн. Часть 1 / Н. Л. Волковский. – СПб.: Полигон, 2003. – 500 с.
34. Волковский, Н. Л. История информационных войн. Часть 2 / Н. Л. Волковский – СПб.: Полигон, 2003. – 736 с.
35. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: В 4 тт. / Г.В.Ф. Гегель. Т. 1. – М., 1968.
36. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
37. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т. Сочинения: В 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
38. Готнога, А.В. Постсоветский марксизм: от паралича к параллаксу // А.В. Готнога // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 116-121.
39. Грамши, А. Наш Маркс. / А. Грамши. Избранные произведения. – М., 1980.
40. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
41. Гроций Г. / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 тт. (82 и 4 тт.). – СПб., 1890–1907.

42. Гумплович, Л. Индивидуум, группа и среда / Л. Гумплович. Т.8. – Минск: Жизнь, 1899. – С. 181-188.
43. Гумплович, Л. Национализм и интернационализм в XIX веке / Л. Гумплович. – СПб., 1906. – 48 с.
44. Гумплович, Л. Общее учение о государстве / Л. Гумплович. – СПб., 1910. – 516 с.
45. Гумплович, Л. Основания социологии / Л. Гумплович // Западно-европейская социология XIX начала XX веков; под ред. В.И.Добренкова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 520 с.
46. Гумплович, Л. Основы социологии / Л. Гумплович. – СПб., 1899. – 360 с.
47. Гумплович, Л. Очерк истории социологии / Л. Гумплович. – СПб., 1899. – 130 с.
48. Гумплович, Л. Социология и политика / Л. Гумплович. – М., 1895. – 122 с.
49. Гумплович, Л. Социологические очерки / Л. Гумплович. – Одесса, 1895. – 68 с.
50. Давлетчина, С.Б. Словарь по конфликтологии / С.Б. Давлетчина. – ВСГТУ, 2005. – 100 с.
51. Данто, А. Ницше как философ / А. Данто; пер. с англ. А. Лавровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 280с.
52. Дарендорф, Р. Классы и классовые конфликты в индустриальном обществе / Р. Дарендорф. – М., 1957.
53. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт: эссе о политике свободы / Р. Дарендорф // Социальный конфликт: современные исследования. Реф. сб. – М., 1991.
54. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. 1994. №5.
55. Дмитриев, А. В. Конфликтология / А. В. Дмитриев. 3-е изд. – М.: Альфа-М, 2009. – 336 с.

56. Дмитриев, А.В. Современная конфликтология в контексте культуры мира / А.В. Дмитриев. – М., 2001. С. 18-24.
57. Добронравова, И.С. Поснеклассическая рациональность и философские основания синергетической методологии / И.С. Добронравова // Поснеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: ИД «Мир», 2009. С. 296-314.
58. Дорожкин, А.М. Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность / А.М. Дорожкин, Н.Е. Григорьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3. С. 150-161.
59. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Знание, 1995. – 629 с.
60. Емельянов С. М. Практикум по конфликтологии/ С. М. Емельянов. –СПб.: Питер, 2009. – 69 с.
61. Ермолаев, С. Разруха в академических головах. Почему капиталистическое общество не может быть постиндустриальным // Скепсис. Научно-просветительский журнал[Электронный ресурс]. –Режим доступа: [www.url:http://sceptsis.net/library/id_2012.html](http://sceptsis.net/library/id_2012.html). – 30.06.2015
62. Зайцев, А.К. Социальный конфликт /А.К. Зайцев. 2-е изд.– М.: Академия, 2001. – 464 с.
63. Замошкин, Ю. А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность / Ю. А. Замошкин. – М.: Наука 1967. – 327 с.
64. Здравомыслов, А. Г. Социология российского кризиса / А. Г. Здравомыслов. – М.: Наука, 1999. – 352 с.
65. Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта / А.Г. Здравомыслов. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.
66. Зеркин, Д.П. Основы конфликтологии / Д.П. Зеркин. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. – 480с.

67. Зиммель, Г. Теория конфликтного функционализма / Г. Зиммель. – М., 1993.
68. Иванников, А. В. Комплексный характер информационной войны на Кавказе: социально-философские аспекты: автореф. дис. кан. фил. наук: 09.00.11 / А. В. Иванников. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
69. Иванов, М. В. Конфликты и конфликтология / М. В. Иванов, В. Г. Смолянский. – М., 1994. – 170 с.
70. Иконникова, Г. И. О понятии социальной технологии / Г. И. Иконникова // Философские науки. – 1984. – № 5.
71. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2005. С. 19
72. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза.– М.: Эксмо, 2000. – 864 с.
73. Качумов, Д. А. Семантический анализ информационной войны в политике: автореф. дис. кан.пол. наук: 23.00.02 / Д. А. Качумов. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
74. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М.: Госвоениздат, 1934.
75. Князева Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры/ Е. Н. Князева. –СПб.:Алетейя, 2004. – 406 с.
76. Князева, Е.Н. Как все начиналось: ретроспективный взгляд на развитие синергетики / Е.Н. Князева // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: ИД «Мир», 2009. С. 593-620.
77. Ковалев, А. Д. Формирование теории действия Толкотта-Парсонса / А.Д. Ковалев. История теоретической социологии. В 4-х тт. Т.3. – М.: Канон, 1997.
78. Ковалёв, Д. Постиндустриальное общество и виртуализация экономики в развитых странах и России/ Д. Ковалёв // Проблемы современной экономики, № 4 (12), 2004
79. Козер, Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте /Л. Козер. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 464 с.

80. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; пер. с англ. О. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.
81. Кон, И.С. Социологическая концепция Герберта Спенсера / И.С. Кон. История буржуазной социологии XIX — начала XX века. – М.: Наука, 1979.
82. Конт, О. Дух позитивной философии / Конт О. – М.: Феникс, 2003. – 256 с.
83. Конфуций. Китайская философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.url: http://www.confucianism.ru/](http://www.confucianism.ru/). – 24.05.2014.
84. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь, как фактор эволюции / П.А. Кропоткин. – М.: «Самообразование», 2007. – 65 с.
85. Крысько, В. Словарь-справочник по социальной психологии / В. Крысько. – СПб.: Питер, 2003. – 416 с.
86. Кузнецова, Л. П. Основные технологии социальной работы / Л. П. Кузнецова. – Владивосток, 2002. – 92 с.
87. Кутырев, В.А. Культура и технология: борьба миров / В.А. Кутырев. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.
88. Кутырев, В.А. Бытие или ничто / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 496 с.
89. Кутырев, В.А. Последнее целование. Человек как традиция / В.А. Кутырев. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.
90. Ленин, В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) / В.И. Ленин. – М.: Издательство политической литературы, 1984.
91. Леонов, Н.И. Хрестоматия по конфликтологии / Н.И. Леонов. – МПСИ, 2002. – 384 с.
92. Лихачева, Э.В. Конфликтология в социальной работе / Э.В. Лихачева. – Балашиха, 2011. – 198 с.
93. Лукин, Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами: Management of the conflicts: учебник для вузов / Ю.Ф. Лукин. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. – 799 с.

94. Мадди, С. Теория личности: сравнительный анализ / С. Мадди; пер. И. Авидон, А. Батусин. – СПб.: Речь, 2002. – 542 с.
95. Майоров, Г.Т. Формирование средневековой философии (латинская патристика) / Г.Т. Майоров. – М.: Мысль, 1979. – 430 с.
96. Макаренко, П.В. Социальные технологии / П. В. Макаренко. – М., 2002. – 138 с.
97. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. – М.: Азбука, 2014. – 512 с.
98. Мальтус, Т. Р. Опыт о законе народонаселения. Т. 1–2 / Т.Р. Мальтус; пер. И.А. Вернера. – СПб., 1868. – 123 с.
99. Манойло, А. В. Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта / Материалы V Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и безопасность». – Киев, 2005. – №8. – С. 73-80.
100. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – М.: Горячая линия, 2003. – 541 с.
101. Марков, М. Технологизация и эффективность социального управления / М. Марков. – М., 1982.
102. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс // 2-е изд. – Т. 4. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 607 с.
103. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М.: Refl-book, 1994. – 368 с.
104. Мартин, У. Дж. Информационное общество (Реферат) / Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник // АН СССР. ИНИОН; Редкол.: Виноградов В. А. (гл. ред.) и др. – М., 1990. – № 3. – С. 115–123.
105. Мартыненко, Н. П. Предпосылки возникновения концепции «инь-ян» в китайской культуре / Н. П. Мартыненко // Arbormundi. Мировое дерево. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. – М., 2006. № 12.

106. Масленников, Р. М. Интернет как проблема социальной онтологии: автореф. дис. кан. фил. наук: 09.00.11 / Р. М. Масленников. – Тверь, 2010. – 20 с.
107. Медведев, В.А. Теоретико-методологические тенденции развития социально-гуманитарного познания / В.А. Медведев // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 3-12.
108. Митяева, А. М. Инновационные технологии разрешения семейных конфликтов у детей с девиантным поведением / А.М. Митяева // Конфликтология. 2014. № 4. С. 129-149.
109. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество/ Н. Н. Моисеев. –М., 1999.
110. Мотрошилова, Н.В. Беспредельное ["апейрон"] в философии Анаксимандра / Н.В. Мотрошилова. История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 45-49.
111. Нечепуренко, Е.К. Социально – трудовые конфликты и протестное поведение рабочих / Е.К. Нечепуренко // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.url:http://web.snauka.ru/issues/2011/05/287/](http://web.snauka.ru/issues/2011/05/287/). – 21.01.2015.
112. Никулина, А. Рецензия на книгу Дж. Скотта / А. Никулина // Знание – сила. 2000. №11.
113. Ойзерман, Т.И. Возникновение марксизма / Т.И. Ойзерман. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. – 600 с.
114. Ойзерман, Т.И. Диалектический материализм и история философии / Т.И. Ойзерман. Историко-философские очерки. – М.: Мысль, 1979. – 308 с.
115. Ойзерман, Т.И. Марксизм и утопизм / Т.И. Ойзерман. – М.: Прогресс—Традиция, 2003. – 568 с.
116. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето. – М.: Территория будущего, 2011. – 207 с.

117. Петрушин, В.И. Конфликтующие культуры – что их создает и формирует? / В.И. Петрушин // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 141-147.
118. Плющ, А.Н. Синергетическая модель организации общества / А.Н. Плющ // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 14-22.
119. Политология: Хрестоматия / сост.: М.А.Василик, М.С.Вершинин. – М.: Гардарики, 2000.
120. Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К. Р. Поппер. –М., 1993. – 188 с.
121. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги / К. Р. Поппер. –М., 1992. Т. 1, 2.
122. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. –М., 1986.
123. Путиловский А. А. Технологии управления политическими конфликтами / А. А. Путиловский // Конфликтология. –2014. –№4.
124. Савченко, И.В. Информационное общество или общество знаний? / И. В. Савченко // Современные наукоемкие технологии. – 2008. – № 10 – С. 45-46
125. Светлов, В. А. Введение в единую теорию анализа и разрешения конфликтов / В.А. Светлов. – М.: Либроком, 2009. С.7-55.
126. Скотт, Дж. Благими намерениями государства / Дж. Скотт. – М.: Университетская книга, 2005. – 658 с.
127. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит // Антология экономической мысли. – М.: Эксмо, 2007.
128. Соколов, А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб., 2002.– 330 с.
129. Соколова, А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. кан. фил. наук: 09.00.11 / А. М. Соколова. – Красноярск, 2007. – 26 с.
130. Соловьев, И.В. О происхождении и содержании понятия «инфосфера». Инфосфера как объект исследования наук об информации // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 6–1. – С. 66-71.

131. Солодников, В.В. Потенциал социальных протестов и власть в современной России / В.В. Солодников // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 63-71.
132. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я. А. Маргуляна. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. –436 с.
133. Степанов, Е.И. Конфликтология как актуальное направление современного обществознания: проблемы методологического обеспечения // Законы научной сферы общества. – Н. Новгород: ПАНИ, 2007.
134. Степанов, Е.И. Обеспечение процесса модернизации в условиях современной глобализации // Конфликтология. 2014. № 3. С. 9-27.
135. Степанов, Е.И. Роль и задачи международной ассоциации конфликтологов (МАК) в процессе предотвращения современных внешних и внутренних конфликтов // Конфликтология. 2015. № 1. С. 7-27.
136. Стратонович, Р. Л. Теория информации / Р.Л. Стратонович. – М.: Советское радио, 1975. – 424 с.
137. Сыбенова, Н.Н. Социальный конфликт как фактор самоорганизации общества / Н.Н. Сыбенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 3.
138. Тернер, Дж. Теория конфликта / Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.
139. Технологии социальной работы: Учебник под общ. ред. проф. Е.И. Холостовой. –М.: ИНФРА-М, 2001. –400 с.
140. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер пер. с англ.– М.: АСТ, 2010. – 784 с.
141. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А.Турен; пер. с франц. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
142. Урсул, А.Д. Информатизация общества (поиск закономерностей системы) / А.Д. Урсул // Информационное общество. – 1990. – № 3. – с. 7-18.

143. Фильк, Д. Марксизм после постмодернизма: переосмысление субъекта политики освобождения / Д. Фильк, Ч. Рам // Социологические исследования. 2015. С. 22-32.
144. Фортунатов, А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности / А.Н. Фортунатов. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2009. – 338 с.
145. Фортунатов, А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма / А.Н. Фортунатов. – Н. Новгород: ННГУ, 2009. – 212 с.
146. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. Лекции. – М.: Наука, 1989.
147. Хайдеггер, М. Гераклит / М. Хайдеггер; пер. с нем. А. Шурбелев. – М.: Владимир Даль, 2011. – 504с.
148. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1980.
149. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза / К. Хорни. – М.: Академический проект, 2007. – 216 с.
150. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2003. – 608 с.
151. Цертелев, Д.Н. Философия Шопенгауэра. Ч. 1. / Д.Н. Цертелев. – СПб., 1880.
152. Цицерон, М. Т. Диалоги / М.Т. Цицерон. – М., 1994.
153. Цой, Л.Н. Практическая конфликтология. Книга первая / Л.Н. Цой. – М., 2001.
154. Цыбенков Б. Ц. Методологические возможности синергетики в познании социальных процессов: дис. кан.фил, наук: 09.00.11 / Б. Ц. Цыбенков. – Москва, 2002. – 142 с.
155. Черепанов, А. А. Проблема социального кризиса: философско-синергетический подход: автореф. дис. кан. фил. наук: 09.00.11 / А. А. Черепанов. – Тверь, 2006. – 24 с.
156. Шаленко, В.Н. Трудовые конфликты: методология, теория и управление / В.Н. Шаленко. – М., 2008.

157. Шаленко, В.Н. Управление трудовыми конфликтами на российских предприятиях в условиях становления социального партнерства: дисс...доктора социологических наук / В.Н. Шаленко. – М., 2001. – 451 с.
158. Шетулова, Е. Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: дис. док. фил. наук: 09.00.11 / Е. Д. Шетулова. – Нижний Новгород, 2010. – 310 с.
159. Шетулова, Е.Д. Концепция информационного общества Д. Белла: значение идей и возможные направления критики // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. – Нижний Новгород: Изд-во НГТУ, 2012. С. 308-311.
160. Шетулова, Е.Д. Отчуждение в историческом процессе и будущее России. К методологии проблемы / Е.Д. Шетулова. – Нижний Новгород: Изд-во НГТУ, 2009. – 157 с.
161. Шетулова, Е.Д. Социальная революция как форма отчуждения / Е.Д. Шетулова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. С. 47-52.
162. Шетулова, Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: автореф. дис. док. фил. наук / Е.Д. Шетулова. – Нижний Новгород, 2010. – 37 с.
163. Щербаков, А.В. Проблемы регулирования трудовых споров / А.В. Щербаков // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 3. С. 92-96.
164. Щербина, В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние / В.В. Щербина // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113-124.
165. Щуров, В.А. Новый технократизм: феномен техники в контексте духовного производства / В.А. Щуров. – Н. Новгород: ННГУ, 1995. – 111 с.
166. Эллюль, Ж. Другая революция / Ж. Эллюль // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1989. – С. 147–148.

167. Юнг, К. Душа и миф. Шесть архетипов / К. Юнг. – М.; Киев: ЗАО Совершенство – "Port-Royal", 1997.
168. Юнг, К. Психология бессознательного / К. Юнг. – М.: Канон, 1994. – 320 с.
169. Юнг, К. Тэвистокские лекции / К. Юнг. – М., 1998. – 295 с.
170. Ядов, А.В. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения / А.В. Ядов. – М., 1991.
171. Яковлев, А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие / А.Н. Яковлев. – М.: Новости, 1992. – 288 с.
172. Ян, Хиншун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение / Ян Хиншун. – М., 1950.
173. Яницкий, О.Н. Современные войны: взгляд социолога / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 156-164.
174. Boulding, Kenneth E. Conflict and Defense: A General Theory / K.E. Boulding. – San Francisco, 1963. – 366 p.
175. Browne, E. Janet Charles Darwin: vol. 1 Voyaging / E. J. Browne. – London: Jonathan Cape, 1995.
176. Brzezinski, Z. BETWEEN TWO AGES America's Role in the Technetronic Era / Zbigniew Brzezinski. – New York, 1970.
177. Internetusagestatistics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.url: http://www.internetworldstats.com/stats.htm](http://www.internetworldstats.com/stats.htm). – 19.01.2014.
178. Kahn, H. The Year2000 A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three Years / Herman Kahn, Anthony J. – The Macmillan Company, New York, N.Y. Collier-MacmillanLimited, London, 1967.
179. Loomis, Ch. P. Modern social theories / Ch. P Loomis, Z. K. Loomis. – N. Y., 1961. – 262 p.
180. Marshall, T H. Citizenship and Social Class / Thomas Humphrey Marshall. – Cambridge Eng.: University Press, 1950. – 128 p.
181. Marshall, T.H. Sociology of crossroads / Thomas Humphrey Marshall. – Cambridge Eng.: Heinemann, 1963. – 348 p.

182. Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Wash.: World Future Soc., 1983
183. Nora, S. The Computerization of Society. A Report to the President of France / S. Nora, A. Mink пер. наангл.—Cambridge, L., 1980.—340 p.
184. Poster, M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context / M. Poster. – Cambridge: Polity Press, 1990
185. Shaw, M. E. Theories of Social Psychology / M. E.Shaw,P.R. Costanzo. –New York, 1970.
186. Sumner, W.G. The Conquest of the United States by Spain / W.G. Sumner. – Yale Law Journal, 1899, v. 8, № 4.P. 168-193.